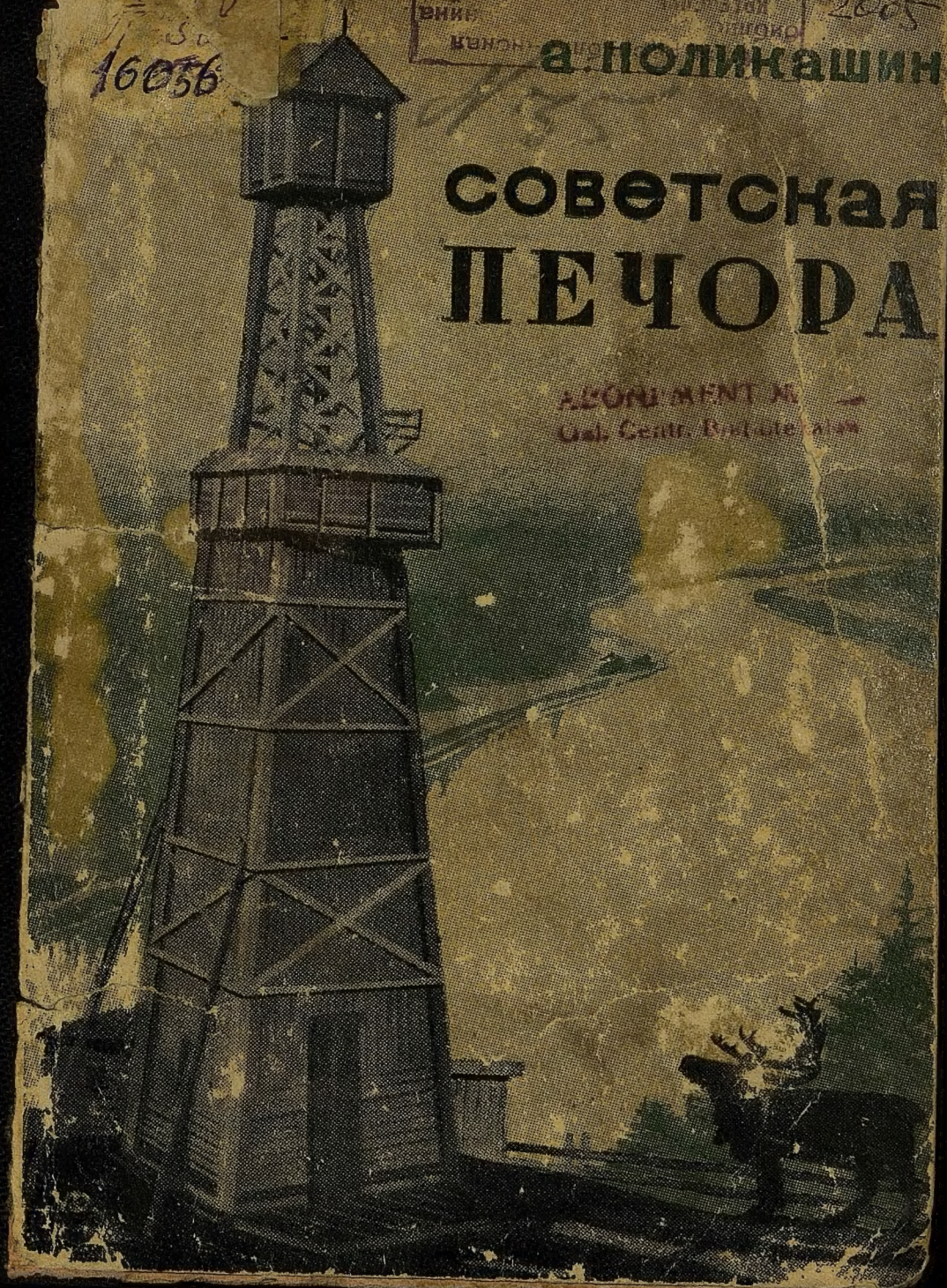
16056

А. ПОЛИКАШИН

СОВЕТСКАЯ ПЕЧОРА



Пр... но
1950.

19/X 258. 1/III 969.
10/XI 2430
19/XI 2707
8/X 530
20/XI 291
6/I 3674
15/III 2396.
24/II 1137

ПРОВЕРЕНО

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.

Зак. 580

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

А. ПОЛИКАШИН

СОВЕТСКАЯ ПЕЧОРА

ABONEMENT №
Oul. Centr. Bibliotekalan

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Предисловие акад. И. М. Губкина

СЕВКРАЙГИЗ
АРХАНГЕЛЬСК
1934

Беллетристические очерки о Печоре и Печорском крае — результат личных наблюдений и впечатлений автора, совершившего в 1932 году поездку вниз по Печоре, от истоков до впадения ее в Полярное море.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

Типография Севкрайполиграфтреста № 2. „Северный Печатник", Вологда, ул. К. Маркса, 70.

„... За гигантскими стройками, как за горным хребтом, уже не видно той огромной работы, которая идет по всей плоскости нашей страны, развивается на всех ее точках, изменяет ее физическую географию, создает совершенно новые центры промышленности"...

„Как можно больше учиться, узнавать свою страну, знать хорошо, где, что в ней, в чем она нуждается, знать ее прошлое, настоящее и будущее".

М. Горький

дожника
ВАНОВИЧА
ОВА

явились мы *
2 г. вечером,
со звоном
Разговоры
вали особые
тысячу гори-
шным белым

почти подо-
истов не су-
упомянуто.
говоривший
нас не мог.
В трехтом-
и несколько
около 2000
м странам".
ерст только
ндра. Насе-
территорию,

Суворина)
скопаемыми

изолирован-

орреспондента
. Вас. Егоров,
ный художник

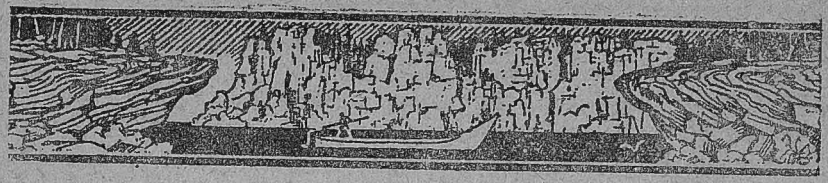
ПРЕДИСЛОВИЕ

Печорский край таит колоссальные и еще далеко не разведанные потенциальные силы, располагает многочисленными источниками для индустриального развития огромной окраины Союза. На изучение и освоение мощной минерально-сырьевой, топливной базы и других природных богатств Печорского края брошены только первые силы, которые надо пополнить и умножить, чтобы скорее вывести Север в ряд промышленных районов советской страны.

Поэтому книга тов. Поликашина правильно ставит своей задачей привлечь к этому краю внимание нашей общественности и прежде всего нашей молодежи. Для наших туристских обществ открывается новое поле широкой и нужной работы. Советская молодежь найдет новое приложение своему энтузиазму, своей тяге к знаниям и здоровой героике в борьбе за осуществление великих целей коммунизма.

Книга тов. Поликашина открывает завесу к прошлому Урало-Печорского края, в живых образах рисует бытовые, исторические особенности, первые шаги к социалистической переделке края, его трудности и контуры будущего. Книга делает достойный вклад в новую литературу о Севере, которой у нас так мало.

Академик И. М. Губкин



Памяти художника
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
ГАТИЛОВА

ДОРОГА В ПЕРВОБЫТНОСТЬ

С походными сумками явились мы* к поезду 31 июля 1932 г. вечером, когда на площади трех вокзалов Москвы бурно, со звоном и гудом разматывался клубок столичного дня. Разговоры с провожавшими клеились плохо. Мы переживали особые „вокзальные чувства". Предстояло путешествие за тысячу горизонтов в страну, которая на карте значится сплошным белым пятном, едва тронутым жилами таежной реки.

В обществе туристов нас накануне встретили почти подозрительно. Печорского маршрута в практике туристов не существовало, и в справочниках общества о нем не упомянуто. Штатный маршрутовед, только что увлекательно говоривший о Кавказе, Мурмане и Кузнецке, ориентировать нас не мог.

Пришлось обратиться к старым справочникам. В трехтомном словаре Ф. Толля (С.-Петербург, 1864) нашли несколько строк. Длина течения Печоры, по данным Толля, около 2000 верст, река течет большей частью „по пустынным странам". Из общей площади Печорского края в 332 000 кв. верст только 90 тыс. десятин — угодья, остальное — тайга и тундра. Население — 8800 дворов (120 деревень) — горстка на территорию, где уложится не одно европейское государство.

Справочная книга „Урал" (1917 года, издание Суворина) „порадовала" указаниями, что, хотя край богат ископаемыми и другими дарами природы, он

„благодаря полнейшему бездорожью остается изолированным от остального мира"...

---

* В состав нашей экспедиции, кроме автора книги — спец. корреспондента „Известий" — входили фотокорреспондент „Рабочей Москвы" Ан. Вас. Егоров, фотокорреспондент Союзфото Вик. Пав. Чемко и ныне покойный художник Н. И. Гатилов.

Отсутствие путей сообщения — это настоящее проклятие Печорского края. Чтобы попасть сюда, например, из Москвы, нужно сделать (через Архангельск) 3859 верст..., а внутри края — на лодке, верхом, на телеге, пешком. Само собой понятно, что при таких условиях нет решительно никакой возможности, хотя бы приблизительно, определить продолжительность поездки в определенное место. Она зависит от тысячи и одной случайности...

Богатейший край продолжает находиться в своем первобытном состоянии"...

Чтобы попасть в глубь края, „нужно,— заявляет автор книги Доброхотов,— предпринимать такую же экспедицию, как в центр Африки во времена Ливингстона"...

Хорошее „утешение" в дорогу!

Но мы были не первыми, кого волновали и манили к себе загадки севера. Мы выбрали путь на Печору не морем, через Архангельск, а тайгой, через уральский север...

Глядя на бурную площадь вокзалов, трудно было представить безлюдье тайги, холод ее ночей, тишину рек и дикость расстояний.

Со времен Суворина прошло только 15 лет. Но это были годы революции. И то, что мы увидали в Печорском крае теперь, опрокинуло доброхотовские заключения. Нет больше первобытного забытого края. Есть Коми-область, выполнившая свою прекрасную пятилетку. В бассейне Печоры, как и по всему Северному краю, совершаются замечательные научные и созидательные работы, появились новые люди, возникли новые промыслы, ликвидирóвана голодуха бывших „инородцев", вырисовываются контуры социалистического лесного севера.

Эти записки — короткий отчет о том, что мы видели, почувствовали, сфотографировали.

Автор

ХМЕЛЬ И БЕТОН

Короткая и последняя июльская ночь пролетела за поездом до полей ярославского края. Позади остались Волга, Данилов, Буй... За окнами бесконечным парадом потянулись вятские леса. Их серозеленый разлив лежит в паутине необычной дымки. Где-то курятся лесные пожары, неизменные спутники жаркого лета.

В редко выплывающих полях золотеет созревшая рожь, высятся первые скирды. И опять лес, то затянутый дымкой, то величественный своей дремучестью.

На рельсах ночь длится, громоздкая и душная, хотя небо не перестает светить. Мы засыпаем только на рассвете, а высовываемся в окно, когда солнце тянет в окна пыльные золотые лучи.

На станциях — ягоды, яйца, молоко — дары колхозного лета. Жара струится в окна, тянет пить. На платформах пахнет углем, разогретым асфальтом и экспортным лесом — там и тут горбятся доверху нагруженные платформы.

Вагон полон говора. Слышны названия сибирских станций, шелест газет, справки о пересадочных пунктах, об отпусках, перебросках, командировках... Вся страна в движении.

Нас тоже спрашивают, куда едем.

Не удивились, только внимательно оглядели с ног до головы:

— Далеконько...

Поезд тороливо отсчитывает стыки рельсов, иногда замахиваясь гривой дыма прямо в окно...

Ночью проехали Котельнич, на рассвете — остановка в Вятке. Я не был здесь два года. Знаменитые ларьки вятских кустарей переместились на фланг платформы, обзавелись досчатыми тротуарами, упорядочились. К табачницам, шкатулкам, лошадкам, гармоникам на полках прибавились обувь и учебные пособия. Новые вывески ларьков указывают на успехи промысловой кооперации. Людный вокзал, кажется, стал теснее.

Позади вокзала поднимаются новые стройки, в сторону города везут кирпич.

На улице оказывается пасмурно и холодно, зябнут руки. Невольно подумалось: Так скоро? После вчерашней жары-то?

— Запечорило! — смеемся мы.

На вторых путях — товарный поезд. Две платформы — с разобранными гидропланами. Надпись мелом — *на Печору!*

Первые наши попутчики. Да еще какие!

3, 4, 5 августа. Мы в Перми. Опять жара. Город раскален и покрыт пылью. Мостовые разворочены, ведутся работы по благоустройству города. Его я не видел с осени 1923 года. Вдоль главной улицы — от вокзала до Камы и дважды наперерез проложены трамвайные линии. Звенят новые вагоны. Цепью железных журавлей протянулись над рельсами кронштейны мачт. Дома умылись, подкрасились, появились „небоскребы", подчистились скверы.

Мы поселились на шестом этаже новой гостиницы. Лестницы еще без перил, в коридорах не закончены полы, — а людская волна залила все семь этажей, по комнатам выстроились кровати, столы, шкафчики.

Город растет. В магазинах суета, блестят широкие окна новых зданий, базарная сутолока улеглась в новеньких крытых рядах, еще пахнущих стружкой; нет-нет прогремит широкозадый грузовик, и мимо белой перчатки милиционера спешат, обгоняя друг друга, люди.

Чаша города стала полнее. Это далеко не Москва, но на нее наши города стали похожи спешкой, ростом, деловитостью. Сонь, царившая в Перми еще несколько лет назад, козы, бродившие среди улицы, обломовская провинциальность — отошли в историю.

После полудня уходим на высокий берег Камы. Красиво, серьезно, хлопотно выглядят берега. Вдали за рекой — дымное марево лесов. Глубокая, спокойная даль, бездыханный от жары воздух. А на реке с барж и обратно по тугим мосткам снуют люди, идет разгрузка цемента в бочках, тяжелых ящиков, кирпича. Аукаются гудки пароходов.

Вдоль реки в полберега вытянулись рельсы. Часто идут переполненные поезда.

Ниже над Камой стальное кружево моста, выше — в кудрях дыма — Мотовилихинский, ныне Молотовский завод. Я видел его в том же 1923 году. Теперь там выросли новые трубы. Клубы дыма, выпирающие к облакам, говорят о неумолчной жизни цехов...

Один из вечеров я провожу в библиотеке местного музея. Прохладные, низкие комнаты — бывшие покои бывшей церкви. Они перегружены теперь книжными полками и кажутся тесными. Гордость библиотеки — богатое сборище литературы

по истории края и севера. Но теперь нас интересуют не столько древности края, сколько его будущее. Мы поехали знакомиться со строительством Камского целлюлозно-бумажного комбината.

База комбината — бескрайные массивы леса, укутавшего собой берега Камы.

Старые справочники библиотеки гласят, что „уже в XVI веке пермяки эксплуатировали" эти пространства: рыбачили и... щипали дикий хмель.

В наши дни шаги индустрии врываются сюда по-иному. Строится гигант — Бумкомбинат. Его программа — 105 тыс. тонн печатной бумаги, 7 тыс. тонн оберточной, 104 тыс. тонн целлюлозы, 81 тыс. тонн древесной массы. Вложения 100 млн. рублей. Размер этих цифр становится ясным в сравнении: комбинат удвоит производство бумаги в стране Советов...

Мы видим рост первых корней этого гиганта. Еще не высохли пни на таежной росчисти, а двухэтажные дома уже составили целый рабочий поселок. Заканчивается стройка десяти домов; до конца года новоселье отпразднуют строители еще в 24 домах... А дальше — готовятся новые и новые корпуса. Как далеко ушли от прежних „насельников Урала", от своих отцов эти башкиры, татары, видевшие в лесах одну непроходимость и дикий хмель!

В Перми мы читаем свежие газетные телеграммы о новых валах безработицы, поднявшихся в „цивилизованных" Европах, а на советской, гудящей стройками земле набор рабсилы стал важнейшей задачей. Одному Камскому Бумстрою остро нехватает в эти дни полторы тысячи рабочих. Гонцы от управления стройки снуют по разным углам края в поисках новых рабочих рук. Цемент, лес, рельсы стекаются сюда, давая полную нагрузку водам Камы. Врываясь в лесной грунт, превращая чертежи в осязаемые контуры стройки, поднимаются первые бетонные опоры „новой крепости культурной революции".

ПО СЛЕДАМ ЕРМАКА

В сумерках пароход „Зенит“ двинулся вверх по Каме. С водного простора Пермь глянула красавицей. Будто глядясь в зеркало, накопил город эту красоту...

Проплыли Мотовилиху. Она укутана в шубу дыма и расцвечена огнями. Огни цепочкой протянулись вверх по реке на целые километры.

Заводы, бор, лесопилки, будки, огни поселки... Мы развертываем старую карту-десятиверстку, чтобы разобраться в этих „точках“.

Напрасно. Карта безнадежно устарела, много настроено нового, на новых местах.

Потом все покрыла ночь. Сияет отражением неба только река, играют огоньки в воде, шумит вода за бортом, и сквозь сон слышится могучий трепет пароходных колес. Где-то здесь, близ устья р. Чусовой определено место для будущей гидроэлектростанции в 400 тысяч киловатт...

У Добрянского завода „Зенит“ поворачиваем обратно. Ночуем на берегу, против рабочего поселка. Нас разбудил крик паренька. Мальчик-татарин лет десяти ругается с тятькой. Тятька, хромой и подвыпивший, не хочет итти домой, пробует заснуть на траве.

У мальчика тяжелая сумка хромого отца, и каждый раз, когда отец хочет его поймать, тянет ее вперед шагов на двадцать. Отец злобно ковыляет вслед. Отец грозит побить, сын грозит „сказать в партию“...

Через полчаса они скрываются в рассветном тумане. Тактика сына победила.

За поселком и на том берегу зеленеет лес, и желтеют хлеба. Выше по берегу — склады, рельсы, дорога к заводу.

Еще пахнет росой и туманом. Мы с Н. И. Гатиловым, прихватив ружья, отправляемся в лес. В лесу за обширной поскотиной слышим многоголосый звон бубенцов,— это бродят коровы. За оврагом, за пышным и пахучим полем вступаем в лесную тесноту — с валежником, дикой малиной и густой травой. Без часов и без привалов долго бродим, поднимая тетеревов и рябчиков. Над лесными покосами в синей вышине кричат ястреба, внизу в ивовых и ольховых зарослях журчит какая-то речка. Жара вместе с солнцем поднялась в полной

силе. Усталые и потные, чуя тяжесть сапог и патронташей, мы рады первому запаху ружейного дыма, лесной тишине, ключевой светлой речке.

По ручью вышли на Каму к заводу, в трех километрах выше пристани. С горы завод виден, как на ладони. Широкая площадь вокруг завода завалена всяким железом, тяжело дышит паровоз, не умолкает грузный лязг металла. Завод обслуживает нужды водного транспорта.

Дорога к пристани вдоль восьмитысячного поселка под зноем показалась чрезмерно длинной. Но вот и палатка, уже поднятая. Падаем, стаскиваем сапоги, оголяем плечи, дышим рекой и солнцем. Начался долгий, горячий день, когда все кругом кажется разомлевшим и бессловесным.

Вечером к нашему костру подходят крестьяне.

— Экспедиция?— спрашивают.— Вам не нужно ли рабочих?

— Разве трудно работу найти?

— Робим, заводские мы, да охота на новые места...

Рассказывают нам о „сухоте“ в полях, о пермском базаре, о проезжих людях „со станками“, о жизни на плотах, о зарезанных медведями коровах.

В два часа ночи далеко внизу показывается треугольник огней. Неслышно приближается долгожданный пароход. Нас тянет скорее в тайгу, туда, где давно затянут узел нашей фантазии.

---

8 августа. Утро в солнце. Мы на палубе. Торжественной гладью блещет Кама, близкая, широкогрудая. Навстречу плывут плоты. Желтыми пирогами тянутся песчаные острова. Лес, зеленый и густой, манит на берег, то отступая, чтобы дать место заливным лугам, то приближаясь к самой воде. Иногда в лесную чащу вонзаются блесткие клинки притоков.

Воздух чист и тепел. Нет сил уйти с палубы, оторваться от этих картин. Бесконечные плоты, леса́, покрывшие все горизонты, гулливая Кама, стройный ход парохода, широта чистого неба, чувство давно не виданного отдыха...

Мы говорим о бескрайности земель нашей страны, о поэзии рек, о неистощимых запасах природы.

На водной дороге встречаем землечерпалки, баржи, хлопотливые лодки крестьян, едущих на покосы, и опять плоты. Иногда песчаное дно реки выпирает кверху, мы попадаем на перекат, пароход замедляет движение и, осторожно приутюживая дно, переваливает дальше.

Пристань Пожва, Майгорский и Пожевский заводы. С барж разгружают кирпич. У складов на берегу новые веялки-сортировки, какие-то механизмы, тачки, моты проволоки, руда, шлак. Стройными опорами вонзились в воду эстокады. Снуют люди. С дальнего берега слышен вязкий стук, размеренно и хозяйственно идет забивка свай.

Снова зыбкое полотно реки, и на этом полотне ленты плотов и тирешки отставших бревен. На плотах новенькие избушки плотовщиков, спокойных, как сама река...

У пристани Нытвы (ныне Орел) — длинная очередь сплавного леса, лесопилка, десятки тяжелых лодок. За реку едут покосники. На маленьких лодках снуют ребятишки. Они прыгают в воду перед самым пароходом или уводят лодку на середину реки и оттуда бросаются вплавь наперерез валам воды, которые следуют за пароходом.

В Нытве среди ладных двухэтажных домов — низкая каменная церковь — древняя, посеревшая старуха...

Здесь когда-то проходил великий путь из Индии в Пермь-Великую, в Пермь-Вычегодскую и к Белому морю. С Каспия через Волгу проплывали восточные купцы в Каму и по ее жилам добирались до устья Северной Двины. Люди Востока встречались тогда со знаменитыми мореплавателями древности, варягами-норманнами. Везли драгоценные уральские камни, пушнину, собранный с инородцев ясак (натурналог), денежную казну, продовольствие... Ермак шел „воевать" Сибирь исключительно водой. С Волги он прошел Каму и ее притоки — Чусовую и Серебрянку; затем короткий перевал за Урал в речки Журавлик, Баранчу, Тагил, Туру и Иртыш, ставший впоследствии легендарной могилой царского завоевателя огромной части Азии.

Ермак был когда-то и здесь, в Орле, прежде носившем имя града Кардегана. Сей Кардеган прославился именами крупнейших на Урале купцов и промышленников Строгановых, которые, пользуясь даровым трудом крепостных и бездомных, наживали огромные состояния на солеварении, заводских промыслах и торговле. В XVI веке они построили здесь крепость. Ермак также бывал у Строгановых. В Ленинградском музее хранится пищаль (ружье) с гравированной надписью: „Во граде Кардегане на реце Каме дарю я, Максим, сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090" (1582 г.).

Строгановы знали, кого уважить и одарить

Много воды утекло с тех пор. Иные походы и войны ведут потомки строгановских рабов. Из года в год растет рабочая

нагрузка Камы. Лес, хлеб, нефть, сырье, заводские изделия, оборудование, свободная рабочая сила, скорее похожая на путешественников. Древние пуды сменились миллионами советских тонн. От вятской деревушки Карпушиной, где рождается первый ручей-Кама, и до самой казанской Волги ветер смешивает ныне дымки деревенских изб, рыбачьих, пастушьих и исследовательских костров, запах полей и хвои с дымом грузных заводов.

Мы приближаемся туда, где в небо вонзились копья-трубы нового Березниковского гиганта, а в стороне, на месте жалких избушек-солеварен — шахты социалистического Соликамска. Мы едем путем, над которым полтора десятилетия назад свистали пули красных партизан, гражданской войной захватывавших для переделки старый строгановский мир. Мы едем рекой, которая, забыв о плеске ермаковских стругов, стала большим трактом нашего промышленного севера...

Жалкую судьбу имеют некоторые факты истории. Вот высокий берег Пыскора. Тоже вел Пыскор в древности торговлю с Волжской Булгарией и с прикаспийскими „странами". История Пыскора началась, конечно, со строительства церкви. Затем — строгановские хоромы, монастырь, кельи, выдвижение своего преподобного. „Святые" дела велись об руку с купеческими, в окрестностях Пыскора добывали медную руду для пушек и колоколов. Потом медное дело было заброшено, истощились запасы руд, а без богатого соседа отцвел и пыскорский монастырь. История повествует, что в восемнадцатом веке здешнему архимандриту Иусту пришла в голову идея перенести монастырь на новое место, к речке Лысьевой. И перенесли, рабочих рук нагнали достаточно. Потом годами тянулась волынка с новым переводом монастыря или в Соликамск или в Пермь, куда хотелось получить его губернатору Кашкину, а за это время монастырь захирел. Дело заторопили. Так как монастырский хозрасчет был гнилым, на перестройку заложили в Вятке весь его „капитал" — две архимандритских митры. Выручки 40 тысяч рублей нехватило, и от монастыря осталось голое место да поговорка: „Где был Иуст, там монастырь пуст".

ЧУДО НА БОЛОТЕ

Близко к вечеру заблестели солнечные лучи, разгладились морщины Камы. Дымка горизонта погустела. И совсем незаметно, словно из этой дымки, родилась обширная панорама Березников, увенчанная величественными клубами дыма.

Химсиндикат, построенный за каких-нибудь два года, кажется издали фабричной окраиной столичного города. Три десятка высоких труб вонзились в мутное небо и неслышно курятся за дальней чертой речного поворота.

Большие точки человеческих глаз густо усеяли окна и палубу, как в кино, наблюдая наплыв сооружений, одно другого грандиознее. Старые стройки даже на ближнем плане по сравнению с новыми великанами имеют жалкий вид... Уцелевший от прошлого века главный цех бывшего Содового завода с его кичливо поднятой вышкой кажется уже лишним в этой картине...

По дороге, пересекшей недавнее болото, добрались мы к „дому приезжающих". „Электрический" вечер настал скорс и незаметно, и всю ночь манил к себе за окно многоголосый шум завода, еще не потерявшего звание стройки,— там и сям в ажуре вздыбленных металлических конструкций не прекращается шум работ.

День встает над Березниками душный и сухой. Бездождье длится в этом краю уже месяц. Пышный слой пыли скрадывает грохот колес на мостовой.

Здания, деревья, земля — все в пыли. Ни облачка, но небо серо-серо, как шинельное сукно. В этой серости солнце поднялось как желток, брошенный в дешевые чернила. Верхушки деревьев в клубном саду засохли. После зеркально-светлой реки эта серость показалась гнетущей. Но такое впечатление быстро рассеивается. Кругом бурлит шум работы, буханье бабок на сваях, крепкий хохот пневматических молотков...

Я отправляюсь туда. Навстречу из-за деревьев, словно океанский многотрубный корабль, выдвигается корпус здания, весь в мачтах-блоках и тросах-реях. На его „палубе" гремит труд. Это достраивается одна из величайших в мире (48 тыс. киловатт) ТЭЦ высокого давления. Над головой протянулась цепочка вагонеток воздушной железной дороги. Внизу каблуки несколько раз стукаются о рельсы. Автогру-

зовики один за другим проносятся мимо, взметая пыль. В стороне аукаются паровозы, тяжелой одышкой шипит силовая. Насыпь железнодорожной ветки пересекла последнюю лужу болота...

— Где главная контора?

Мне указывают деревянный дом в два этажа. Под окнами палисадник, цветочные клумбы.

Начальник строительства тов. Грановский в отъезде. Его заместитель тов. Баяр только что пришел. Сапоги, рубашка, кепи — попудрены известкой:

— Бегал на небольшую аварию,— говорит он, вытирая лоб.

Во всю стену — карта строительства, лабиринт линий пунктира, фигур. Тов. Баяр ведет беседу, скользя линейкой по этим чертежам. По мере его рассказа словно оживает карта, становится ясной сложность грандиозного комбината-лаборатории.

— Пущена только первая очередь...

И сразу с тревогой:

— Нам нехватает 26 процентов рабочей силы, почти пяти тысяч людей. Текучесть огромная. Одни бегут по деревням на уборку, другие — на новые стройки, где рубль „подлиннее". Для вербовки нам отвели Черноземную область и Коми-Пермяцкий округ. Но и там вербуют другие организации. Вместо тысяч мы собрали сотни...

— Начали урезать наши заявки на материалы, считают, что, раз первая очередь Березников пущена, дело пойдет гладко. Это верно, что серия заводов пущена, но ведь они работают еще в варварских условиях — недоделки, рытвины, теснота...

Помолчав, добавляет:

— Правда, эти же трудности есть и на других строительствах. Но ведь комбинат пережил чрезвычайно тяжелую зиму, испытывали колоссальные сооружения, аварии выдержали... —

— Иностранцы? Иностранцы отзывались всяко. Говорили вначале так: „Ваши люди повехностны и неряшливы. Не умеете управлять механизмами". В наших людей не верили. А теперь другое слышишь: „Мы не в силах такие вещи делать"...

Тов. Баяр улыбнулся в первый раз.

Прораб тов. Хватов провожает меня на „площадку" строительства, которой не видно конца. И первое, что я помню, обойдя несколько зданий: их внешний вид ничего вам не скажет, он даже скучен, хотя и величествен.

Сернокислотный завод. Без высоких труб, даже на завод не похож. Серые новые стены. Внутри сразу нас окутывает

ровный приглушенный шум. Он течет где-то по трубам, перекрестившим воздух в цехах. На железобетонных лапах-сваях — вавилонского размера баки с кислотой. Упади туда слон — сгорит, как мышь. Только свинец не сгорает, выдерживает эту кислоту. Коленчатые, полутораметрового диаметра трубы, чугунные лестницы. Войдешь наверх — видишь чудовищные хоботы котлов, переплеты металла, вентиляторы, ровный свет, чистый воздух. Можно себе представить, какое адское удушье стояло бы здесь у старых хозяев. Но советский завод — чудо техники, не жалеет средств на охрану человека. Таинственный химический процесс творится в свинцовых баках и трубах, незримый и едва слышный. Людей в цехе почти нет. Работают машины и аппараты...

Силикатный завод. Мощные станки механически пережевывают кирпичное сырье и непрерывно, один за другим, высовывают из вращающихся дисков точно подутюженные серые кирпичи. Человеку остается их принять.

Механические печи глотают сразу тысячи кирпичей и высушивают их с невероятной скоростью. За воротами целые штабели и вагонетки с еще теплыми кирпичами.

Рядом — фибролитовый завод. Из отбросов, стружек и т. п. готовят прекрасные плиты — кирпичи.

Тов. Хватов нарочно завернул на „свою" стройку — вторую очередь компрессии. Глазам представилась площадь, на пять с половиной метров в глубину залитая бетоном. Из бетона, как несгибаемая щетина, торчит железная арматура-костыли. На полном ходу растворомешалки, бетономешалки, камнедробилки. Начата кладка стен. Еще одна могила для болота, существовавшего веками. Здесь на железобетонном дне, которое неспособно погнуться или дрогнуть, скоро поднимет плечи новый гигант, выровняется с соседними. Сюда укладывают 640 тысяч кирпичей и почти 8000 кубометров бетона... Объем одного этого цеха, вернее, только второй очереди цеха компрессии — свыше 4000 кубометров.

Компрессоры, которые сюда поставят, прессуют... газ. Их сила — 300 атмосфер. Проще сказать так: 10 000 кубометров газа спрессуют в 60 кубометров!..

Водоочистительная станция. Высота — 11 этажей! Баки-отстойники, каждый объемом в 500 кубов. Пропускная способность 750 кубометров воды в час. Выше расположены 750-кубовые баки-отстойники. Камская вода, которая глазу кажется такой чистой, не годится для металлических желудков котлов. Котлы химсиндиката требуют дистиллированной, абсолютно

чистой воды. Воду превращают в пар, пар — опять в воду, и только после этого вода пригодна для котлов. В ней не остается уже ни примесей, ни растворов, ни газа.

Мы шагаем лабиринтом строек. Люди в разных одеждах, разного возраста, разной хватки, разного говора: из разных областей и районов. Их объединил здесь созидательный труд. Лапти, ботинки, кожаные сапоги, резиновые сапоги, крепкие чоботы — смотря по условиям работы — снуют, куда ни глянь. Но нет хаоса. Людской муравейник строен, полон великого смысла.

По всем углам бесконечно застроенной „площадки" разбросаны деревянные конторы-времянки. На их досчатых стенках публикуются сводки о ходе работ, цифры плана, дневных заданий, норм выработки, показатели ударного труда, расчеты расходов рабсилы, материалов, часов. Рабочие в перерыв или приходя на смену, медлительно свертывая папиросу, рыщут глазами по этим сводкам, вспоминая вчерашние показатели.

„Компрессия первой очереди" уже работает. Подвальный этаж в тяжелой паутине труб, переплетающихся, словно корни. Этажом выше — больнично-строгая чистота, кафельные полы, тщательно крашеные установки, десятиметровые маховики...

Немец-инженер в белой рубашке с засученными рукавами перебегает от машины к машине. У него сытый, счастливый, неутомимый вид. Здесь полный простор его способностям и знаниям. Вечерами, в новой квартире, наверно, вспоминает он свою капиталистическую Германию, своих безработных коллег и остывшие заводы.

А вот и ТЭЦ, прекрасное, дающее жизнь всему синдикату, сооружение. Турбинный зал. Чудовищные котлы и опять переплеты труб. Рычаги, „смертельные" надписи, циферблаты. Под крышей меж крашеными в желтое трубами, на фоне железных опор пролегают рельсы десятитонного крана-Демага... Турбины.

Еще много недоделок. Временные перила сделаны из простых, неоструганных досок. На перилах часы-ходики. Странно видеть их среди мощных драгоценных машин.

Сверху вниз, в пролеты третьего этажа, виден вскрытый пол. Роют котлованы и заливают бетоном формы, похожие на кессоны. Там будут огромные баки для масла...

ТЭЦ не охватишь глазом и не скоро осмыслишь. Кое-что о ней я узнаю потом. Воздушные вагонетки издали, звеня, несут каменный уголь, ссыпают его в бункеры под крышей, откуда уголь валится в мельницу. Мельница превращает булыжины угля в тончайшую пыль, которая течет, как чернила. Горячий воздух по трубам гонит эту пыль в пять котлов. Они

ABONEMENT
Ond. Centr. Bibliotekarski

питают шесть турбин высокого давления, мощность которых 83.000 киловатт, больше 100 тысяч лошадиных сил... Десятки атмосфер давления идут на вращение турбин, десятки — химическому производству...

Блеск и гуд машин, гордая высота корпуса, стройность линий, таинственность механизмов волнуют, заставляют умолкать, думать о сотнях других гигантов, вырастающих на советской земле, на ее горах и болотах, заставляют думать о нашем будущем.

Рядом с ТЭЦ — генераторная, где каменный уголь, кокс закрыто сгорает, выделяя газ. Отсюда газ идет в цех конверсии, в газгольдеры.

Газгольдер — цилиндрической формы башня, похожая на станционные баки горючего. Только тут высота другая — цилиндр газгольдера имеет высоту 35 метров.

Эта „посудинка" покоится на бетонном основании, залитом водой. На воду опрокинут кверху дном раздвижной железный „стакан" высотой в семиэтажный дом. В низ газгольдера нагнетается углекислый газ; „стакан" медленно раздвигается, пухнет, растет, его круглое днище, волоча за собой брони стен, ползет по вертикальным рельсам все ближе и ближе под крышу газгольдера, выпрямляется во весь рост, вытягивается, как проснувшийся великан. Верхняя часть „стакана" имеет диаметр 23 метра; средняя часть — 29 метров и нижняя—30.

Газгольдер—только промежуточная станция для газа. Этому газу приготовлено еще много труб и в воздухе, и под землей...

Все сооружения синдиката связаны этими трубопроводами. Они то вздымаются кверху, то делают ленивые повороты, то уходят в землю. Там, под нашими ногами этими „корнями" индустриальной химии опутаны целые гектары бывшего болота.

И вся эта махина, это прекрасное целое работает, дышит, пульсирует, как точный автомат. Если процесс нарушается, машины сами, без вмешательства человека, обрывают работу, возвращают ее к исходному пункту, приводят в действие сигнализацию, предупреждают аварию...

В Березники приезжают видавшие всякие виды специалисты. Но и они уходят отсюда очарованные, оглушенные размахом и мудрой стройностью синдиката, этого крепкого узла мощных заводов.

Мы бредем к воротам, где часовой проверяет пропуска.

Цехи уже далеко позади, но еще долго чудится мирный гул гиганта, которому суждено вдохновить многие тысячи людей... Правы те, кто говорят:

— Разве поймешь индустриализацию на митинге или в университете? Никогда. Ее надо увидеть своими глазами, освоить вот на таких „наглядных пособиях".

За три часа мы не обошли и половины цехов.

Сколько силы в этих кулаках компрессоров, в турбинах, маховиках, чудесных механизмах! В бесчисленных вариантах мы можем использовать здесь, подчинить себе природные богатства.

Здесь мы начали беспроигрышную войну за двойной и тройной урожай, за новый расцвет новых промышленных производств, за овладение тайнами науки и техники.

На этой территории, смешно называемой „площадкой", за два-три года сделано то, чего не мыслил сделать никто в человеческой истории. Два миллиона кубометров земли доставлено сюда всеми способами, чтобы завалить болото. Почти полмиллиона кубов земли вынуто из котлованов под промышленные здания, тысячи железобетонных свай вогнали в материк земли как опоры для зданий. В основания зданий влито 135 000 кубометров бетона. На фундаменты оперлось 4000 тонн железных конструкций; 35 000 тонн оборудования и специальных материалов несут в себе эти постройки...

Меня обгоняют широкозадые грузовики. Я вижу на каждом из них одну марку БХС. Это означает: Березниковский химический синдикат. Но я невольно перевожу по-своему:

— Берем химическую самостоятельность.

В ЧЕМ СОЛЬ

Если пройти от Березников по рельсам на север, на старой 25-й версте войдешь в Соликамск — старый городишко, неизвестно когда заложенный. В окрестностях Соликамска видны деревянные неуклюжие вышки. Их сравнивают с башнями старинной крепости, которые от ветра и веков стали обомшелыми, жалкими. Но это — иное, это — „гордость" средневековой промышленности, это соляные варницы длиннобородых российских капиталистов — Строгановых, Лазаревых, Любимовых и прочих...

Длинный ряд тысячелетий назад синело здесь Пермское море. Потом изменения земной коры свалили море в сторону. Море оставило по себе соляной в 300 метров пласт. Подземные воды уносили соль в темь недр, насыщались ею. Чрево земли создавало вокруг соляного пласта новые и новые отложения.

Древние промышленники заметили только соль. Вот в этих башнях через длинные деревянные трубы они выкачивали подземный рассол, выпаривали соль, просушивали, грузили на струги, везли в Пермь и Нижний-Новгород. От тех времен дошли до нас карликовые варницы да название—„соль-пермянка". Плюс небольшой содовый завод сбоку нынешнего химсиндиката...

От XV века до XX жил Соликамск войнами, разгромами, пожарами, колокольным звоном.

Разгром и огонь Соликамск переживал в 1505, 1572, 1581 годах. Кулук Султан, а затем Килек — царьки ногайских татар мстили за поход Ермака в Сибирь.

В 1597 году, после покорения Сибири, по изысканиям предприимчивого крестьянина из Верхней Усолки — Артемия Бабанова проводится первая грунтовая дорога через Урал — от Соликамска через ст. Ростес к верховьям Туры, где в следующем же году закладывается часовенно-избяной город Верхотурье. Соликамск стал транзитным пунктом на большой сибирской дороге, с таможней, купцами, воеводами. Последующие века меняют пути на Сибирь, а с ним меняются губернаторы, меняется и сам Соликамск. В 1842 году город погорел еще раз...

И все же к годам революции опять здесь выросли, как грибы, гнезда купечества и духовенства: 30 магазинов и ла-

вок, два монастыря, 13 церквей, 20 часовен! Соляные промыслы тоже носили церковные имена: Георгиевский, Троицкий, Пантелеймоновский...

Гордился город между прочим двумя иконами. Богородицу „обо всех скорбящую" получили в наследство от прогоревшего Пыскорского монастыря, а Николай-Чудотворец оказался в Соликамском соборе по воле царя Ивана Грозного. У царя горожане просили воинской помощи против ногайцев, а он (в 1552 году) прислал им „божью помощь" в виде иконы.

В 1857 году в Соликамский монастырь на эпитимию был сослан молодой писатель Ф. М. Решетников, житель города Перми. Человек он был весьма набожный, самому ему хотелось быть послушником... „Я давно этого желаю, я даже клялся богу",— писал он настоятелю. Но в монастыре глаз писателя вместо отрады увидел только разгул и разврат.

„В Соликамске,— вспоминал позднее Решетников,— я в одну неделю познал нечестие монахов, как пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам, ломают ворота"... „Ожидания мои не исполнились; я ходил каждый день в монастырь и смотрел на их образ жизни, и все они... не похожи на монахов и делают разные непристойности".

Вот один из разговоров между монахами, записанный Решетниковым:

„— Есть у тебя чем опохмелиться?

— На вот, я уж выпил все.

— Неужели ты в ночь выпил ведро пива?

— Да, у меня вчера был дьякон, и мы с ним погуляли славно!

— Ай да славно, проклятые, вы пируете, нет чтобы мне оставить!"

За ведрами „ерофеича", вина и пива, настоенного на листовом табаке, Решетников сам превратился в лжесмиренного богомысла, и, лишь когда уходил на Каму в общество простых рыбаков, ему становилось не по себе, и там у лодок он думал:

„— Как же это? Отчего это? И в ответ ни одного слова. Очнешься и плюнешь в воду"...

Не лучшую достопримечательность отмечают и Соликамские летописи. Для колокольни женского монастыря заводчик Турчанинов подарил „18 колоколов, замечательных по звуку". В этих-то „замечательных" звуках и длился холопский, даровой труд солеваров...

Калийные соли были открыты не здесь, а в Германии, в Стасфурте в середине XIX века. В глыбах поваренной соли заметили там буроватые куски, горькие на вкус. Находку назвали „мусорной солью".

В России калийные соли были замечены тоже немцем, представителем соляной фирмы. Ее образцы он увез в Германию к своим хозяевам и в России не сказал об открытии ни слова. Впрочем, какая разница: царское правительство не приступило к разработке калия даже тогда, когда он был открыт техником Рязановым и академиком Курнаковым. Калий в Россию выписывали из Германии. В 1913 году Германия расходовала его по 8,8 фунта на гектар, а Россия, в среднем, по 2 золотника! Германия повысила калием урожаи пшеницы до 25 центнеров с гектара и сена до 50 центнеров с гектара, а Россия собирала по 7-8 центнеров пшеницы и 9-10 центнеров сена...

Так и продолжала „империя" сидеть на золотой соли и добывать простую, грошовую...

Со старыми варницами и колоколами 17 церквей получили красные партизаны 1917 года соликамское наследство.

Новые люди глянули в недра иным, хозяйским глазом. Разведочные работы поставила только советская власть. В 1925 году по инициативе проф. Преображенского произвели бурение в районе соликамских варниц и с глубины в 92 метра вынули первую колонку с хлористым калием.

Затем разведки пошли вширь и вглубь. О них здесь рассказывают целую историю. Говорят, проф. Преображенский двинулся с разведчиками сначала в южном направлении. Скважины делали через каждые 5 километров и чем дальше шли, тем калийный пласт оказывался мощнее. Тогда решили бурить через 10 километров — та же история. А каждая скважина требовала много времени. Профессор предложил бурить через 25 километров — пласт еще богаче. Говорят, Преображенскому надоело это, и бурение перенесли сразу дальше на 50 километров, к Чусовским Городкам. Там открыли нефть... Вокруг Соликамска на 25—30 километров — сплошные залежи калиеносных пород. Если разрезать в этом районе землю надвое, то до глубины 13 метров увидишь так называемые аллювиальные пески, от 13 до 90 метров — глинисто-мергелистые породы, еще на 10 метров — гипсоносные мергеля, от 100 до 130 метров — слой каменной соли, дальше от 130 до 245 метров — карналиты и сильвиниты, а еще ниже, до 600 метров — опять каменная соль.

Карналиты и сильвиниты и есть то основное сырье, из которого добывается хлористо-калийное удобрение. Хлористый калий входит в состав комбинированного удобрения — нитрофоска и повышает урожай как зерновых, так и технических культур. Он же идет на изготовление бертолетовой соли, применяется в спичечной промышленности, в медицине и т. д. Перерабатывая карналиты, можно также получить хлористый магний, потребляемый в производстве цемента, фибролитов, ксилолитов и др., вырабатываются еще соляная кислота, бром, хлораты магния и натрия и, наконец, легкий металлический магний, необходимый для авиостроения, и т. п. Вот какой букет богатств окружает соль-„пермянку". Вот „в чем соль".

Буровыми инструментами прощупывали землю вокруг Соликамска на десятки километров, учитывали запасы, составляли сметы, закладывали шахты, строили дома, склады, лаборатории, школы, больницы, электростанцию. Борьба за калий длилась до 1932 года. Подземные воды врывались в шахты потоками до 10 000 ведер в час. Рабочие выкачивали воду, замораживали и цементировали стенки шахт, ставили подъемные машины, тянули в недра электрические провода, готовили транспорт...

Накануне 15-летия Октябрьской революции газеты, как известно, напечатали молнию из Соликамска:

— На первом калийном руднике началась выдача солей на поверхность. Шахта оборудована агрегатами и механизмами новейшей европейской техники. Производительность шахты — полтора миллиона тонн калия.

Итак, старые пуды простой соли заменяются миллионами тонн калия. Каменные сундуки гор взломаны советской техникой. Открылась новая перспектива высоких урожаев на социалистических полях.

Запланированная норма уже перекрыта. В 1931 году соликамцы дали калия 120 000 тонн, в 1932 — около 800 000 тонн, а с 1933 года возрастание добычи должно итти так: в 1933 году — 1 500 000 тонн, в 1934 году — 3 200 000 тонн, в 1935 году — 5 500 000 тонн, в 1936 году — 8 800 000 тонн, в 1937 году — 12 000 000 тонн. Эти цифры надо понять. Более 90 процентов мировой добычи калия идет на удобрения. Опытами установлено, что калийные удобрения повышают, например, урожай картофеля и сахарной свеклы в 4 — 6 раз. Опыты с калием под посевы пшеницы у нас дали увеличение урожая на 3,5 центнера с гектара...

На основе калийной сырьевой базы Германия развернула лучшую в мире химическую промышленность и добилась огромного подъема урожайности полей. Известно, что немецкая промышленность добыла 12 млн. тонн калия в 1930 году. Но эта добыча взята на 50 шахтах, а мы дадим ее максимум на 5 рудниках.

Но надолго ли хватит соликамских запасов калия при таких темпах добычи? Итоги разведок рассеивают все сомнения: карналитов и сильвинитов разведано свыше 50 миллиардов тонн. При чем с каждого квадратного метра карналитов можно добыть калия 12 тонн, а с каждого квадратного метра сильвинитов — 16 тонн. Это при условии толщины пласта залежей от 6 до 9 метров. Но соликамские соли перехлестнули эту норму: мощность пластов чуртанских залежей доходит до 34 метров, а местами до 60 и 80.

Новый Соликамск способен выдержать нагрузку, которая дана ему второй пятилеткой. Ручательством тому — растущие ряды ударников и передовая, новейшая техника. Здесь на глубине в 300 метров двигаются теперь электровозы, в ходу скреппера, врубовые машины, залитые электрическим светом штреки, механизированные подъемные машины...

Пять лет назад проектировщики забили в соликамскую почву первые колышки, определив границы будущих сооружений.

Теперь здесь вырос новый рабочий поселок с 7000 жителей, стали в ряд вспомогательные цехи, химическая лаборатория, электромонтажный цех, котельный, механический, мастерские, склады, дворы, площадки, химические фабрики, ТЭЦ в 5000 лошадиных сил. Для нужд рабочих, кроме жилищ, построены амбулатория, столовая, ясли, ФЗУ и ФЗС, баня, распределитель, универмаг, прачечная, хлебозавод, клуб и т. д.

Все это не в малой степени обеспечивало быстрый ход строительства и развертывание добычи калия. Еще до официального открытия первого рудника соликамцы „в порядке подготовительных работ" выдали 200 тыс. тонн минеральных удобрений. Первый взнос в социалистическое хозяйство сделан. Соликамцы приступили к проходке второго мощного рудника...

Из окон бывшего дома Строгановых в Усолье видны контуры Березниковского химсиндиката. Ночью его силуэт — весь в трубах, буграх дыма и электрических шарах — похож на разрытую гору, из недр которой ослепительно заблистали сказочные алмазы. Глядишь туда и в этом немигающем зареве словно видишь наше будущее.

НАД ПЫЛЬЮ ЛЕТОПИСЕЙ

К маленькому пароходу „Чердак“ (Чердынец) прицепили баржу, на которую поместили часть пассажиров. Волны, следующие за пароходом, обнимают широкие бока баржи и сглаживаются далеко позади. 12 августа рано минуем Тюлькино. Румяное утро поднялось над зубцами леса, над редкими пашнями, над левым низменным берегом. Навстречу безмолвно тянутся плоты, путь пересекают крестьянские лодки. В оврагах у реки курятся остатки ночного тумана...

Мы провожаем глазами последнюю крышу Тюлькина, видим покосы. Не те ли это покосы, которые сто лет назад межевой техник Дормидонт Васильев отобрал у тюлькинцев, хотя соседние луга принадлежали им искони? Дормидонт отмежевал эти луга лишь за то, что тюлькинцы ему чем-то не угодили.

История говорит, что тюлькинцы добивались возврата лугов только тем, что жгли на нем сено новых хозяев. Пожары повторялись не один десяток лет. И почти ежегодно всю деревню пороли за это розгами, так как самих поджигателей поймать не удавалось. Потом тюлькинцы „образумились“, пошли в суд, но тяжба тянулась целых 40 лет!..

В разговорах об этой истории мы не замечаем, как въезжаем в устье Вишеры. Провожаемая сотнями глаз, Кама ушла влево, Каму с Вишерой разделил острый песчаный мыс, скоро превратившийся в лесистый высокий берег.

Вишера здесь почти неотличима от Камы, только поуже, покомпактнее. Берега обряжены такой же бахромой роскошного леса. Тот же ландшафт: правый берег высокий, левый — низкий, размашистый. На песках берега осевшие бревна разбросаны, как выплеснутые из корыта спички. Скоро мы замечаем людей, которые скатывают эти бревна в русло, связывают в плоты, сдают течению.

Стайки уток пролетают навстречу и скрываются за поворотом реки.

Впереди на вершине мыса торчит церковка, древняя, приземистая, как с картины Сурикова. Напоминает она о старине, о царившей здесь тишине и полузвериной жизни. Как не похожа сегодняшняя жизнь на это прошлое. На наших глазах река ни на час не остается без нагрузки, без человека, без звуков...

Проплываем Фролово, никогда не знавшее пристани. Теперь устроен причал. К уровню парохода вздыбились крепкие мостики с красным флажком вверху и стаей лодок у подножья. Фролово имеет трехвековую давность, но за 300 лет не стало богатым. Статистика за 1913 год сообщает, что на 16 дворов приходилось 11 бесхлебных. Все богатство деревни было в трех веялках (кулацкие). Кроме того, имелись „одна кузница и сапожник". Видимо, десятками лет не слышала деревня плотницкого топора — все новые стройки имеют советскую свежесть.

Солнце, вырвавшись из облаков, осветило ленту Вишеры. И в этом свете мы еще издали видим на крутяке слева большую деревню Остякову, а у самой воды, в тени елок белые полотна двадцати палаток.

— Лазят, роют, меряют и магнитами пробуют,— объясняет пассажир-крестьянин.— Испидиция, конечно. Нефть ищут и что попадет...

Вдали видны цепочки телеграфных столбов и крупные колхозные пашни. Ликвидируется трущобная северная ограниченность.

В маленьком салоне парохода чаевничают военные отпускники. В их компании старичок-кузнец из с. Вильгорта, Чердынского района. Едет домой, к сестре. Еще пареньком взялся он за кузнечный мех. С тех пор 40 лет он ковал баржи в Вильгорте, а при советской власти мастер подписал договор на отъезд. Работал на Сосьве под Надеждинском, сезон отработал на Оби под Томском, второй сезон — под Красноярском на судоверфи Комсеверопути. В дальнюю Сибирь ездили из Вильгорта целых семь артелей, строили сразу семь барж.

— Иван Григорьевич, тебе пора бы на отдых,— подзадоривает военный.— Пенсию дадут...

— Погоди,— щурится кузнец,— еще годок, и будет полсотни лет моей работе. Тогда може брошу.

Потом старик рассказывает о своем селе, где исстари занимаются баржестроением, о молодых, которые ловко перенимают искусство мастеров, о беспокойной жизни „во всех Сибирях":

— И все строят, и все спешат...

Стемнело, а пароход еще не освещен. Старикова седина растаяла в сумерках. Военный, не отходивший от окна, кивает вперед на силуэт мыса. Здесь мы расстаемся с Вишерой. Пароход двинулся между низких берегов Колвы. Узкая речка, где пароходу трудно развернуться, все же достаточно глубока. Без единого переката продвигаемся вверх на 3 километра, причаливаем к огням пристани Сереговой. Дальше река несудоходна.

Где-то близко за потемками — Чердынь. Тут же весь берег застроен, завален грузами и материалами лесопильного завода. Вверх по берегу лес, вниз — нефтяные баки, негде разложить костер.

Свободных подвод не оказалось. Лодочник перевозит нашу компанию на другой берег. Перетаскиваем свои рюкзаки на луг, собираем дров, поднимаем палатку, и вот на легких козлах, облизываемый пламенем, закипел походный чайник...

15 августа перебираемся в Чердынь. В центре городка целых пять церквей. На одну фотопластинку они уместились все. Городок тих, как большое село в страду. Сквозь эту тишину звенит прошлое, глубокая и пыльная история Чердыни. Это бывшая столица князей, с XIV до XVIII века именовавшаяся „Пермью Великой". От княжеского кремля остались жалкие, едва различимые развалины. По преданиям, Чердынь из-за войн и по торговым расчетам меняла место раз пять. Московские воеводы, въехавшие в Чердынь вслед за своим воинством, мобилизовали здесь для подарка царю Ивану III военную добычу: 16 сороков черных соболей, соболью шубу, 3 панцыря, 2 сабли, шлем и 29 поставов сукна. Все богатства собирали в дремучих лесах звероловы. В ответ на подарок Иван III вернул на чердынский трон князя Михаила, но через два года все же прислал своего наместника.

Властители, одетые в соболя, сидели крепко, обстраиваясь церквями и лавками.

Перелистывая пыльный архив чердынского музея, мы как бы заглядывали в разные пласты прошлого, освещенного с разных сторон.

Войны:

...Ермак со своей ратью ходил походом за Уральский „Каменный пояс" без ведома и согласия московского правительства. Поход Ермака организовали и оплачивали Строгановы.

„...В 1789 году ноября 24 дня открыта была здесь... малая школа; но от содержания оной... обыватели отозвались, почему и упразднилось сие полезное заведение".

Удельный вес слоя упомянутых обывателей в это время:

..."По последней ревизии считалось здесь купцов 127, мещан 847, итого 874, а с прочими обывателями более тысячи".

Содержание школы валили на какие-то десятки „обывателей", хотя капиталы были не в их карманах:

„...В торговле здешнего купечества и мещанства обращается капиталу до 35 000 рублей".

В начале XX века ежегодный грузооборот города выражался 1½ млн. пудов в год на сумму до 12 млн. рублей. Чердынь развивалась уже как перевалочный пункт для грузов, шедших с волжского бассейна на Печору.

Своего хлеба краю хватало на полгода, остальное привозили купцы. „Эта торговля,— сообщает архив,— находилась почти всецело в руках чердынских купцов, во главе которых стоит фирма Алиных".

Вот оно что! Это тот самый Алин, портреты которого с его супругой — тучная, холеная, по-европейски одетая пара — сохраняются на стене музея. „Благодетель" Чердыни упоминается в летописи за 1890 год:

„4 июня происходило поднятие на Успенскую церковь большого колокола, весом в 355 пудов 30 фунтов, пожертвованного купцом В. Н. Алиным. Во время перевозки последнего (?) с пароходной пристани до церкви под сани попал г. П. В. Подосенков, которого подняли без чувств и отправили в больницу, где он через несколько часов и скончался".

Как раз напротив, с большой фотографии на стене глядит рабочее лицо человека из Красной армии, ныне начальника строительства Вишерского завода — тов. Берзина.

Алин и Берзин... Чердынцы сделали простенькое сопоставление портретов, но оно говорит больше летописи, оно перерастает в сопоставление двух миров: колокольного и советского. Прошли пустые века, и по чертежам большевистской пятилетки на диком берегу Вишеры построен завод, уже приступивший к выполнению программы в двадцать тысяч тонн бумаги в год. Это первое из крупных предприятий, вокруг которых здесь, по плану второй уральской пятилетки, создается „Верхне-Камско-Вишерский район, с интенсивным развертыванием заготовки леса, бумажной и деревообрабатывающей промышленности и лесохимии".

Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат один будет давать продукции (бумага, целлюлоза, 150 тысяч кубометров пиломатериалов, деревообделочная фабрика) на сумму свыше 16 млн. рублей. Но это не все. Райплан, по директиве советов Чердынского района, заносит в план второй пятилетки района развитие лесохимической промышленности, поделочно-терпентиновое производство, вывозку смолы, дегтя, хвойно-эфирных

масел. Обилие леса наталкивает также на постановку производства пиломатериалов, бондарных изделий, мебели и увеличение строительства барж до 41 000 тонн общей грузоподъемности. Лесные богатства района действительно громадны. На районной партийной конференции подсчитали, что, заготовляя ежегодно лесу 2,7 млн. кубометров, район еще неполно использует естественный прирост леса. Чердынцы, однако, хотят не только заготовлять этот лес, но и по крайней мере третью часть этого леса использовать у себя на месте. Основывая свои проекты, они подсчитывают все свои плюсы: три судоходных реки, лесные запасы, близость Березников, наличие залежей...

— У нас почти все есть, смотрите: железо, медь, асбест, золото, платина, марганец, каменный уголь, гипс, сера, соль, известь, точильный камень, горный хрусталь, магний, доломиты, торф, сланцы, вольфрам, красящие глины, титанит, ванадий, свинец, а теперь, видно, и нефть... Эх, нам бы...

Но судьбы района упираются в транспортные вопросы. До железной дороги 100 километров, свободного выхода на север нет (а там Печора, путь в море)...

В течение ряда десятилетий добивались чердынские градоправители постройки здесь железной дороги. Мобилизовались все доводы в оправдание затрат... Местные промышленники и купцы мечтали утроить и удесятерить рост своих оборотов в будущем.

Местный музей сохранил длинную докладную записку „представителей Чердынского уездного земства и Чердынской городской думы“, адресованную: „Его Высокопревосходительству Господину Председателю Совета Министров“.

Думцы, земское собрание, биржевые комитеты Чердыни, Соликамска, Перми, Нижнего вплоть до осени 1910 года обивали пороги губернаторов и министерства, убеждая в необходимости построить Камско-Печорскую железную дорогу, имеющую „значение огромной важности“.

Ответа обычно не получали. Только в 1910 году Департамент железнодорожных дел коротко уведомил, что „предвидеть возможность постройки... в сколько-нибудь близком будущем на казенный счет не представляется возможным“.

„Докладная записка“ излагает попутно „историю развития торговли между Камским, Печорским и Двинским районами“.

„Чердынские купцы — эти „печорские хожальцы“, — сообщает „записка“, — исстари повезли на Печору именно

хлеб, а за хлебом — разную неприхотливую мануфактуру для охотничьего и рыбопромыслового населения. Свои примитивные весельные суда, так называемые „городецкие лодки", „печорские хожальцы" повезли с хлебом и мануфактурой по рекам Колве, Вишерке, по Чусовскому озеру, дальше по речке Березовке; на шестах по речке Вогулке они достигают того пункта восточной области камо-печорского водораздела, где полоса земли, отделяющая бассейн Камы от бассейна Печоры, представляет собою перешеек только в 4 версты. По этому перешейку „городецкие лодки" перевозили на так называемых „медведках" (громадные телеги в роде тех, на которых в городах возят тяжести); „медведки" эти сохранились и до сих пор на Якшинском волоке; на „медведках" городецкие лодки достигают верховья реки Волосницы, уже притока Печоры. Отсюда чердынские купцы двигались и на север по Печоре, и на запад в Зырянский край"...

„Печорские хожальцы" из Чердыни за хлеб и разные продукты первой необходимости брали с печорского населения мех, дичь и рыбу. Все это тем же путем перевозилось в Чердынь"...

Грузы семги, этой „золотой рыбы" печорских вод, пользовались первоочередностью и срочностью доставки. „Срочно" означало: везти морским путем в Архангельск и оттуда на Котлас!.. Остальные грузы месяцами отлеживались в якшинских или усть-еловских амбарах и складах. И ходатаи перед правительством жаловались, что „чердынские капиталы обращаются в печорской торговле не менее 22 месяцев".

Годы шли, а вопрос о „совершенных путях" на Печору не двигался с места. Проекты адмирала Рибаса (1789 г.), Паренца (1886 г.) и более поздние предложения Суслова, Великанова, Главизнина поочередно клались под сукно. Чердынцы в сотый раз приводили цифры добычи в Печорском крае мехов, дичи, рыбы, перечисляя известные залежи руд, нефти на Ухте и пр.,— правительство оставалось глухо.

Земцы в своей записке напоминали правительству горькую быль. Горная промышленность на Урале переживала „тяжелый кризис"; сотни тысяч заводского населения оставались в „тупике" и „бедственном положении". Россия покупала за границей до 5 млн. пудов точильного камня (а на Печоре его сколько угодно). В Вологодской губернии, куда входили тогда и печорские земли, мы брали с десятины в среднем только 3 куб.

фута древесины (в Норвегии — 55 куб. саж.). Вопросы переселения на север оставались неразрешенными; „лесное ведомство,— вежливо выражались авторы „записки", — крайне неохотно допускает селитьбу крестьян на казенных землях, боясь опустошительных пожаров", а в это время лес валился, гнил, самовозгорался, и некому было его спасать".

Казенные государственные земли северного района составляли около 70 процентов всей казенной и удельной земли Европейской России! При этом казне принадлежало 98 процентов замель, не вносивших в бюджетный баланс России ни копейки.

Необозримый край, сосредоточивший в себе половину всех казенных лесов Европейской России, давал казне доход едва 5 копеек с десятины. Заброшенные земли эти составляли, по исчислениям царской же статистики, свыше 144 миллионов десятин, на которых простирались 65 процентов всех казенных лесов Европейской России. В этом мертвом, обреченном на запустение материке один бассейн Печоры занимал свыше 60 миллионов десятин.

Так было.

Мы сопоставляем с прошлым сегодняшний строй выросших и заложенных в этом краю гигантов, оглядываемся на мачты радио, на нефтяные буровые вышки, взвешиваем успехи и проекты чердынцев,— и перед нами вырисовывается будущее, перед которым сейчас доживают свой век ржавые купола церквей...

Телега, гремя, увозит нас от порога гостиницы. За стуком колес развеиваются образы гнилого прошлого.

Дорога лежит прямо к Северу, в ту сторону, где осуществляется другая мечта края,— где намечаются контуры Камско-Печорского канала.

ОКОШКО КЛИМА ВОРОШИЛОВА

Дорога вьется пыльная, горячая. Далеко за Колвой стелются хвойные леса. Навстречу нам подвигаются верстовые столбы, неувядающая зелень бора, золото ржи в полях, крестьянки с полными ведрами ягод, крепкие изгороди, новые мостики над ручьями...

В деревнях безлюдье, народ — в полях и на покосах. Клубы, размещенные в бывших купеческих домах, пустуют до вечера. Этими домами особенно богато село Покча (7 километров от Чердыни). Здешние купцы, через склады которых проходили прежде все грузы рыбы, хлеба, пушнины, керосина, железных изделий, мануфактуры и т. д., делали обороты в десятки тысяч рублей (весь оборот между Покчей и Печорой определялся в 800 тыс. рублей).

В селах по тракту на Печору любопытны постройки: избы поставлены боком к улице и так высоко, что внизу каждой устраивается подклеть. Вровень с избой — сеновалы, под полом сеновала — скотные дворы... По дороге, стиснутой непроходимым лесом, хочется ехать молча, слушая тишину чащоб.

У этих лесов отвоеваны для пашен небольшие куски, да и то вблизи деревень. С лесом приходится вести настоящую войну. Каждый метр лесной почвы перекрещен корнями. Там, где лес редеет, натыкаешься на болото.

И все же большого роста добились в районе колхозники.

В этом году, например, Вильгортский сельсовет получил задание засеять 1110 гектаров, а засеял 1233, хотя лошадям пришлось много поработать на лесозаготовках. Урожай, несмотря на засушливое лето, выдался хороший, особенно в колхозах, которые провели у себя агроминимум. Колхозники (620 дворов из 750) ввели травосеяние и организовали три скотоводческих фермы — две по 120 голов, одну 100, плюс свиноводческую — 30 голов, заложили четыре тридцатитонных траншеи силоса. Сельсовет не только обеспечил себя собственным хлебом, которого хватало прежде на полгода, но за 1931 год сдал товарных излишков 2200 центнеров.

Сельсовет издавна занимался баржестроением. Теперь за это дело взялся промколхоз. Годовое задание — постройку 12 барж — он выполнил, а в порядке „встречного“ соорудил еще одну баржу в подарок районной конференции ВКП(б).

Между тем, угол этот глухой, буквально медвежий. На бревнах у сельсовета крестьяне рассказали нам последние свои путевые „новости". Медведь на лесном тракте напал на подводу, и лошадь едва унесла. В другом случае лошадь, зачуявши медведя, вытряхнула из повозки человека, который едва успел скрыться.

По этому тракту, на Ныроб, тронулись мы с утра. Почти каждый встречный — с ружьем. Лес дик и непролазен. За р. Колвой он снова обступает дорогу, загораживает все горизонты. Тут и молодая поросль, и смешанный лес, и ягодные кусты, и болотный „карандашник", и стройный бор.

Над трактом тянутся три телеграфных провода. Столбов кое-где нехватает, провода повешены на козла-треножники. Лес тянется низкой равниной, колеса то-и-дело стучат по бревнам новых мостиков над осушительными канавами.

Старик Лямин, возница, замечает наше любопытство и отзывается об этой „равнине" очень кратко:

— Весной тут — сплошное море...

На буйной почве лес растет, „как борода": там и тут он лезет через обочные канавы к самой колее дороги. Здесь полное раздолье птице и зверю. Тетерева поднимаются у дороги буквально в десяти шагах.

Под селом Искор лес поднялся будто с новой силой, то обомшелый, то расцвеченный ягодами дикой малины, брусники и черники. Потом дорога пошла полянами, захрустел в колесах песок, впереди показалось село. Две сотни домов разбросаны по холмистым берегам речки Искорки. Село имеет тысячелетнюю давность и сначала было укрепленным „городом", который был, по военному обычаю того времени, начисто выжжен войсками Ивана Грозного (1572 г.).

На выезде к Ныробу навстречу нам из-за поворота вырвался и пропылил... грузовой автомобиль кооператива. Техника прокладывает путь и в этот медвежий угол.

Ныроб известен тем, что сюда сослан был и заморен в яме Михаил Никитич Романов, в котором Борис Годунов видел своего соперника. Еще в Чердыни нам показали в музее двухпудовые цепи, в которые Романов был закован. В 1913 году, когда дом Романовых справлял трехсотлетие своего царствования, власти Пермской губернии в угоду царю соорудили над исторической ямой часовню, разбили сад, обнесли тяжелой оградой. Над воротами посадили металлических двуглавых орлов и учинили памятные доски, что сии сооружения устроены-де „иждивением и на доброхотные даяния населения".

Бывшие прихожане сбили теперь головы орлам, медь орлов потускнела, часовня забыта да и церкви заброшены.

Никольская церковь интересна тем, что построена в 1705 году „на средства сибирского генерал-губернатора Гагарина" пленными шведами.

Из икон интересно изображение Христофора, „покровителя охотников". Этот святой изображен... с собачьей оскаленной головой. Темные зыряне-охотники и даже самоеды, по установленной попами традиции, перед отправлением на промысел приезжали бывало за десятки и сотни верст служить молебны „собачьему богу". В арсенале святых попы предусматривали все случаи...

Ныроб под сенью романовского покровительства в последнее десятилетие стал своеобразным центром реакции, мракобесия и даже местом ссылки. Сохранились в Ныробе домики, где жил ссыльный Клим Ворошилов. Квартировал он у Вас. Ив. Пономарева, у Павла Осип. Елыкомова, дружил с Вл. Петр. Милицыным и мельником Данилой. В последнее время ссылки жил тов. Ворошилов в с. Пянтеге. Однако документы и фото, относящиеся к ссылке, хранятся в Чердынском музее.

Не так давно ныробцы слышали тов. Ворошилова по радио: „Ваш край,—напомнил он между прочим,—мне знаком по далекому прошлому: он был местом моей политической ссылки в 1912 году". В феврале 1929 года Павел Елыкомов получил даже ответное письмо из Москвы:

— „Уважаемый товарищ! — писал наркомвоенмор. — Ваше письмо получил и очень рад, что вы живы и здоровы. Да, много воды утекло с тех пор, как мне пришлось побывать в ваших краях. Нет теперь ни царя, ни урядника, а власть перешла в руки рабочих и крестьян. Думается мне, что за это время изменилось к лучшему и ваше село, в котором, как вы сообщаете, установили радиоприемники и слушают Москву. При советской власти надо улучшать сельское хозяйство, поднять грамотность населения, помочь бедняку и середняку. Надеюсь, что вы являетесь крепким защитником советской власти и стойким проводником ее мероприятий".

Тов. Ворошилов не ошибся. За годы революции многое в Ныробе изменилось к лучшему.

В 1920 году, когда Ворошилов был организатором побед на фронтах гражданской войны, ныробские крестьяне сами попали в полосу боев. С юга, под Искором шел отряд кулаков-

Домик в селе Ырсбе, в котором жил ссыльный тов. Ворошилов

зырян, у которых были два орудия. С севера, в 4 километрах от Ныроба белогвардейские трехдюймовки установлены были на скалистой горе, что у самого тракта. Корни белогвардейщины были скрыты плохо. Белые командиры оказались английскими, обмундирование — английским... Перед отрядом (40 человек), вооруженным одними винтовками, не устоял, однако, втрое сильнейший отряд...

Сейчас изменилось все лицо таежного района. За один последний год процент коллективизации с 30 вырос до 63. Посевная площадь района увеличена за год на 80 процентов, а в некоторых колхозах удвоилась, составив небывалую площадь — 3000 гектаров...

На закате, перед окном ворошиловского домика, сидели мы с человеком, заехавшим в райисполком с берегов Колвы. Это был тов. Лухнев, начальник изыскательских партий Гипроводтранса, подготовляющих план Камско-Печорского водного пути. Работы партий близятся к концу, контуры водного пути в основном уже приобрели проектную ясность. Наметки проекта перекрывают все жалкие планы „довоенных" проектировщиков. Выводы, к которым подошли геологоразведочные, горноразведочные и топографические партии, сводятся к смелому и волнующему своим размахом плану.

На Колве у деревни Подбобыка и на Верхней Печоре должны быть воздвигнуты мощные плотины. Уровень воды в обоих верховьях поднимется настолько, что между Печорой и Колвой на месте их жалких притоков „Волосниц" образуется длинное сплошное озеро площадью в 2000 квадратных километров. У плотин будут подняты ступени шлюзов для пропуска судов. На базе такого водохранилища проектируется постройка двух электростанций мощностью по 55 — 66 тысяч киловатт. Если еще устроить плотину на речке Нем, глубоководный путь даст свободный выход судам, через Вычегду, в бассейн Северной Двины. Таковы контуры проекта...

От окошка, из которого Клим Ворошилов глядел в лесную даль с железной верой в революцию, мы нехотя уходим искать подводу.

Светлой ночью, когда месяц поднялся в самый зенит, едем по тракту дальше на север и любуемся ночными долинами, обложившими русло туманной Колвы. Здесь, может быть, уже во второй пятилетке блеснет размашистое зеркало Камско-Печорской водной магистрали, аукнутся гудки пароходов, и вместе с электрическим светом и мощным потоком грузов в таежный район хлынет социалистическая культура.

Печорский волок

ПЕЧОРСКИЙ „ВОЛОК“ Даже лунной ночью в здешних лесах царит густая, лишь кое-где прорванная тьма. Лошади идут ровным шагом, и стены леса по сторонам кажутся недвижными; медленно тянемся с горы на гору, по километровым подъемам. Редко выплывают из тьмы верстовые столбы. Лес молчит так же, как, наверно, молчал и тысячу лет назад. Ветерок бродит по сучьям безвольно и бессильно. Небо безоблачно, только затянуто тонкой дымкой. Луна глядит с высоты мутновато-красная, воспаленная. Завтра жара продолжится.

Товарищи дремлют на телегах, покачиваясь в такт колесу. Бородатый возница-колхозник не спит. Перед каждой горой мы соскакиваем с телеги, и старик расспрашивает меня о Москве. Ой-ойкает, хохочет, слушая, как работают машины на новых заводах, как действуют летчики, куда достигает радио...

— Ой-ты! — добавляет он. — И с богом не считаются, и все изобретают. Что же это будет?.. Да, да. Я сам нагляделся в германском плену. Ох-ты, какой технический народ!..

А лесная дорога движется и движется под ногами, будто наматываясь на колеса.

Луна ушла далеко ввысь от верхушек и стала маленькой. Почуялся близкий рассвет. Посвежел ветер. Воздух, теплый на горах, сырой в низинах, щекочет лицо. Погустел и стал белее туман над ручьями и речушками. Из этого тумана над речкой выплыла крохотная избушка с плоской крышей и мелким окошком. Она стоит на самом ручье и похожа на забытую часовню. Оказывается, это самая примитивная мельница северного „одноличника“, которая при хорошей воде способна намолоть муки „мешок за сутки“.

Отсюда дорога идет на ровный, долгий, словно бесконечный подъем. Стало светлей. На третьем километре подъема мы завидели далекий, тонкий горизонт. Слева книзу идет крутой, кажущийся бездонным спуск. Там внизу, осажденная полчищами лесов и укутанная в туманы, извивается сонная Колва.

На горе под кедром, у околицы дер. Кикус, делаем привал и в ожидании обещанных колхозниками телег любуемся чудесной долиной Колвы.

На ближнем поле сушатся снопы хлебов, воздетые на сучья столбов. Столбы с необрубленными сучьями врыты в землю.

Видно, каждый сноп на счету, а лесу девать некуда. В хозяйстве с тысячью гектаров столбов не наготовишь.

За Кикусом опять нас вплотную обступают леса. Какой-то лесной океан, застывший огромными валами зелени. По кромкам дороги краснеют нетронутая малина и россыпи брусники. Тракт то удаляется, то снова приближается к Колве, и тогда видны живописные обрывы берегов.

Впереди мы в синей дали пытаемся узнать краски Печорского края. Но до Печоры еще далеко, и еще не один день поскрипят наши колеса, двигаясь от горизонта к горизонту...

В с. Корепине мы расположились привалом прямо на площади против церквушки. Это один из самых северных сельсоветов Уральской области. Лес определяет почти всю его экономику. Правда, сельское полевое хозяйство занимает ее большую половину, но целая треть хозяйственного баланса опирается на охотничий промысел.

Охотничья собака в хозяйстве каждого корепинца играет роль едва ли не главного животного. От нее зависит весь успех охотничьего промысла. А бьют здесь за сезон до 600 белок и до 400 рябчиков на ружье.

Сельсовет ведет и лесозаготовки. На одном лесоучастке поселка Тулпан заготовляют 130 тысяч кубометров.

С раннего утра начался в селе рабочий день. Потянулись подводы за хлебом и сеном. На сплав пошли те, кто приходил с лесоучастка домой ночевать. В сельсовете уже клацают костяшками счетов, подводя первые итоги хозяйственного года. Распахнулась дверь кооператива. Также с раннего утра (сегодня какой-то праздник) открылись двери церкви. Поп сам, очевидно, давно сокративший штаты божьих служителей, влез на колокольню и отзванивает вот уже добрые полчаса, созывая „приход".

Долго маячат в просвете колокольни черная шляпа и широкие рукава рясы. Но в церковь пришло не больше пятнадцати женщин со всего большого села.

Ракшар и Годья — маленькие поселки по пути в Петрецово, к последнему на севере сельсовету Урала. Поселки окружены небольшими полями и, как все деревни севера, стоят у речек. Постройки сложены из отборного кондового дерева. По всему лесному северу нет ни одной соломенной крыши.

Обращают на себя внимание амбары. Словно сказочные избушки, они подняты каждый на четыре столба, на метр — полтора от земли. Столбы формы точеной колонки похожи на грибы с опущенными краешками шляпок.

— Зачем это?— поинтересовались мы.

— Мыши к нам не заберутся,— последовал ответ.

В лесу под Годьей блеснуло озерко. Чемко сквозь кусты зашагал туда.

— Взгляни, нет ли уток.

— Возьми ружье.

— Я пока высмотрю, не видно ли.

Дошел до озерка — ни звука, ни волны. Плеснул в ладоши, — и в тот же миг рванулась из осоки стайка уток. Невольно вскинул руки, но ружья не было.

Вернулся Чемко неловкий и раздосаженный:

— Обед улетел.

Но и в этот день мы не остались голодны. Из Петрецова, с очередного привала увидели мы за Колвой узкое озеро, выгнутое спиралью. Утки там оказались непуганными.

Гроздь уток, доставленная оттуда Чемко, поражает нашего возницу, старика Собянина.

— Скажи на милость, скажи на милость,— повторяет он, плеская ладошами по штанам.— Как вы с уткой управляетесь! Летать не даете... Мы так не можем...

Утром прощаемся с Колвой. Везти нас вызвались парни-колхозники, прихватившие с собой лаек. Дальнейший путь — семьдесят километров — пролегает лесной просекой, перечеркнувшей древний „печорский волок". Здесь, кажется, не существует ничего, кроме леса, тракта да одинокого телеграфного провода. Дикий запущенный лес — „парма" (еловый) и „бор" (сосновый). Лайки непрерывно рыщут по лесу, часто облаивая то ли белок, то ли птиц.

Несколько раз отозвались на манок рябчики. Свист их чудесен — тончайший, как шелковая паутина, звук, будто сотканный из самой тишины. В нем отражается лесной покой. Кажется, сама птица не хочет нарушить богатырского молчания тайги.

Часов около семи вечера далеко впереди вспыхнула и беззвучно погасла молния. Потом еще и еще. Дальний гром рокотнул, повторился. Гроза вместе с тучей надвигается откуда-то из мохнатого далека. Небо, ограниченное для нас полосой света над просекой, темнеет раньше времени, теряя дневные краски.

Скоро пахнуло сыростью. Без грома, без новых вспышек молний зачастил долгожданный дождик, ровный и настойчивый. Потекло за воротник, и все мы укрываемся тем, что есть под руками...

Время замедлило свой ход. Дважды пытается дождь перейти в ливень. Но ливня не вышло. Неба нехватило, чтобы утолить

Туманная река Колва у дер. Кикус. На ближнем поле — сушка снопов

пересохшую землю и тайгу, заждавшуюся влаги. Тучи прошли, но не стало светлей, над землей раскинулась ночь...

Но вот и кордон. Одинокая большая изба глядит в потемки тракта двумя освещенными окнами. Здесь живет семья лесника. Мы ложимся на просторном полу и, убаюканные шаткой дорогой, скоро засыпаем, смутно слыша, как за окном хрустит на зубах лошадей свежее сено.

К утру и лес, и тракт укутало в белый туман. По дороге, поросшей травой, колеса потянули влажный след. Лес тих и розов, — продираясь сквозь этот туман, большим рублем выкатывается из-за деревьев помолодевшее солнце. В редком, когда-то выгоравшем лесу перелетают дятлы. Кусты, наклонившись к дороге, брызжут росой и каплями вчерашнего дождя.

Проезжая мостик над Волосницей, мы удивляемся, как могли „печорские хожальцы" двигать по ней свои „городские лодки".

У дороги попадаются грибы — самые обыкновенные, „подмосковные". Но не обычно выглядят сплошные ковры брусники. И совсем удивил куст малины, уцелевший тут же, облитый ягодами. Мы нарочно подсчитали созревшие ягоды. На одном стебле их оказалось — 146! Какая обильная еще природа.

Мы поровнялись с человеком, шагавшим на Якшу. Попутчик оказался словоохотливым. Три года назад жил он в Новороссийске, откуда без ведома родных и без чьего бы то ни было разрешения, „зайцем" уехал в море с иностранным пароходом. Пароход прибыл в Неаполь. Итальянская полиция пригласила его в тюрьму: там продержали две недели. Выслали в Чехословакию. Там отсидел две недели. Отправили в Турцию. Константинопольские матросы купили билет до Рима. Отсидел и здесь две недели. Итальянские власти все же выдали вид на жительство. Поступил матросом на торговый пароход, на котором плавал два года. С этим судном попал как-то в родной Новороссийск, откуда за незаконный переход границы выслан и теперь добровольно поселился в Якше...

За поворотом тракта впереди блеснула вода.

— Ура, товарищи, Печора!

Разговор оборвался. Наш попутчик, улыбаясь, прослушал возбужденные возгласы и, прищурясь, проговорил:

— Река что надо, река что надо. Скоро осень, пойду промышлять белку. А рыбы сколько! Тут пожить стоит...

Колеса, под гору ускоряя ход, наматывают последнюю сотню метров. Мы спускаемся к самому берегу. Здесь Уральская область кончилась. На том берегу начинается территория Коми.

ПОСЛЕДНИЙ „РАЗБОЙНИК“

Река, на карте казавшаяся загадочной и недоступной, сверкает вольным поворотом в десяти шагах от нашей палатки. С того берега в ней отразился весь поселок Якша — шесть дворов. Бывшая церковь под красным флагом, несколько десятков складов.

По берегу вытянулись штабеля бревен, готовых к сплаву, и лодки. Выше всех строений на мачте вытянулся полосатый ветроуказатель. Это на случай пролета аэроплана. Воздух над крышами поселка пересекла радиоантенна. Культурная революция уже положила свой отпечаток в этой глуши.

Художник Н. И. Гатилов спешил сделать акварелью первые свои печорские наброски, а наши спиннингисты — Чемко и Егоров отправились забрасывать блесны. Успех ловли вышел неожиданный. Через 20—30 минут оба тащили по связке окуней и по щуке. Ловить пришлось под „надзором“ якшинцев, толпой собравшихся поглядеть на чудесные удочки, которые так легко забрасывались на середину реки. Блесна для них не была новостью. Почти на каждой лодке, которую встречаешь по Печоре, гребец держит в руках конец „дорожки“ и частенько выуживает окуней, хариузов и щук.

Утром, еще по туману, когда не едят комары, Егоров и Чемко повторяют ловлю с новым успехом: избытка рыбы хватает на подарки „любопытным“.

Когда-то Якша была отправным пунктом судоходства на всей Печоре. Правда, большую часть года здесь царило полное безлюдье, но каждый сезон тотчас после половодья тут начиналось оживление. Сюда приходило несколько сотен грузчиков. Им хватало работы до средины мая. Затишье восстанавливалось и длилось до осени, когда прибывали сюда караваны с обменными печорскими товарами: мехами, рыбой, мясом, маслом, ворванью и морошкой. Грузы оставались в якшинских складах до новой весны. По длинной дороге сюда из Чердыни и Покчи прибывали обозы с хлебом, увозившие отсюда продукцию печорских промыслов.

10—15 купцов вершили здесь все дела. В числе этих „деятелей“ первое место занимали Алины. Купцы, спускаясь со своими „неприхотливыми“ товарами вниз по Печоре, сбывали товары в прибрежных поселках, ради успеха „торговли“ раздавали зырянкам сласти и орехи, а мужчин угощали водкой.

Торговлю часто вели в „кредит", без документов, на честное слово. Выдавались только счета на взятый товар. Цены диктовались купцами, и купцы не боялись за долги, ибо покупщики заранее распределялись между купцами, и тот из зырян, кто неаккуратно платил, попадал в немилость остальных купцов и не мог потом купить даже необходимых продуктов. Сначала покупателю всовывали сласти и безделушки, потом мануфактуру и предметы роскоши. Хлеб тоже давали „в долг". Практиковался также сбыт товаров через перекупщиков, по тем же „честным" правилам. Все эти „благодеяния" спекулянты покрывали кабальным требованием: покупщик обязывался отдавать купцам все продукты своего промысла по той цене, которую ему назначат.

Долги переходили из поколения в поколение, и местные жители настолько освоились с такими „порядками", что о цене за свою добычу не спрашивали, просили только побольше выдать запасов.

Революция опрокинула этот „распорядок". Снабжение продовольствием и товарами перешло в руки кооперации. Месяца на два — на три жители стали обеспечиваться хлебом собственного производства. Спекуляция прекращена, товары на Печору доставляются снизу, через море, вошли в обиход таксированные советские цены, сельпо взяло на себя снабжение 200—300 промышленников и всех рабочих баржестроения.

Промышленник-охотник, освобожденный от других повинностей, обязывается сдать государству на 300 рублей, рыбак же — одну тонну добычи. С этими нормами промышленники справляются уже в первую половину сезона.

Советская власть подорвала корни бескультурья, которое облегчало купечеству обирательскую работу. Сейчас по Якшинскому сельсовету неграмотных в возрасте до 50 лет почти не найдешь, ведется борьба с малограмотностью. В дер. Мамыли работает постоянная школа, тут для дальних учеников организовано общежитие. Поп получил от бывших прихожан отставку, и над церковкой поднять красный флажок нардома...

У берегов там и сям — лодки.

Якшинцы переправляются на другой берег с таким видом, будто река для них не существует. Шагнувши в лодку, человек гребет стоя, ловко и быстро. Свободно перегоняют за реку и лошадей,— берут в руки поводья, и лошади, отфыркиваясь, плывут рядом с лодкой. За человеком каждый раз неотступно следует собака — остроухая лайка; та бросается в воду сама, при чем забегает выше по реке, учитывая силу течения.

Вечером, под предлогом „прикурить“ подходит к нашему костру местный фельдшер. Ему захотелось поговорить с приезжими, он вызвался работать в Якше ради здешней охоты, обзавелся охотничьим снаряжением, но так как на охоту времени почти не остается, увлекся рыболовством.

— Знаете,— хвалился он,— меня привязал здесь климат. Тут меньше всего простудных болезней. Это, видите ли, из-за воздуха: бактерий очень мало. В полярных странах бактерий, говорят, совсем нет. В нашем районе чахоточные поправляются очень скоро. Думаю к самоедам перебраться...

От фельдшера мы узнали, что из-за жаркого лета Печора обмелела (последний пароход из Якши ушел 7 июля). Говорят, пароход будет на-днях в Троицко-Печорском.

В поисках лодки мы теряем два дня. Надо нам большую, человека на четыре с багажом. Наконец, узнаем об одной „бесхозяйной“. На песчаной отмели приглядели мы лодку совсем новую, еще пахнущую смолой. Лодка эта в ведении представителя Баржестроя. Отделение Баржестроя находится в Троицко-Печорском, а его представитель давно уехал в Усть-Волосницу, вверх по Печоре. На новой лодке доставили две недели назад из Волосницы больного, и с тех пор стоит она беспризорной. Договариваемся со сторожем и сельским советом, что лодку сдадим Баржестрою в Троицко-Печорском.

С большим торжеством подогнали мы лодку ближе к палатке, постлали хвойных веток в нос и корму, сложили сумки, запаслись шестом и весело поплыли вниз по Печоре. Сразу устанавливаем очередность работ: час на веслах, час на руле, час отдыха каждому.

Забросили блесну — и в ту же минуту щука, рванув гибкое удилище спиннинга, согнула его в кольцо. Бросаем руль и весла, следим. Щука делает два-три круга, покоряется сматывающейся лесе, показывает себя у самой лодки и... срывается. Сплюнув ей вслед, Чемко забрасывает опять. Добыча — окуни, хариузы скоро бьются на дне лодки. Развлеченье на всю дорогу.

По берегам бесконечной и беспрерывной лентой тянется тайга. Берега невысокие, но обрывистые, сложенные из песков, прикрытых мощной корой таежной почвы. Пески желтеют с боков, ползут по дну реки, ползут, наступая друг на друга и гоня зловещие тени. Примерно через каждые полчаса мы попадаем на новый перекат и слышим, как песок шуршит под днищем лодки. Из воды часто торчат глыбы камней. Наконец, мы видим те самые печорские пороги, о которых в старых описаниях сказано:

„Наиболее затруднительными местами для судоходства на Печоре являются пороги, находящиеся ниже деревни Порог, расположенной на правом берегу реки в 40 верстах от Якшинской пристани. Первый, считая сверху, из этих порогов, простираясь в длину на 200 саж., в ширину на 60 саж., имеет дно из сплошной известковой плиты: ширина фарватера, расположенного ближе к левому берегу, равняется 3 саженям, и для прохода в межень через порог благодаря узкости хода приходится у пароходов разбирать колеса (!), завозить косяки на берег и на них перетягивать через порог при помощи воротов и лебедок"...

Самый опасный из этих камней носит имя „Разбойник". Мы глядим на зализанные таежной рекой перекаты и пороги, воображаем старую „технику", когда, обходя камни, отвинчивали пароходные колеса,— и перед нами встает будущий образ советского судоходства на Печоре — Камско-Печорское водное соединение. Узел советских плотин навсегда похоронит эти жалкие перекаты, похоронит последнего „Разбойника".

На другой день, когда мы двигаемся лукой Печоры, поднимается ветер, темнеет вода, высокие волны хлещут навстречу. Уставшие, засветло причаливаем к берегу. Ветер утих, но становится необычно холодно. Сразу после заката солнца в чистом небе замигали крупные звезды. Похолодание грозит превратиться в заморозок. Мы устраиваем песчаный вал, раскладываем костер и, постлав клеенку, ложимся. Ночь длится долго, холод будит несколько раз, заставляя поправлять костер, и на рассвете 22 августа мы видим свою лодку и гривки прибрежного песка покрытыми... инеем.

Ночью был первый заморозок, а с утра мы слышим тревожный крик диких гусей, которые, почуяв холода, поднялись с невидимых лесных болот и островов реки. Гусиные цепочки тянутся, однако, не на юг, а на запад и север. Птицы производят пробную мобилизацию.

Улетать им еще рано. С первыми лучами солнца иней быстро исчез, как-будто и не существовал. В тайге, куда мы причаливаем за дровами для утреннего костра, ожили комары — верный признак того, что теплая погода простоит долго. Так и вышло: в полдень тайга опять живет полной летней жизнью, и над гладью реки появляются летние мошки.

Таежный день ровен своим безмолвием. С берега мы не слышим ни звука. Только изредка в кустах, наклонившихся к воде, слышно журчанье замшелого ручья. В полдень мы

Охотничий лабаз

пробуем „сбегать“ в лес за дичью, но нас встречает такая валежная глушь и непроходимость, что мы решаем снова перейти на рыбный паек.

К вечеру прошел дождь. Наспех натянули над лодкой палатку, пристаем к устью какого-то притока, устраиваемся под навес елок. Навес такой густой, что сено, брошенное в подстилку, больше не мокнет. Вечером холодеет, и мы вспоминаем, что где-то в рюкзаках спрятан у нас градусник, купленный еще в Перми. Его мы пристраиваем у самого входа в палатку.

В приток вползает лодка бородатого коми, по берегу бежит лайка. Зырянин едет осмотреть охотничьи снасти.

— Как называется речка-то?

— Репна, — не оглядываясь, отвечает он и, упираясь в берега шестом, скрывается за кустами.

Потом Печорой проплывает лодка на бечеве. В лодке мужчина и две женщины, празднично одетые. Бечеву тянет по берегу парень, закинувший сапоги за плечи. „Едут“ в гости. Проплыть вверх 20—40 километров — для коми обычное дело.

С раннего утра сильный ветер пятит лодку назад, от весел горят ладони. Реомюр показывает 8 градусов. Чаевничать останавливаемся, не доехав километров десяти до деревни Курьи.

Речушка неизвестного названия натащила в устье столько гальки и песку, что сама в них теряется, извиваясь по руслу из одной стороны в другую. В том месте, где речка вливается в лоно Печоры, мы заметили кол с каким-то знаком. Привал мы выбираем недалеко, я нарочно дошагал до этого знака. В расщеп кола вставлена обычная почтовая открытка. Вместо адреса — дата: „10/VIII 1932 г.“. На обороте широкими каракулями выведено:

„Товариш Пушенцев!
бригада Филатова поплыла вниз по Печори
3 дня стояли на берегу а потом поплыли вас
недожидались“.

О себе дает знать одна из многих изыскательских партий, бродящих в бассейне Печоры. Другой „почты“ здесь не придумать. „Почта“ не надежная, „три дня стояли“, оставили следы костров, утиные перья, рыбью чешую. Прошло еще две недели, а письмо осталось нетронутым. Видно, не дошло.

25-го пристаем против избушки на высоком левом берегу. Мы рассчитываем, оставив дежурного в лодке, перекочевать на ночь под крышу, погуторить с хозяевами. Но в избушке

ни души. Полати голы, полки пусты. Печь, сложенная из камня, холодна и начисто выметена. Ни одного предмета обихода.

С утра отправляемся в глубь тайги и недалеко от избушки находим в чаще чугунный котел, стиральное долбленое корыто, ковш, лестницу, доски от столов... Обычно коми оставляют жилище не запертым... Но с тех пор, как здесь побывали ссыльные уголовники, коми научились прятать, а кое-где ввели в обиход и замок.

В разные стороны от избы в глубь тайги тянутся тропки, называемые у коми путиками. Это привычные маршруты охотника, протоптанные годами. Вне путика далеко не уйдешь — тайга едва проходима. Вдоль тропок расставлены силки с ягодной приманкой на рябчика, глухариные слопцы. Кругом тишина, глушь, мох, ягоды, безлюдье. Свернув однажды с путика, видим на луговине следы дикого оленя, слышим за чащей взлеты птиц, журчание речки, крик ястребов на верхушках гигантских лесин...

Отойдя от тропы не больше полкилометра, мы едва выбираемся назад, забредя в болото. Даже часто поглядывая на компас, то и дело теряем верное направление, потому что кругом без края и без конца лес и болота, болота и лес— одинаково глухие, одинаково нетронутые.

В стороне от путика в разных местах построены лабазы— крохотные, но прочные избушки на высоких столбах. Зимой там хранится добыча промысла, а сейчас хозяйственный утиль: жестяные банки, посуда, сломанное ружье, капканы - кляпцы...

Мы оставляем эту живую лесную тесноту, гоним лодку дальше по течению. Изредка попадаются навстречу коми, то подталкивающие лодки шестами, то на бечеве, то на веслах или с самодельным парусом. Спрашивают нас, откуда мы, не вчера ли из Мамылей, а мы уже третьи сутки тянемся оттуда, и нам стыдно в этом признаться.

Оживает лодка, когда навстречу показываются стаи уток, и начинается нестройная и малоуспешная пальба. Далеко по глади реки рождаются тонкие круги от падающих в воду дробин.

Пронесутся утки, мы смеемся:

— Встретим изыскателей, надо их предупредить: если найдут свинец, пусть не радуются, природа тут не при чем...

О ДИЧИ И ДИКОСТИ

Обедаем на привале плотно: в котелках плавают куски жирного утиного мяса, на противне — горка свежих рябчиков. Мы не торопимся, наслаждаясь видами вольной реки, ласковым теплом костра.

Под самым селом Ылыч Печора потеряла в наших глазах свою солидность. Река Ылыч вливается здесь в нее значительно более сильным потоком, чем сама Печора. Узел двух рек составил огромное зеркало, в котором опрокинулось отраженье села. Усть-Ылыч — центр сельсовета, охватывающего до 160 дворов, в самом Усть-Ылыче 40 дворов. Население разбросано по небольшим поселкам с непривычными наименованиями: Ляга, Максим, Мортюргин (Гавриил), Гортмургин (Еремей), Саръюдин, Когельдин (Антоново). От Саръюдина выше по Ылычу еще несколько „поселков" по два-три дома.

Заводим беседу с „Василь-Иванычем" Банниковым, председателем колхоза. Для этих мест колхоз большой — 38 хозяйств, 126 едоков. Колхоз обзавелся молотилкой, соломорезкой и косилкой. Но полеводство — лишь подсобная отрасль. Население больше занято лесными промыслами, возкой почты, охотой (30 процентов бюджета), рыбной ловлей и т. д. Много рабочей силы занято на лесозаготовках, ежегодно возрастающих (в этом году до 35 000 кубометров).

— Если бы ударников не было, колхоз не вышел бы... — заключает Банников.

Территория сельсовета тянется вверх по Ылычу на триста километров в лесу, богатом зверем и дичью. Поэтому, что ни двор, то — ружье. Промышляют и старый, и малый. Законтрактованных охотников 48, но добычу несут из тайги и без контрактов. Договорная норма, по отзывам коми, легкая (на 300 руб. пушнины, дичи 100 пар, 20 зайцев и пр.). Обильная природа хорошо оплачивает и самый примитивный труд.

Покойный проф. Соловьев, объехавший несколько лет назад этот район, рассказывает о своих походах по тайге с коми Вань-Гриш (Григорий Иванович):

„Винтовка у него кремневая, а в ложе врезано маленькое зеркальце. На мой вопрос, зачем оно, Григорий простодушно объясняет, что горящие порошинки иногда впиваются под кожу лица, их надо извлекать оттуда иголкой сразу же. Но такая винтовка не предел первобытности. В верховьях

С молоком

реки Ылыча, в маленьких поселках, частью даже никем не зарегистрированных, живут промышленники-староверы, еще употребляющие на охоте самострелы саженной длины, белку стреляют стрелой с тяжелым набалдашником, не портя шкурки, лося — стрелой с железным наконечником.

По Ылычу же имеют особое распространение искусственные гнезда для диких уток, подвешиваемые на открыто стоящих деревьях по берегу реки. В эти гнезда утки несут яйца, которые зыряне постепенно выбирают и разнообразят свой неприхотливый стол"...

За несколько лет дичи не убавилось, но дикость промысла уже не та. Орудия охотничьего промысла теперь значительно обновлены, в обиход вошли берданки, а главным образом „ижевки", курковые одностволки центрального боя. Труд промышленника облегчен и тем, что из года в год улучшается снабжение района продовольствием, товарами, охотничьими и рыболовными припасами.

Тайга, простирающаяся по правобережью Печоры от Якши до Щугора, превращена теперь в заповедник, где будет налажено изучение животного мира.

Революция привела этот глухой угол к большим успехам и в отношении культуры. Среди жителей до сорокалетнего возраста неграмотных уже единицы. Но велика еще малограмотность, бороться с которой мешает чрезвычайная скудость соответствующих кадров. Мы рассчитывали познакомиться с работой сельсовета, кооператива, школы. Но сегодня в Усть-Ылыче выходной день, а задерживаться мы не можем.

Отправляясь, мы спрашиваем, у кого можно купить молока.

— В колхозе, — немедленно отвечают нам. — На заводе.

Завод! Мы входим в обыкновенную избу и поражаемся царящей в ней чистоте: все выскоблено, вычищено, умыто, оберегается самодельными ковриками. На новом огромном столе журчит механизм сепаратора, и одетые в белое работницы коми оперируют такими же чистыми кружками и лейками, тонкой кисеей, бережно перебирают запасные части сепаратора и ведут запись переработанных литров молока.

Ниже поселка Ляга начинается цепь островов. Некоторые из них сплошь увенчаны стройным лесом, острогруды и похожи на зеленые крейсера. С песчаного острова поднимаются тяжелые гуси, штук тридцать. Осторожные птицы не подпустили к себе и на винтовочный выстрел.

НОВОЕ В ТАЙГЕ Пароходам недоступно стало Троицко-Печорское (на коми-языке „Мыл-дин"). Река распласталась тут на целый километр, разметав по дну скопища песков, и стала настолько мелкой, что мы с большим трудом отыскали место, где можно подвести большую лодку к берегу.

Мы обещали сдать лодку Баржестрою в Троицко-Печорском. Но мы не можем с ней расстаться, ибо пароходов нет. Отправляемся за разрешением к начальнику затона в конец села.

Огромное село раскинулось далеко по всему скату берега. Тяжелые бревенчатые дома в один и в два этажа вытянулись вдоль двух улиц. Типичные северные постройки — высокий низ, ступеньки, ведущие ко второму этажу прямо с улицы, прочные досчатые крыши, а под окнами досчатые „тротуары". Главную улицу окаймляют сейчас прямыми канавами.

Начальник затона (тов. Тимохов) дает согласие оставить лодку в нашем распоряжении до той пристани, где удастся встретить пароход. И сразу нам выкладывает свои нужды. Затон подготовляет дома для пароходных команд, для ремонтных рабочих и грузчиков. Беда с недостатком рабочей силы.

Сметы и проекты по оборудованию затона лежат где-то в Усть-Цыльме, в ПУРТе (Печорское управление речного транспорта). Ответов на запросы нет.

— Уж вы потолкайте их в Цыльме, — просит тов. Тимохов. — Дело стопорится. В этом сезоне мы сделали две новых баржи здесь, пять барж и три досчаника в Волоснице, три баржи в Якше. В нашем затоне могут зимовать десять — пятнадцать барж и пароходов.

А прощаясь добавил:

— Вы знаете, какая тут связь! Ответа не дождешься. Газеты из Москвы идут пятнадцать дней.

Троицко-Печорский район Коми-области простирается вдоль Печоры на 600 километров, по правому берегу до Урала — на 200, по левому — на 150. И на всю эту „губернию" немного больше 5000 жителей. Правда, это число сильно возросло за счет новых переселенцев.

Снабжение района продовольствием встречает одно препятствие — тяжелые пути сообщения. Пароходы поднимаются до Троицко-Печорска только при нормальном уровне воды в Печоре. Продовольствие доставляется со стороны моря.

Несмотря на обеспеченность в порядке централизованного снабжения, троицко-печорцы сами засевают хлебами небольшие участки (урожай бывает сам-семь и сам-восемь), собирают не одну тысячу центнеров картофеля и овощей, а главное — разводят скот. Свыше трети населения вошло в колхозы. Есть в районе МТФ, а у райсоюза и лескоопа свои „пригородные" хозяйства, выручающие их в тяжелые перебойные моменты.

Вот эти-то перебои, несвоевременная доставка продовольствия и промтоваров, наносят району самые чувствительные удары. От пристани Морской до Троицко-Печорского считают 1500 километров, морем от Архангельска — еще больше. Флот и морской и речной еще недостаточно мощен, чтобы на ряду с другими перевозками в твердые сроки доставить грузы продовольственных и промышленных товаров. Был период, когда из-за поздней доставки нечем было стимулировать различные заготовки в районе, были случаи невыдачи установленных хлебных норм.

Грунтовых дорог по существу почти нет. Один тракт — на Помоздино, к Вычегде, где открывается водный путь на Сыктывкар и Котлас. Однако, для ремонта этого тракта (144 километра) и здесь нехватает рабочей силы. По тракту возят одни легковесные грузы.

— Вот и сейчас,—рассказывает предрайисполкома тов. Павликов,—в Помоздине лежит промтоваров для нашего района на 100 тысяч рублей. Рабочих лошадей в районе до 800, но этого количества на сотни километров территории очень мало.

Район пытается наладить собственную выработку телег, поощряет рост конского поголовья, а пока шлет и рабочую силу, и своих ответственных работников навстречу баржам, чтобы всячески ускорить их продвижение вверх по Печоре.

Из года в год растет в районе объем лесозаготовок. За годы первой пятилетки в районе разведаны и начаты разработкой каменные угли (Щугорский сельсовет), развернуто глубокое бурение на нефть (Усть-Воя), строится большая фабрика по обработке естественного точильного камня.

Еще в 1927—1928 гг. грамотных в районе было очень мало. За годы первой пятилетки школьный возраст охвачен учебой полностью.

— С первого апреля до сентября,—сообщают мне в райОНО,—обучено грамоте и ликвидирована малограмотность 413 человек. Сейчас неграмотных в возрасте от 18 до 50 лет нет.

— Кто ж обучал?

— Учителей мало. Главное — работали культармейцы, мы их собрали 173 человека, — ответили мне с таким видом, словно я задал наивный вопрос.

Немало молодых коми послано учиться в техникумы Сыктывкара и Архангельска, несколько человек продвинуто в Москву. В самом районе работает ШКМ...

И все это происходит в районе, который буквально тонет в тайге, а зимой почти совершенно отрезан от центров: зимним трактом до Котласа надо проскрипеть добрых 700 километров, а в Архангельск — большую тысячу.

Коренного решения своих судеб район ждет во второй пятилетке. Лесозаготовки до 2—3 млн. кубометров, постройка двух шестирамных лесозаводов, максимальная механизация работ в лесу, превращение Щугорского сельсовета в центр угледобычи, разрешение проблемы Камо-Печорского канала с гидроэлектростанцией в пределах района, подсобные заводы на базе энергии этой станции, прокладка шоссейного с автогрузовиками тракта на Вычегду, создание продовольственной базы для района в низовьи Печоры, развитие огородного хозяйства, достройка фабрики точильного камня, надежды на нефть — таковы объекты плана, на выполнение которого районные организации готовы мобилизовать все средства и силы.

— Тогда, — мечтательно протянул председатель рика, — тогда колесо завертится!..

За окном сильный ветер и частый осенний холодный дождь. Рано темнеет, вода на Печоре все прибывает, а вместе с ней, мы знаем, растет надежда района на приход баржи с низовьев.

Мы побывали в местном союзе охотников, в конторе Союзпушнины, в райпотребсоюзе, леспромхозе, в колхозе...

В лавках разных коопов идет продажа охотничьих припасов и продовольствия. В Союзпушнине подсчитали, что вместо прошлогодних 28 000 рублей заготовки в новом сезоне превысят 35 000. Работают клуб, исполком, сельсовет, больница, местная редакция, школа, колхозный амбар... И, глядя на все это, мы забываем, что находимся в том поясе севера, который на карте стелется почти сплошь белым пятном...

КРАЙ НЕТРОНУТОГО ИЗОБИЛИЯ

Солнце выбралось из облаков, когда мы, судя по карте, отхлестали от села до сорока километров. Ветер попутный и мешает лишь на больших извилинах реки. Не останавливаясь, прошли мимо с. Покчинского. На привал останавливаемся под крутым левым берегом, на верху которого красуется заманчивый молодой сосняк.

Пока варится обед, взбираемся на крутяк и — вздрагиваем, слыша взрыв косачиных крыльев в чаще, но скоро увлекаемся ягодами. Куда ни ступи, под ногами — густейшие россыпи брусники и черники. Выбирать не приходится: рви хоть горстями. Это изобилие заставляет думать, какие запасы сырья в будущем может извлекать здесь пищевая промышленность.

В обед, к нашему привалу приблизилась и остановилась в заводи плоская лодка. Широкоплечий коми бухнул в воду тяжелым камнем с якорем, что-то приказал своей жене и вот на наших глазах забрасывает самодельную удочку. Через несколько минут мы забываем о своем перекипевшем чайнике и о том, что пора бы плыть дальше. Буквально каждые две-три минуты рыболов выбрасывает в лодку трепещущих окуней. Три, четыре, десять, пятнадцать — и мы теряем счет...

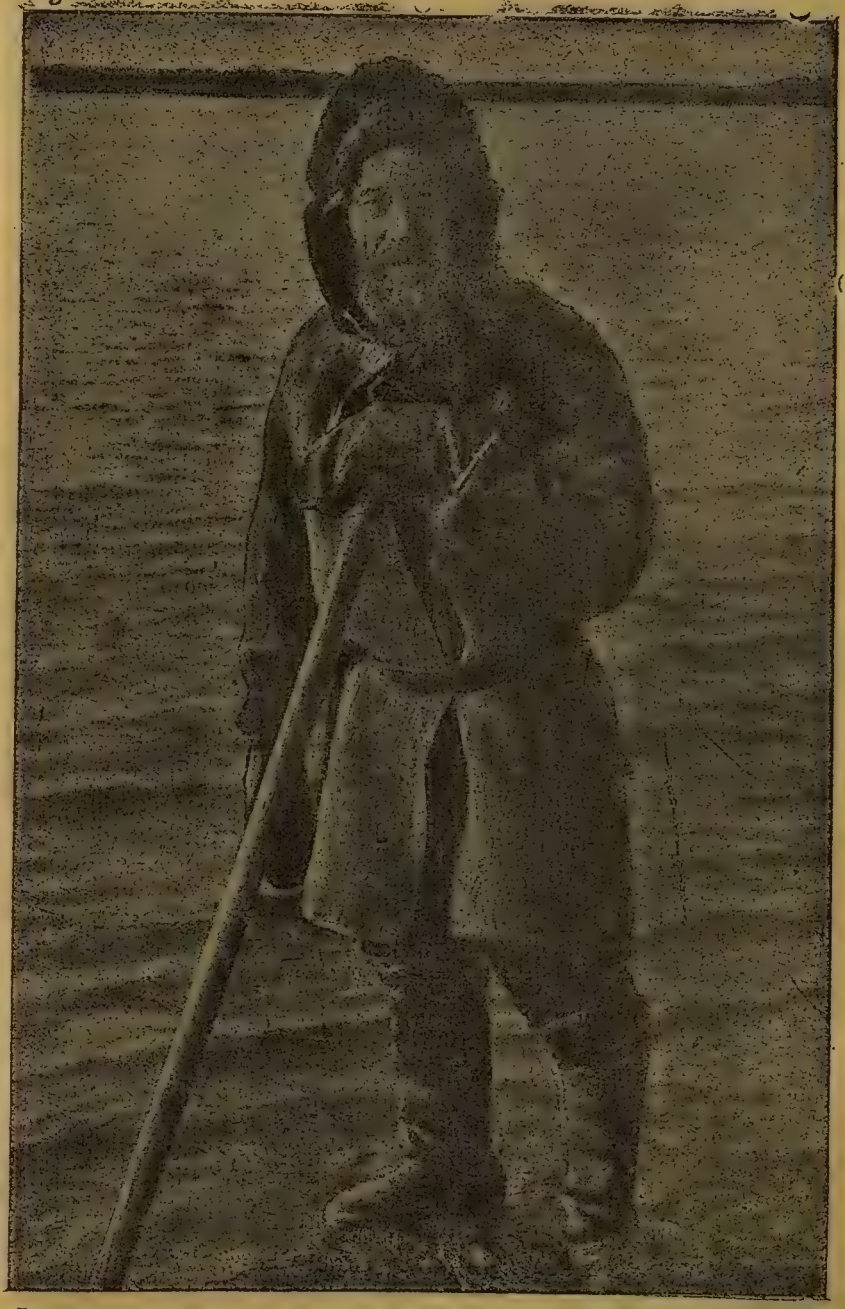
Оттуда же снизу в лодке подымается другой рыбак и, бросив якорь поблизости, повторяет историю с начала...

Что за чорт! Смахнув хлебные крошки с усов, Чемко проверяет фотоаппарат и, боясь помешать гостям, медленно вдоль берега приближается к рыбакам-чудодеям. И вот уже завел с ними разговор, рыбаки перекликнулись, съехались чуть ближе и с тем же спокойствием снова закидывают удочки:

— Снимай, мол, ежели интересуешься...

Мы приглашаем рыбаков к чаю. Широкоплечий высаживает свою хозяйку на берег, и она уходит вниз „к дому". Две лодки, у которых днища залиты мутной водой, становятся в ряд с нашим „кораблем". Вода в лодке кишит крупными окунями: темного цвета спинки, отливающие медью бока, красные плавники...

Старички подходят к костру, греют руки и смеются добрым смехом. Но весело им не от теплоты огонька и не от наших комплиментов, — им смешно, что мы не знаем простых вещей.



Тип печорского рыбака коми

Потом разглаживаются морщины смеха, борода поднимается кверху, старик смотрит на лохматые тучи, и мы слышим заботу:

— Погода негодящая... То ветер, то дождь, а время-то для лова самое подходящее.

Способ ловли у них простой: запасают „мальков" (очень маленькая рыбка) и применяют их в качестве приманки. Рано весной, а особенно по осени окунь, хариуз, щука и семга жадно бросаются на эту приманку. Об успехе такого способа ужения мы могли судить сами: за каких-нибудь час-полтора старички наловили минимум по пуду окуней!

— Сколько ж удается в хорошие дни? — любопытствуем мы.

— Когда как, — с озабоченным видом отвечает широкоплечий Мезенцев, — когда как. И пуд, и два, и десять...

— В день?! — раскрыли мы рты. — На одну удочку?

— За день, за день, конечно.

С огромным любопытством разглядывали они московские ружья, но, узнав их цену, разочаровались:

— Ни к чему такой капитал убивать.

Тут мы уже не напрашиваемся на сравнения. Нам и без того знакомо, что печорец-охотник убивает ежегодно сотни пар белок и рябчиков, бьет гусей, глухарей, а иногда и медведя, вооруженный простой берданкой или одноствольной „ижевкой". При чем они вовсе не холят свое ружье. Многие никогда не чистят своих ружей, считая чистку вредной. Больше того, при усиленном снабжении края охотничьим оружьем, любой такой Вань-Гриш расстается со своей „пищалью" только в самом крайнем случае...

Может быть, именно примитивное снаряжение заставляет охотника и рыбака изучать искусство промысла до самых корней и вырабатывать из себя природных мастеров промысла...

Тяжелые тучи бродят по небу весь день. Изредка налетают дожди. Осень дает о себе знать. Ночью подмораживает, и к утру на траве заметен белый пушок инея, зато днем восстанавливается тепло, и наш реомюр показывает и 10, и 15 градусов.

В тихие часы, когда угроза дождя удаляется, мы углубляемся с ружьями в тайгу, поднимая с ягодников и ручьев нелюдимых рябчиков. Эта дичинка давно вошла в наш „прожиточный минимум". Мы научились быстро ощипывать перо, опалять над костром тонкий предзимний пух и очищать птичьи, переполненные ягодой зобы. Пара уток и полдюжины

рябчиков на обед стало почти твердой нормой. Наш стол мы разнообразим рыбой, самодельными „шаньгами" с ягодной начинкой и огромными дозами чая. Хлеб, лук, соль, иногда крупу, сахар и картофель добываем в поселках.

Бродя в тайге, мы находим на полянках слопцы, установленные на глухарей еще в прошлом году. Одни из них захлопнуты или полуразобраны, — это значит была добыча; другие, искусно настороженные почти на спичку, продолжают держать на весу тяжкую половинку бревна. Под слопцом расчищен от травы небольшой круг, куда присыпана горсть песку; еще целы в песке остатки прошлогодних ягод. Невелика приманка для глухаря, и без того раскормленного на ягоде, но, когда этот „дессерт" подносится ему с песочно-галечной подсыпкой, птица, повидимому, не удерживается от искушения. Способ испытанный и, если судить даже по самой старой литературе, живет не первый век.

Вечерним отдыхом я пользуюсь, чтобы пересмотреть короткие записи слов на коми-языке, сделанные по пути. „Словарь" почти сплошь охотничий: глухарь на коми-языке — чухчи, рябчик — щела, тетерка — дозмер (отсюда название местной речки), косач — тар, бурундук — орда, лабаз — шамья, большой лабаз — житник, белка — ур, охотиться — уркый-не (ловить белку), ружье кое-где зовется пищалью, черника — чод, брусника — пул, рыбацкая верша — продольник, речка — ю или йоль, ручей — шор, большая гора — тим-из, олень — кер, оленьи сани — утыча, обращение к собаке „поди сюда" — локта-че, „дай лапу" — вай лапа, залив — курья, пролив — шар, весла — опаснэй, лошадь — вээв, корова — мэс, кошка — кань, нерест рыбы (икрометание) — кульмэн и т. д.

Словно дополнение к этому словарю, на другой день появилось название очередного поселка — Мишка-Иван. Перевод простой: Иван Михайлович. Был, очевидно, такой поселенец, построил промысловую избушку, пустил корень. Поселок „разросся" до 10—12 дворов и в честь „основателя" наименован „Мишка-Иван". На берегу сушатся рыбацкие снасти, колышится ряд рыбацких лодок. На пашенке подняты снопы. Почти чистое натуральное хозяйство.

Километром ниже — одинокая изба со скотным двориком, такая же пашенка, такие же рыбацкие снасти и лодочка...

На заре к нам доносится далекое гоготание гусей. Где-то невдалеке лежит Дутов-остров, на котором, говорят, расположена чуть ли не столица печорских гусей. Но мы для утренней гусиной охоты останавливаемся у Елового острова.

Обходя утром острова, поднимаем большую стаю уток. Не стреляем, сохраняя тишину „для гусей". Ждем долго в засаде, но гусиные две стаи по первому солнцу проносятся высоко и, не долетая до острова, поворачивают в сторону. Может быть раскрыли нашу засаду? На прибрежных песках виден густой узор вчерашних гусиных следов.

Имя „Елового" островом или не заслужено или потеряно. Елок на нем почти нет. На 3-4 гектара — небольшая группа деревьев лиственных. Середина острова выкошена. Зато густой бахромой окутали остров кустарники, среди которых много малинника. Ягоды, облепившие кусты по всему восточному склону, крупные, зрелые, блещущие от росы. Роса уже смочила сапоги, одежду, но мы не уходим отсюда, пока не наедаемся малиной досыта.

Отсюда Печора ведет нас по глубоким извилинам русла. Небо покрылось новым корпусом туч, приблизив сумерки. Мимо острова Усед-ди проезжаем ускоренным ходом. На сей раз место для ночлега выбрать оказывается не легко. Тайга отошла от берега настолько, что ночевать у леса (как мы привыкли), имея на виду лодку, нельзя. Между тем разыгравшийся ветер поднял большие волны. Быстро стемнело, и береговая линия стерлась даже на близком расстоянии. Бились долго — подхода не нашли. Решили пересечь Печору и разведать противоположный берег. Там оказалось не лучше, но кое-как, вертясь под сильным ветром, причаливаем.

Ветер хлещет вдоль крутого берега с полной силой и как-будто все нарастает. Кругом камни, за дровами надо итти далеко в гору. Густая темь смешала все краски. Только над крутяком берега небо позволяет определить границу этой неприглядности. На фоне серого куска неба маячит силуэт.

— Похоже на церковь.

— Деревья!..

В свете костра мы видим россыпь камней, словно придвинувшихся к огню, и замечаем тропку, ведущую в гору. Значит, близко деревня. Потом за свистом ветра различаем глухие звуки колокольцов. Звуки нарастают, и скоро в широко освещенный костром круг всовывается голова коровы, другой, третьей; коровы останавливают на костре тупой взгляд и, ослепленные светом, спотыкаются, удаляясь в гору. За коровами, присвистнув, прошагал человек.

— Какая деревня? — кричим вдогонку.

Ответа не расслышали. На ночь вытягиваем лодку на берег, привязываем.

Лодка, неудобно севшая на камень-кругляш, качается в такт волнам. За нею в потемках реки не умолкает говор валов, ветер не стихает ни на минуту. Валы воды бьют в борта пудовыми тяжестями. Палатка треплется на ветру, ежеминутно готовая сорваться. Под этот вой Печоры, под тяжелый ритм волн засыпаем тяжелым сном... Утром делаем „открытие": силуэт, замеченный нами ночью,— церковь села Савино-бор, широкоплечая, деревянная, с пузатыми куполами.

С горы открывается далекий и чудесный вид на Печору. Размашистая река лежит, как на ладони. Широкий, ленивый поворот, дымка непогоды, сизая рябь волн напоминают левитановскую картину „Над вечным покоем". Но „покой" здесь не левитановский: то там, то здесь маячит лодка, нагруженная горой сена. Село окружено полем и огородами. Огородный клин почти весь обнесен одной, колхозной изгородью. Изгородь устроена любовно и основательно. Каждая пара кольев скреплена вверху широкой деревянной накладкой. Накладка сохраняет колья и от сырости.

Савиноборский сельсовет, протянувшийся по Печоре почти на полтораста километров, за последние годы резко изменил лицо своей экономики. Около 36 процентов хозяйств вступило в колхозы. 60 охотников и 50 рыбаков подписали контрактационные договоры на сдачу добычи государству и кооперации. Посевы картофеля расширены до 64 гектаров. Школа расширяется в Савино-бое, имеется и в поселке Лемтах. Обе школы охватывают до 120 человек. В селе — свой молочный заводик, под который отведена просторная изба. В заводике мягко журчит механизм сепаратора.

4 сентября мы миновали Большой Дутовский остров, поселок Пфединский и поселок Кузьды-бож (Нижний конец острова, по-коми).

Здесь мы завернули в устье речки под дер. Лемдибожской. Вдоль этой речки в тайге нас ждали новые очарования. Вся прибрежная полоса, весной заливаемая половодьем, поросла кустами ивняка и... смородины, обильно усыпанной ягодами. Никем не тронутые (а до дер. Лебяжьей оставалось лишь несколько километров), тяжелые гроздья ее усыпали всю опушку тайги. Речка, судя по старой карте-десятиверстке, вытекает из небольшого озера Ожид-Гудорья, в 4-5 километрах от Печоры. Там же, судя по карте, находятся истоки другой речки, соединяющей Печору с озерком Ычет-Гудорья.

Но старая карта врет. Мы проходим и четыре, и шесть километров, поднимая дичь, а озера все нет. Таежная речка

извивается в непролазных зарослях, образует водные зеркальца, выбегает на большие безлесные поляны. Эти поляны покрыты травой буквально в рост человека, но остались не выкошенными. Может быть из года в год стены травы падают и гниют здесь, не зная косы, вдали от человеческого жилья. Впрочем, примерно на шестом или седьмом километре пути, мы видим огромную луговину, наполовину выкошенную. Это случилось кстати. Небольшая тучка брызнула крупным дождем, и мы у стогов укрылись и отдохнули. Однако от дождя спасались напрасно. Двинувшись прямиком обратно, мы сразу вымокли в лесу: нас поливает с кустов и травы. Тайга на этом пути — настоящий нежилой колодник.

По компасу прямо на восток выходим к Печоре на километр выше того места, где осталась лодка. У самой реки открываем озерко, шириной в десяток метров и длиной в полкилометра. Озерко тянется параллельно Печоре и образовалось, повидимому, вследствие весенних размывов.

С озера одна за другой поднялись стаи диких уток, и мы решили тут заночевать, чтобы организовать с утра охоту. Ночью мы услышали гудки парохода. Это шел снизу пароход „Социализм", которого давно ждут в Троицко-Печорском.

— Ура, скоро на палубу!

— А уголь, печорский уголь?

— Надо успеть!

По нашим расчетам, пароход вернется и догонит нас через несколько дней. Сразу после завтрака мы спешим обработать убитых уток и гоним лодку мимо пос. Лебяжье, мимо островов и заманчивых побережий. Но вот слева почти напротив речки Вуктыма, под скатом берега замечаем черный квадрат какой-то ямы. Пересекаем реку, лодку сносит значительно ниже, и мы с Егоровым, прыгая с камня на камень, бежим узнать, в чем дело.

— Уголь!

Еще недавно, как видно, делали здесь пробу. Вырыли штоленку метра в четыре в глубину. Уголь обнажился тяжелым, темным пластом. Ворох мелкого угля свален в сторону от досчатой дорожки, на которой еще видны следы тачек.

Но работы, видно, оборваны. Разведчики не удовлетворились ни тем, что пласт широк, ни тем, что лежит он прикрытый всего 8—10 метрами лесной земли.

— Там, стало быть, лучше, — догадываемся мы, кивая в сторону Щугора и на ходу разглядывая обломки угля, захваченного „на память".

К лодке возвращаемся, почтительно шаря глазами по обрыву. Только сейчас мы замечаем, что оползни будто покрыты сажей. Именно эти признаки заставили, наверно, произвести здесь пробу на уголь.

Не останавливаясь, проходим мимо залива, куда впадает речка Вуктым, мимо рыбацкой деревушки Вуктыльской и поздно замечаем, что проскочили село Подчерское, не видное за лесистым островом. Делаем все же остановку, чтобы побывать в селе.

Село Подчерское входит в Щугорский сельсовет. Население исключительно коми и занимается охотой и рыболовством.

Подчерское, как село, умерло. Со своей церкви коми сняли не только крест, но и всю куполину. Работают лавки охотсоюза, местного кооператива и колхозный лабаз. В продаже промысловое снаряжение, предметы первой необходимости, мясо и рыба колхозной заготовки.

Провожает нас уполномоченный сельсовета. С крутого берега он указывает на валы гор, протянувшихся к востоку.

— Это угольные горы, товарищи. Там-то и есть рудник. Ох, и много же его, этого угля!

Уполномоченный сельсовета дошел с нами до берега собственно затем, чтобы позвать „сына“ к перевозу. „Сыном“ оказывается девятилетний паренек, почти весь день пропадающий с рыбаками. „Сын“, упираясь шестом, ловко подогнал к берегу лодку и, когда мы стали в нее, натужась, вытолкал ее на середину речки. Мы помогаем вывести ее против быстрого течения прямо к луговой дороге.

Светит солнце. Безветренно. Пьем чай у костра на острове против дер. Боярской. Деревня где-то за островом. Гладь реки совершенно невозмутима. Зубцы леса четко отразились в ее зеркальной глади. Солнце слепит, пламя костра кажется бесцветным. Дремлется...

Но мы обрываем дрему, вспомнив о пароходе. Снова поскрипывают весла, и озабоченно журчит вода, разрезаемая носом лодки. Скоро на пароход! Высоко летит цепочка гусей, спустя четверть часа — другая, третья и четвертая. Они тянут на север, есть еще срок для плавания!

Чувствуя в плечах и ладонях теплоту усталости, я передаю весла Чемко и, нырнувши в палатку, делаю очередные записи в дневнике. Стада дичи, россыпи ягод, смородиновые „плантации“ в тайге, лодки с рыбой, буйные покосы, нескончаемые леса, черный глаз угольной штольни — все это говорит об одном — о нетронутом изобилии края...

У ПОДНОЖЬЯ БЕЛОЙ СКАЛЫ

На сотни верст, не обрываясь ни на шаг, мимо прибрежных поселков тянется печорская тайга. Ее ровную тишину нарушают лишь глухое журчание обомшелых речек да редкие крики птиц. Ни дороги, ни поля. Иногда кажется, что это всеми забытая, никому не нужная глушь. Когда лодка недвижна, и ветер молчит, от мертвой тишины звенит в ушах.

Но вдруг эту замшелую тишину раздирают гул и треск падающего дерева, потом звон топоров, лязг железа...

Еще несколько взмахов весла — и за поворотом берега открывается неожиданное.

...Тайга спускается к реке вырубленная, поредевшая, полная солнца. Между пней и уцелевших голых берез белеют квадраты палаток, снуют люди. Из оврага по бревенчатой ленте дороги идут возы. На берегу груды бочек, ящиков, колес, грузов под брезентом. А рядом — черные валы добытого угля. Уголь переваливают в баржу, которая глубоко, до предельного фута осела в воду.

На фоне разорванной тайги мы замечаем домики, свежие, как стружка, дымки костров и жилку речки, бегущей из леса. Это Еджит-Кырта-йоль, речка Белой скалы. Здесь основан первый на Печоре каменноугольный рудник.

Как на ладони, лежит перед нами рабочий поселок, мирный, хлопотливый и отличный от прочих печорских поселков только новыми стройками да необычной картиной угольной горы.

Мы причаливаем ниже, на виду и думаем, что сейчас вырастет перед нами товарищ из охраны, потребует документы, представит начальнику. Но мы спокойно подымаемся кверху, проходим у палаток и домиков, спрашиваем, где найти начальника, и вот по новой бревенчатой ленте, навстречу возам с углем идем искать тов. Коржнева, который, говорят, „где-нибудь на выработке".

Отмахиваясь от комаров, большими глазами глядим на скаты оврага, там и тут усыпанные углем, взрытые и накатанные. Тайга молчит, словно удивленная этими раскопками.

— Семеныч, — кричит с горы плотник, вздернувший картуз на затылок. — Который воз везешь?

— Одиннадцатый, — не оглядываясь, отвечает Семеныч, на ходу раскуривая трубку.

— Пора сматывать!..

— Погоди, еще оберну,—и Семеныч коротким свистком подбадривает лошадь.

На бревенчатой, сложенной будто из тонких скалок дороге тянутся возы. Вагонеток еще нет — в ходу сани. Северные лошадки—„двигатели внутреннего сгорания". Уголь заваливают в простые ящики, вмещающие по 240 — 300 килограммов.

Начальник рудника проверяет установку крепежа. Начальника зовут к нам из глубины штольни. Коржнев одет в короткий дубленый полушубок, шахтерские сапоги, защитного цвета фуражку. Он давно не брит, борода помогает спасаться от комаров. Он широк в плечах и сутуловат. Мы садимся на мшистый бугор рядом со штольней и тут получаем интервью...

Два посланца георазведки впервые забрели сюда в июне 1931 г. Моховые почвы только-что оттаяли. Сучья царапали лицо, срывали накомарники. Обходя валежины, разведчики кружили так, будто искали потерянную вещь. Действительно, был потерян один из компасов, но искали они не компас, а уголь.

Через месяц изыскательская партия состояла уже из 20 человек, потом из 45. Залежи угля были обнаружены, а люди прощупывали окрестности дальше и дальше. Изыскатели обосновавшись лагерем на берегу Печоры, бродили по тайге и в следующую весну. Карта разведок запестрила многоточием опробованных мест. Разведано было пространство в 40 квадратных километров,—и всюду угольный пласт лежал неглубоко толщей в полтора метра...

Летом 1932 года разведчики влезли на вершину Белой скалы, которая вздыбилась над речкой выше столетних деревьев. На вершине скалы они сбросили накомарники и, отгоняя табачным дымком надоедливых комаров, окинули взглядом синеву исхоженной тайги:

— Хватит, надолго хватит! Здесь и начинать добычу.

Как раз у подножья скалы угольный пласт оголился, вывороченный из недр под напором оползня. Сверху надо рыть максимум десяток метров, со стороны „йоль"— уголь бери хоть голыми руками.

В те дни, когда на взрытых склонах оврага зазвенели первые кирки, ожила комната телеграфа в ближайшем по Печоре селе Боярском. В Усть-Кожву, Архангельск, Москву „телеграмму" передавали сначала по телефону, от сельсовета к сельсовету. Телефонисты дальних сел на сей раз не доверяли своим ушам и, надрываясь, переспрашивали. Со стороны Печоры трубка кричала:

— Егор, Дмитрий, Ж... Женя, Иван, Тимофей, тире...

Еджит-Кырта, маленькая „йоль“, понесла свою славу в хозяйственные штабы страны...

Начальник рудника, улыбаясь, вспоминает первые дни работ. Рабочие собрались такие, из которых почти никто не видал штрека. Приезжие считали угольное дело „пустяком“, зато коми, местные жители, боялись на первых порах углубиться в гору и на пару метров. Они с оглядкой и недоверием торопились вогнать крепежный лес. На их глазах техника в тайге делала свой первый шаг.

Но день ото дня уверенность росла. В рудник скоро пришли люди с нефтеразведок у Войя-Горы, того же района. Туда недавно привезли на пароходе паровые котлы — невиданную в здешних местах тяжесть. Надо было доставить котлы по берегу за два километра. Машин еще не было, и люди пустили в ход древний „ворот“: они врыли в землю столб, и запряжка лошадей крутила его, как молотилку, наматывая стальной трос. Подтащив котлы на 100—200 метров, рыли яму для „ворота“ в другом месте, и история начиналась сначала.

Но вот на-днях, 3 сентября, на берег у Войя-Горы со шняка (легкая баржа) сошел, хохоча мотором, первый трактор. Тяжкие части парового молота он поволок упрямо без единой остановки. А вокруг трактора шло „столпотворение“ — коми валили за ним нестройной, взволнованной, большеглазой процессией...

Еще через пару дней из Усть-Ухты завернул сюда и длинными крыльями прохлестал над тайгою гидросамолет. На луговине под Войя-Горой опустился. Люди, спрятавшиеся в лесу, начали медленно подходить. А через полчаса они с таким усердием лезли ощупывать стальную птицу, что пришлось поставить часовых. В этот день на селе местный доктор, самый грамотный в районе человек, давал народу справки о „технике“ летного дела: почему железо не падает, не глохнет ли от моторов человек, и давно ли вылетел самолет из Москвы.

В технику уверовали теперь и на руднике. Соцсоревнование, ударные бригады, встречный план добычи быстро двинули дело вперед...

— И вот, видели вы, — ухмыляется Коржнев, — кончаем нагружать баржу. Первые триста тонн. Да столько, пожалуй, на берегу...

К штольне подъезжают подводы. У некоторых вместо дуг наскоро сколоченные фигуры в виде буквы А. Тов. Коржнев разводит руками:

— Конечно, начинаем с азов... Но подумайте, какое у нас будущее! Дайте только получить механизмы да маленько обстроиться...

Коржнев по той же бревенчатой ленте ведет нас в контору, садится за скрипучий тесовый столик, пишет очередную телеграмму: „Поспешите“...

Три требования предъявляет рудник: побыстрей доставить оборудование, поскорее организовать настоящий рабочий поселок, приступить к созданию огородного хозяйства рудника...

Потом кто-то тянет Коржнева за рукав и ведет опять в лес, в сторону, где закладывается новая штольня...

Я задержался в конторе, втянутый в разговор с бухгалтером, с инженером Покровским, с геологом Ледневым. Они ведут подсчеты, как в тресте, хотя кругом тайга; они говорят о перспективах развития рудника, они увлекаются богатствами Печоры...

Обедали мы у себя в лодке, пополнив приварок продуктами, полученными в лавке рудника, а пока грелся повторный чайник, разбирались в своих впечатлениях.

Вспомнились слова Коржнева: „Вы подумайте, какое у Печоры будущее“.

Да, подумать есть о чем, и есть что посчитать. Читателю нетрудно представить, как далеко советский Север отброшен от существующих угольных бассейнов. Грузы угля из Донбасса в адрес Мурмана, Северного края, северного транспорта занимали у страны десятки тысяч вагонов. Иностранные суда шли в наши дальние северные воды с трюмами, перегруженными английским и норвежским углем.

Эти обстоятельства связывали работу железных дорог, срезали объем экспорта, увеличивали накладные расходы на внешнюю торговлю, снижали темпы промышленного овладения севером. Потери настолько ощутительны, что мы вынуждены в последнее время эксплоатировать купленные у англичан и голландцев два угольные рудника на Шпицбергене (от Мурманска 1300 километров, от Архангельска — около 2000). Во второй пятилетке требования на уголь будут бурно возрастать в соответствии с развитием народного хозяйства и по мере освоения новых предприятий. Уже на 1933 год потребность угля для одного Мурманского района (апатитовая, горнохимическая, металлургическая промышленность, Севгосрыбтрест, предприятия и ТЭЦ города Мурманска, железная дорога, бункеровка иностранных судов) составит 795 тыс. тонн, а в 1937 году—2790 тыс. тонн.

Для Северного края (Совторгфлот, речное пароходство, железная дорога Вологда—Архангельск, электростанции, металлургия, горнохимическая промышленность) соответственно: 640 тыс. тонн и 2320 тыс. тонн.

Таким образом, Мурман и Северный край, по предварительным подсчетам, предъявляют угольной промышленности заказ в 1435 тыс. тонн на 1933 год и 5110 тыс. тонн на последний год второй пятилетки.

Если Север будет иметь собственную угольную базу, к этому источнику топлива будет тяготеть еще Ленинградская область, которая к концу второй пятилетки будет потреблять до 20 млн. тонн угля в год. В перспективе следует учесть еще потребности арктического флота, а также Северного Урала (вот когда окажется в упряжке Камско-Печорский канал!..) Таким образом, проблема угля для Севера вырастает в проблему всесоюзного значения.

Позднее на пароходе из бесед с изыскателями и хозяйственниками мы узнаем, что уже приступлено к освоению двух месторождений угля в бассейне Печоры. Это районы: Воркута на притоках реки Усы, впадающей в Печору, и Щугорский район—район Белой скалы на самой Печоре.

Инженеры расценивают уголь Белой скалы по тем показателям, которые выводят этот рудник „в люди", ставя его на службу второй пятилетке. Залежи щугорских углей, на которые опирается и Белая скала, начинаются у самого берега судоходной Печоры. Первые штольни заложены всего в 800 метрах от ее вод. Вокруг рудника неисчерпаемый запас таежного леса, необходимого для строительства и крепежа. Мощность угольного пласта до 1,5 метра. Местами есть признаки нахождения нескольких пластов.

Полную оценку качества щугорских углей нам дать еще не могли: добыча их начата лишь на выходах, из пологопадающих оползневых слоев. Но и этот поверхностный уголь можно отнести к углям типа кизеловских, питающих ныне ряд уральских заводов и Березники с Соликамском.

Показатели щугорского угля: зольность (даже „на выходах") не превышает 10 процентов, серы — минимальное количество, летучих веществ — до 40 процентов. Некоторые признаки говорят и о возможности коксования углей из пластов глубокого залегания. Но уже и по установленным показателям огромное значение этих углей несомненно...

Волнующие сведения мы получаем о воркутинском угле. Тот уже показал высокие промышленные качества: уголь

Погрузка баржи печорским углем

спекающийся, дает металлургический кокс, серы 0,5—0,6 процента, зольность 6—10 процентов, в штабелях сохраняется и не возгорается.

Это месторождение открыто гораздо раньше щугорского, но оставалось без использования лишь потому, что притоки Печоры—Уса и Воркута, мелководные и порожистые, недоступны для судов. Поэтому проектируется построить железную дорогу Воркута—Югорский шар (около 300 километров). В те самые дни, когда мы проходили на лодке верховья Печоры, там, за полярным кругом, на 68—69 градусов широты заканчивалось изыскание железнодорожной трассы, а на Югорском шаре велись изыскания для заполярного порта. Можно ли сомневаться, что у нас, выполнивших чудесную пятилетку, этот проект не воплотится в новую железную дорогу, которая даст воркутинскому углю надежный рельсовый путь к морю и еще более ускорит развитие Печорского края.

Угольный бассейн у подножья Белой скалы не потеряет своего значения рядом с таким соседом. Ведь Щугор лежит вне зоны вечной мерзлоты, богат лесом и имеет готовый выход—дешевый водный путь по Печоре...

Есть о чем подумать!

Мы прощаемся с речкой Белой скалы, радуясь тому, что побывали у колыбели печорского Донбасса...*

---

* В настоящее время основным районом по добыче печерского угля являлся Воркута. Летом 1933 г. в печати появились одна за другой две телеграммы:

Архангельск. В ненецкую столицу Нарьян-мар, на территорию Печорского морского порта с Воркуты пришли первые баржи с углем, добытым за полярным кругом. Всего с начала навигации прибыло 8 барж с 4106 тоннами угля для судов и снарядов дноуглубительной базы, местного лесопильного завода, морского флота и Печорского порта.

На Воркуту из Нарьян-Мара ушел и стал под погрузку большой караван в 25 барж. В Нарьян-Маре стронтся разгрузочная площадка для угля.

Архангельск. 27 июля прибыл грузовоз „Свердлов", доставивший в Архангельский порт первую партию печорского угля для Северного флота. Рейс „Свердлова" заменил два угольных маршрута из Донбасса.

НА БУКСИРЕ „СОЦИАЛИЗМА“

Ниже речки Ошкалис-Ды-юр, впадающей в Печору справа, лежит остров, которому на старой карте-десятиверстке не дали никакого имени. Сразу за этим островом правый берег вздымается выше и оголяет грузные обломки гранитных скал. К этим глыбам мы подошли ночью, когда луна ползла в разбитых облаках, и поперек Печоры, неутомимо толкая нашу лодку, хлестал холодный ветер.

Непогода не прекратилась и на утро, поэтому с привала тронулись почти на рассвете. Только утром увидели мы, какие могучие лиственницы росли на вышке гранитного берега. Тайга и тут оставалась необъятной.

Не обозначенным на карте оказался и поселок в 5-6 дворов, расположенный ниже другого притока Печоры—Кырта-Прилук-йоль.

В здешних лесах разлиты краски берез. Мы их замечаем потому, что березовый лист, начавший желтеть в верховьях Печоры в первых числах сентября, здесь уже „горит“ этой желтизной. Осень быстро вступает в свои права, и нам приходится пересмотреть свои первоначальные планы.

Отправляясь в экспедицию, мы рассчитывали добраться в Усть-Ухту, завоевавшую такую широкую славу. Теперь для этого нам пришлось бы пустить в расход лишние две недели, а может быть и больше. На руднике сказывали, что пароход вверх по Ижме пойдет в Ухту лишь неделю спустя, „когда поднимется вода“. Такой гадательный план нас не устраивает. Если в океане начнутся осенние штормы, мы можем оказаться „на мели“, и последний морской пароход уйдет в Архангельск без наших персон.

Путь же из Ухты на Вычегду остается для нас темным делом. Одни рассказывали нам, что по новому шоссе там ходят теперь грузовые автомобили, а другие утверждали, что автомобили „нето будут, нето нет“...

— Придется Ухту отложить,— решаем мы.— А впрочем доедем до Щелья-юр, узнаем получше.

Но уверенности уже нет. Пожелтевшие острова лиственного леса стоят перед глазами как своевременное предупреждение. Но велик еще и соблазн тайги, которая в красках осени кажется все более заманчивой.

Короткий печорский день идет к концу. Небо опять загромождают тучи, темнеет. Дождь заставляет нас раньше обычного остановиться.

Ночью вверх по Печоре прошел еще какой-то буксир. Стук пароходных колес еще раз напомнил о близкой пересадке на пароход.

Утром (9 сентября) от устья речки Егры идем в здешний лес, очаровавший нас своим светом, отсутствием валежника, сходством с подмосковными культурными лесами.

Кусты и трава мокры от ночного дождя. Заманчивая тишина царит в лесу, лишь кое-где тонко и протяжно пересвистываются рябчики, да тяжело шлепают о лопухи капли, срывающиеся с деревьев. Охота эта „прощальная". Больше не остается дней для походов в тайгу.

10 сентября от правого берега сбивает нас к левому могучий приток. Он сглаживает волны на Печоре, зато крутит и пучит ее глубину, ускоряя течение. Это река Щугор, один из главных ее притоков. Отсюда уже видно село Щугорское. На карте значится там же и „пристань Сибирякова". На самом деле никакой пристани нет,—стелется только усыпанное камнями широкое подножье берега, на верху которого лежит село. Здесь в селе Щугор, в пяти или шести сотнях километров от Якши, мы решаем дождаться парохода.

В селе, несмотря на телефонную связь по всей линии Печоры, никто не ручается, когда будет пароход сверху. О расписании говорить смешно. И мы располагаемся на берегу „по-домашнему": собираем запас дров, лодку наполовину вытаскиваем на берег, делаем снимки и зарисовки, совершаем прогулки в село и за село, но все же чувствуем себя „на приколе": пароход из-за дальнего мыса может показаться неожиданно, в любой час...

Сегодня 12 сентября, выходной день. Сельсовет, над которым продолжает висеть старая вывеска: „Щугорский волостной исполнительный комитет", на замке. На почте—„нет старшего". На деревне—тишина. Улицы зелены, не вытоптаны и оттого кажутся чистыми. Каждый дом обнесен потемневшей от времени несокрушимой изгородью со столбами—долбленными, связанными крученым деревом и т. п. Это зырянская старина, еще живые памятники единоличия. Образы этого единоличия встают перед нами в натуре: едет человек верхом, лошадь запряжена в сани, и воз гремит по камням, скрипит по песку с галькой; женщины или подростки тянут бечевой лодки с мешками и сеном.

В деревне — больница, амбулатория, школа, радио, сельсовет, занумерованные склады на берегу, кооперативная лавка, почта с телефоном и сберкассой. На гребне берега против причала на перекладине двух столбов висит старый колокол. Он опоясан двумя литыми надписями без запятых и точек:

„Благовествуй земле радость велию хвалите небеса божию славу".

Ниже — орнамент с изображениями святых, а по краю колокола реклама:

„Лит в заводе товарищества П. И. Оловянишникова сыновей в Ярославле весу 18 пуд. 4 фунта".

13 сентября, в утренние часы, буксирный пароходик „Н. Виноградов" приволок снизу две огромные баржи, высадил пассажиров, сдал тюки товаров, погрузил досчатые ящики с живыми поросятами (бывшими в Щугоре на откорме), груз махорки и мыла, постоял с полчаса и ушел вверх, едва-едва одолевая течение.

В числе пассажиров, сошедших с „Н. Виноградова"—геолог Войновский. Это он открывал залежи угля на Еджит-Кырте. Сейчас Войновский вернулся с нефтеразведок у Войя-Горы. Мы узнаем, что и там, в доселе безвестном районе, революция ведет упорное наступление на недра земли. У речки Малого-Сопляса на разведочной буровой пускают в ход крелиус. У речки Большого Сопляса строится вращательная буровая. У речки Войи заработала ударная буровая. Между Войей и Большим-Соплясом крелиусом на глубине около 200 метров встречен нефтеносный пласт. На Малой-Кожве работает крелиус. На Большой-Кожве и Каменке ударные буровые достигли глубины 150 метров... Все признаки говорят за то, что в недалеком будущем будет получена промышленная нефть. Растут рабочие поселки, осваиваются механизмы, овладеваются методы ударничества...

Как мало еще мы знаем свою Печору!

Днем захожу в щугорскую больницу, размещенную в большом бывшем кулацком дому. 10 коек, но больных всего двое, да и те не хотят соблюдать больничной дисциплины. Женщина с обычными белями не дается лечить. Парень, в борьбе с приятелями сломавший ключицу, не желает лежать, бродит по солнечным комнатам, запахнувшись белым халатом. Недостает медикаментов, требуется ремонт, утепление здания.

Женщина-врач жалуется на тяжелые условия работы. Не глушь и не климат — к этому успела привыкнуть. Чувствуется еще сила местных поверий и предрассудков. Нередко коми

не ложатся в больницу оттого, что „там общая посуда". Наружное лекарство (иод и др.) уважают, но употребление внутреннего считают противобожеским (сектанты). Детей чаще не лечат („заболел — воля божья — сам поправится"). Прививка оспы „печать антихриста". Но под влиянием декрета об обязательной прививке она уже теряет антихристову силу.

Врача особенно возмущает судьба детей таких „верующих". Она хотела за отказ лечить привлекать к суду. Но нарсуд не нашел в законах соответствующей статьи.

Болезни преобладают простудные. Венерические, которыми славился край до революции, сходят на-нет. Сказывается коренная ломка старого быта. Был обычай, насажденный купцами и спиртоносами, когда гостя клали спать с хозяйской дочкой или женой. Теперь — утверждают сами коми — эти обычаи отошли в область предания. Новые годы, новые люди советский строй обновили, оздоровили быт.

В щугорской больнице работает комсомолец-фельдшер Ефимов, год назад окончивший Ленинградский медицинский техникум. Из Сыктывкара шел он в апрельскую распутицу пешком до Троицко-Печорска (почти полтораста километров), попал под лед, но „к приходу парохода выздоровел, на службу явился". Молодого фельдшера явно ценят. В деревне поговаривают:

— Из самого он Ленинграда. Как бы не бросил наши дела. Прикрепить его надо, женить бы на здешней...

Самого же тов. Ефимова смущает тяжелое положение аптеки. Таких вещей, как иода, касторки, вазелина, салициловых препаратов, отхаркивающих веществ, перевязочных материалов — больница не имеет месяцами. Почта не доставляет (или привозит „остатки") литературы, журналов, газет...

Как праздник, отмечаются случаи, когда знакомый или заезжий по командировке завозит сюда новую литературу. Голод на книгу здесь особенно велик, и невзрачная наличность местных библиотек зачитывается, как говорится, до дыр. В стихах поэта-помещика А. А. Фета есть строка:

„К зырянам Тютчев не придет".

Да, ни сам Фет, ни такой же утонченный барин-поэт Тютчев не привились у зырян, зато нынешняя детвора и молодежь Коми-области знают Пушкина, Некрасова, Маяковского, не говоря о книгах Ленина и Сталина...

Ура! Сверху показался пароход. Деревня ожила, вынесли к берегу красный флаг, высыпали ребятишки, повылезли старики...

В чем дело? Почему же не встретили так „Виноградова", доставившего товары, муку, табак, масло, сахар? Почему тогда вышли только приемщики кооператива да несколько грузчиков, а сейчас почти все на ногах?

Оказывается, слух об угольной барже дошел и сюда. Красный флаг является первым знаком приветствия.

Баржу ведет пароход „Социализм". Это нам кажется очень символичным. На быстром течении Печоры, усиленном еще таким стремительным и большим притоком, как Щугор, пароход медленно, будто с нарочитой торжественностью сделал полукруг, чтобы стать носом против течения.

„Социализм" привел уже знакомую нам баржу № 13, доверху наполненную углем. Команда парохода уже вывесила на борту флаг-лозунг:

„МЫ, УДАРНИКИ „СОЦИАЛИЗМА", КЛЯНЕМСЯ ОБЕСПЕЧИТЬ ВЫВОЗ МИЛЛИОНОВ ПУДОВ УГЛЯ ПЕРВОГО РУДНИКА НА ПЕЧОРЕ". *

Приход парохода застал нас врасплох. Только что поспел на костре обед, и мы, обжигаясь, кончали свою похлебку. Наскоро собирая пожитки, мы вспомнили, что можем сдать свою лодку командиру парохода. На этот случай мы имели соответствующую записку от начальника Троицко-Печорского затона.

И вот отвязаны углы палатки, затянуты ремни рюкзаков, приторочены котелки, чайник, походные снасти... С какой-то печалью мы ведем опустевшую лодку к борту баржи, сдаем, получаем расписку. В последний раз колыхнулся наш „корабль" под снятым мостком, и одинокая лодка стала маленькой и жалкой рядом с баржей...

Перетаскивая вещи на пароход, мы слышим речи ораторов, рукоплесканье слушателей... Доходят отрывки речей о железной воле партии, об обязанностях перед социалистической страной, о кануне второй пятилетки, о вожде партии товарище Сталине... Волна размышлений о прошлом, о настоящем, о будущем края надолго охватила нас, когда мы сбросили вещи, собрались с мыслями.

Крепкий гудок парохода повторился, зашипел пар у пароходного борта, залопотали колеса, и мы почуяли себя „почти в городе".

Мимо окон разворачивающегося парохода прошел далекий пейзаж леса, подступившего к щугорским огородам. Наши ружья смазаны, сложены.

---

* Летом 1933 г. здесь начали добычу уже второго миллиона пудов угля.

— Прощай, тайга!..

Поздно вечером, при луне, пароход остановился у Войя-Горы. К самому берегу он не мог подойти из-за мели. Едва успели бросить якорь, пришвартовалась к пароходу стая лодок. На палубу „Социализма“ полезли делегаты Войя-Горы, нефтяных разведок. Они принесли с собой самодельные знамена. И, когда палуба, слабо освещенная, переполнилась и вовсе почернела от толпы, открывается митинг.

— Товарищи,— говорит представитель рудника,— никто у нас еще не слыхал слова „северный горняк“. Никто не думал, что в этом районе будут шахты...

И протянул руку в сторону баржи:

— Вот он, уголь Печоры. Это хороший взнос наш в котел пятилетки. Это большой шаг к промышленному развитию севера...

И печорская тайга густым эхо откликнулась на гул аплодисментов. Словно в лесу поднялась, плеская крыльями, тысяча испуганных птиц.

— А мы,— ответил делегат Войя-Горы,— ускорим темпы бурения. Вслед за углем дадим первую печорскую нефть...

Пароход скоро отправляется дальше. В холодном небе плывут редкие бугры облаков. На палубу напирает тугой осенний ветер. На валах Печоры—лунное серебро, и выше луны торчит над пароходом радиомачта.

Делегаты первого рудника, сопровождающие баржу к морю, плывут с нами навстречу новым митингам. Угольные вести давно опередили пароход.

Начинаются разговоры „по поводу“. Зашелестели не свежие, но давно не читанные нами газеты. В круг беседы втянуты работники печорских разведок на уголь и нефть. И мы узнаем, что залежи угля в печорском бассейне, по исчислениям профессора Пригоровского и других, достигают 125 миллиардов тонн.

Здесь же в районе Войя-Горы на месте старых примитивных промыслов строится большая фабрика естественного точильного камня. Войские артели ежегодно вырабатывали до 400 тыс. брусков. Фабрика умножит эту продукцию.

Что касается нефти, то здешние залежи ее являются продолжением ухтинских месторождений, тех самых, которыми давно козыряли чердынские купцы, ходатайствуя перед председателем Совета министров о соединении рек Камы и Печоры.

„Ухтинская нефть,— писали чердынцы,— известна со времен Петра Великого, который посылал образчики ее за

границу. В 1745 году купец Набатов добывал ежегодно ямами до 4000 пудов нефти и вырабатывал из нее до 1000 пудов керосину, который отправлялся в Москву. По смерти Набатова завод сгорел, и дело прекратилось само собой. В семидесятых годах прошлого столетия на Ухту обратил внимание известный северный деятель Сидоров и предлагал заняться разработкой нефтяных площадей, но ему чуть ли не 20 лет пришлось хлопотать об отводе участков и только лишь перед смертью удалось провести скважину в 30 саженей, диаметра 4 дюйма, которая и по сие время дает сравнительно порядочное количество нефти. Смерть Сидорова прекратила дальнейшие разработки и разведки до девяностых годов.

В научном отношении,— сообщали чердынцы,— нефтеносность Ухтинского бассейна установлена в 1843 году горным инженером гр. Кайзерлингом, затем профессорами Романовским и Барбот-де-Морни и в 1889 году специальной правительственной экспедицией под руководством академика Чернышева. Последняя экспедиция даже затормозила нефтяное дело на Ухте: правительство признало всю площадь „заведомо нефтеносной" и закрыло ее до 1905 года для частной предприимчивости"...*

Указав дальше на высокое, близкое к американскому, качество нефти с Ухты, чердынцы напоминали (это было осенью 1910 года) председателю Совета министров:

„...ныне в марте месяце Россию облетело известие, что „на Ухте появилась промышленная нефть". Это инженер Гансберг довел скважину до такой глубины, с которой нефть получается уже в количестве, давшем возможность разрабатывать ее с промышленной целью".

Чердынцы сообщали, наконец, что залегания нефти на Ухте простираются до 1200 квадратных верст, и что, по анализам Горного института, „в одной кубической сажени нефтесодержащей породы заключается до 80 пудов нефти".

Мечтая о проведении железной дороги, чердынские купцы и градоправители, ссылаясь на поддержку купцов ряда других городов, уверяли царское правительство в полной рентабельности будущей дороги.

---

* В разгар ажиотажа вокруг Ухтинской нефти здесь закладывали свои скважины барон Врангель, министр Хвостов, княжна Мария Павловна и др.

„Если,—заявляли они,—в настоящее время из Чердыни доставляется на Печору до 1½ миллиона пудов хлеба и других товаров, то с проведением железной дороги количество это на первое же время должно увеличиться по крайней мере в два раза, т.-е. до 3 000 000 пудов. Затем, не считая эксплоатации печорских лесов и горных богатств, главный предмет перевозки будет составлять нефть. В настоящее время только одна Кама расходует нефти до 11-12 миллионов пудов... Стоимость доставки нефти до Перми нужно считать максимум 5 коп. с пуда, т.-е. вдвое дешевле, чем бакинской"...

В этих рассуждениях чердынцам пришлось сквозь зубы сказать и о том, что главной пробкой для выхода ухтинской нефти является конкуренция нефтепромышленников:

„Это обстоятельство (дешевизна ухтинской нефти) создает страшную для бакинских нефтепромышленников конкуренцию, и существующая теперь на Каме цена на нефть 40 коп. за пуд, доходившая до 70 коп., отойдет в область печальной для нашей промышленности истории"...

Печальная история российской промышленности, хищническая конкуренция различных Нобелей кончилась, однако, не после докладов председателю Совета министров, а после Октябрьской революции. Десятки экспедиций двинуты советской властью для изучения печорских недр. Ожил, населяется, гремит механизмами, светится окнами рабочих поселков и подсобных предприятий, кострами исследовательских отрядов, электролампами лабораторий, устилается полями совхоза—весь район Ухты, ее притока Чибью и дальше районы речек Лыю, Вежа-Вож, Кожвы вплоть до берегов Войя-Горы. Тиманский возвышенный кряж, протянувшийся от чердынского Урала до Северного Полярного моря, „взят в работу". Сейчас, на пароходе „Социализм" мы узнаем, что в 1932 году в Ухтинском районе заложены на нефть 32 скважины, по реке Ижме—9 скважин, на Печоре—23... Первая тысяча тонн нефти уже добыта, темпы добычи растут... Маршруты, пройденные советскими геологическими экспедициями, составили уже 54 тысячи километров...

Нам уже не трудно рисовать себе недалекое будущее этого таежного севера. Мы чувствуем и видим: баржа с первым печорским углем идет на буксире „Социализма", и на буксире социализма уже двинулся вперед прекрасный Печорский край.

ОЖИВАЮЩАЯ КАРТА

Бедная карта - „десятиверста“ накрыла столик пароходного купе. Змейка Печоры, „волосницы“ ее притоков, редкие кружки поселков, точки охотничьих изб и затерянных в тайге чумов — все как-будто занесено было на эту карту. Но она, эта карта, остается почти пустынной. Тайга еще не исхожена и не измерена. Жилки притоков часто отмечены легким пунктиром; это значит, что дальше — безвестность, тайна, настоящая дремучесть и девственность.

На карте нет еще ни угольного рудника, ни нефтеразведок у Войя-Горы, ни даже точек, освоенных в районе Ухты...

Вряд ли, думаем мы, через эти белые поля человек пронес измерительные инструменты и приборы.

Помнится, наши знакомые в Москве, узнав, какой маршрут выбрали мы для путешествия, пожимали плечами.

— Едем с нами! — приглашали мы кое-кого.

— Туда? — переспрашивали те, кивая в верхний угол карты, и отшучивались: — спасибо, дураков мало.

Не такие выводы сделаны нашими хозяйственными организациями и главным образом Георазведкой. „Правда Севера“, газета Северного края, сообщала, что в районе Печоры уже работают (1932 г.) полсотни экспедиций, в состав которых включено до 3000 человек. Экспедиции не первый год всесторонне изучают Печорский край и его природные богатства. И это лишь начатки...

В соседних двух купе едет экспедиция Архангельской биостанции во главе с тов. Пальгуновым. Участники этой экспедиции рассказывают нам о своих работах. С марта и до сентября экспедиция Пальгунова, разбившись на отряды, вела изучение охотничьих пространств, подготовляя основу для правильной постановки хозяйства. Две охотничьих базы заложены экспедицией на речке Кельтме и на речушке у поселка Деревянска, Усть-Куломского района. На первой базе, в глубине тайги, над речкой срублен большой дом-общежитие с красным уголком, комнатой для охотоведа, комнатой для заведующего, со складом для продовольственных запасов, баней и т. п. База должна превратиться в своеобразный охотничий совхоз, для чего к нему прикрепляется около 50 местных промышленников-охотников.

На другой базе — те же постройки, а также ледник для сохранения дичи, будут оборудованы коптилки и пр.

В Троице-Печорском районе, по верховьям речек Щугора и Подчери на крупных площадях проведена тщательная бонитировка леса (учет сорта, возраста, годности, почв; снимки типов леса и т. д.), чтобы по-научному осветить нынешнее положение охотничьей тайги и возможности развития ее промыслов.

Базы созданы также в Удорском и Усть-Усинском районах.

Члены экспедиции избирали для изучения типичные участки тайги, определяли пробные площадки (размером по одному квадратному километру каждая) и здесь производили своеобразную регистрацию животного мира и записи той обстановки, в которой представители этого мира „проживают". Пробные площадки в разных углах тайги „вытаптывались" членами экспедиции во всех направлениях, методически, шаг за шагом. В их записях зафиксировано все виденное или принятое на слух: такая-то птица, такой-то зверь, такой-то тип леса и трав, почвы, типы естественных кормов и пр. Все это для дополнительного изучения наносилось на карты.

Коми-промышленники, обитатели тайги, отнеслись к работе экспедиции с большим вниманием: выделяли проводников, рабочих, взяли на себя строительные работы на базах.

На базах-совхозах оставлены охотоведы, получившие необходимую подготовку на специальных курсах.

Любопытствующему охотнику экспедиция Пальгунова могла бы рассказать больше и может быть интереснее того, что мы уже знаем из сочинений прославленных путешественников, охотников и биологов. Пальгуновцы попадали на такие участки, где глухарей больше, чем рябчиков, и где непуганная птица пропускает охотника мимо, сидя у него на виду и почти над головой...

Наша утренняя беседа с членами экспедиции обрывается около 9 часов, когда пароход подходит к большому острову Позорохе. Пароход слегка накренился вправо — пассажиры заполнили окна и край палубы: вдали открылся чудесный вид на горную цепь уральских отрогов. Горы эти, очерченные прихотливым неровным контуром, так подчеркнуто сини, что в первый миг показались грядой облаков. Цепь тянется с севера на юг, вздымаясь у южного конца могучим конусом горы Сабли. Меж горных горбов видны белые с ледяным оттенком пятна.

— Неужели снег и лед?

Мы узнаем, что именно здесь, в горной цепи Сабли в нынешнем году впервые на Урале открыты три небольших ледника. Их отыскала уральская ледниковая экспедиция под начальством тов. Олешкова в районе горы Народной. Значит и здесь проложен путь исследователя, значит и здесь урезано белое поле карты. Сколько же белых пятен ликвидировано остальными 50 экспедициями в 1932 году?

Мы долго не отрываемся от окна, а потом, когда приблизился берег, и дальний горизонт потерялся, поднимаемся на палубу. Справа сказочно-синий, дикий рисунок горной цепи, а по левому берегу всеми красками рдеет печорская осень: огнисто-желты кудрявые березы, стыдливо краснеют осины, сбрасывающие летний убор; бледно зеленеют лиственницы, раскинув прямые сучья; тускло светятся у берегов сырые пески,— и над всем этим еще вековечней, гуще и торжественней, чем летом, высятся стройные северные ели...

Хорошо, что пароход идет в солнечный день. Мы любуемся богатством осенней росписи и заманчивостью горного пейзажа почти до поселка Демид-Вася, то-есть на протяжении добрых 25—30 километров, и Гатилов делает несколько акварельных этюдов. Речушки Позориху, Перебор, Белую, поселки Позориху, Борисды-Кост, Аранец и одинокие избушки мы проплываем, почти не замечая, ибо глаз все тянется к снеговым перевалам Сабли... Ниже Бызовой, в стороне, по Печоре тянется, судя по карте, узор приречных озер и болот. Сама Печора там и тут делится на рукава, обходит большие и малые острова, а в 1—5 километрах от реки светятся озера самых различных форм и размеров. Эти озера рождены в глухих усинских болотах и рассеяны по пространствам тайги на сотни километров пестрой неровной цепью. Там столбовая озерная дорога для караванов гусей и лебедей!..

Вечером у Самоедского ручья пароход останавливается на ночевку. Заря блещет пурпуром, багрянцем, фиолетовыми отливами. Береговые пески и сама река, слегка взволнованная, отсвечивают теми же красками. Заря убывает долго, до глубокой ночи. Наконец, ее огненный меч тонет в облаках, в тучах — тяжелых и грозных, обещающих ненастье.

Утром, отодвинув решетку окна, мы видим реку и берега тусклыми, под ровно пасмурным небом, с которого нижется мелкий, без устали равномерный дождь. Берега раскинулись плоские, тоже серые, ибо хвойные леса отошли вдаль, оставив пореденые лиственные материки, перемешанные с непричесанным ивняком.

Прошлой ночью команда вела в кают-компании шумное производственное совещание. Сейчас наверху за сеткой дождя бодрствует капитан, и изредка слышен голос вахтенного, да в машинном отделении с песенным свистом орудует кочегар. Все по своим местам.

Когда пароход останавливается, на судне срывается тишина, слышно, как по потолку-палубе стучит дождь — ровный и жесткий. А когда выберешься наверх, видишь далекие, завуалированные дождевым туманом прямые, покорные горизонты. Ветер дует с севера, холодный, неприютный и за его необъятным дыханием чудятся просторы недалекой тундры. Косясь на карту, думаем, что уже здесь лежит окраина тайги, что дальше развернется та плоскость севера, где не на чем отдохнуть глазу, где суров и угрюм человек, чахлы деревья, жалок мох...

Но, несмотря на близость полярного круга, берега скоро опять взмылись кверху, и вот уже в потемках, по трапу, держась за канат, мы сходим на берег, где пронзенные точками огней темнеют силуэты деревни Самоедский-Ручей (Родион). Дождь перестал, захотелось пройтись вдоль берега, послушать ночную Печору с горы.

Но пассажиры тянутся прямо в село. Там, говорят, можно купить натуральное сливочное масло. Пароходные старожилы хвалят здешний животноводческий колхоз.

В темную улочку против складов-амбаров светят квадраты правленческих окон. Навстречу с „летучей-мышью", будто с рекламного плаката, вышел бородатый великан-завхоз. Согнувшись наполовину, он проскрипел ступеньками амбара, распахнул дверь, вскрыл бочку с маслом. Таких бочек вдоль стены мы видим ровный, длинный ряд.

— Ты получше которое,— требуют пассажиры.

— Которое получше, то государству сдаем, а вы и вторым сортом не обидитесь,— спокойно гудит великан.

Масло, „которое похуже", лишь недостаточно отжато. Пассажиры дальние собирают в банки морской запас, платя по 16 руб. за килограмм. Не удерживаемся и мы от складчины. Из боченка, вмещающего пуд, последний покупатель получает масло уже с донышка: животноводческая артель маленького Самоедского-Ручья получает славу во всех углах парохода. О здешних коровах, лугах, о рентабельности колхозного животноводства речи затягиваются до полуночи.

16 сентября предстает перед нами левый берег Печоры, крутой, с размывами, образовавшими ряд конусообразных

Усть-Уса

скатов. К самому обрыву опять подступил лес, высокий и разноцветный. В таком виде берег тянется от Усть-Лыжинского до Смольного-Материка (Акись). Это последняя деревня перед Усть-Усой.

За Смольным-Материком высокие берега отходят далеко в сторону, и на лоне Печоры раскидываются широкие песчаные острова, укутанные ивняком. Дымится низкое серое небо севера, плещется река, мелькают вдали многоточия птичьих верениц.

Около 2 часов дня впереди, на закруглении правого берега, разрезанного новым сильным притоком, разворачивается панорама села Усть-Усы. Село заполнило северный угол, образуемый Печорой и Усой. Дома расположены по горе в три яруса, есть каменные, много двухэтажных. Местами видны мачты радио, тянется вереница телеграфных столбов. Внизу по неоглядному скопищу воды двух рек разбросаны буйки, движутся лодки, застыли баржи. Перила дебаркадера — издали видно — в бахроме встречающей толпы. А в стороне от пристани меж серых лодок распластал голубосизые крылья гидросамолет! Не он ли наш попутчик, виденный нами два месяца назад в Вятке?

Пароход сбавляет ход, дает протяжный гудок, и у бортов осторожно передвигаются рулевые цепи.

Бережно толкнувшись о дебаркадер, „Социализм“ дает обратное движение колесам и плавно покачивается. Многие сотни глаз тянутся в сторону, куда натянут толстый буксирный канат, и широкогрудая, плечистая, доверху наполненная углем баржа становится в центре общего внимания...

А за громоздким боком баржи на еще не успокоенных волнах качается наша лодка. Здесь, в Усть-Усе она будет сдана Баржестрою.

НА ПОРОГЕ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

Светлая ночь распростерлась над пристанью, над селом, над миром. С низовьев Печоры пришел двухэтажный пароход „Сталинец", полный света и стройности. Нам сообщили, что „Сталинец" утром двинется обратно к морю. Приходится отказаться от плана пробыть в Усть-Усе два-три дня, ибо срок прихода следующего парохода неизвестен.

Ждем посадки. Месяц беззвучно пробирается в небесной дымке, и на зеркале двух рек стелется широкая лунная дорога. Из окон и дверей большого парохода несется музыка радио. Передача из Москвы. Как далеко проникла культура революции! Потянуло туда — к ритму большого города.

Погрузка парохода идет в звуках музыки.

По трапу движется живой конвейер грузчиков. Тюки, бочки, ящики ныряют в ненасытный трюм. Работа идет поспешно, без перебоев, и, когда мы удивляемся такой слаженности команды, нам говорят, что эти грузчики из Нижнего-Новгорода.

Залитое луной село кажется еще большим. На горе исполком, почта и телеграф, школа, церковь, жилые дома. Ниже — районные учреждения, стройка консервного завода, кооперативные лавки, склады, ларьки, — лента большой улицы. По берегу бочки, сети, лес, канаты, доски, опрокинутые лодки...

Уже из купе мы слышим гудок — сочный, басовитый, будто немного заспанный. „Сталинец" быстро набирает полный ход. Какая скорость! Ею он превосходит перегруженный „Социализм" на столько же, на сколько „Социализм" — нашу лодку, которую мы только что видели в последний раз.

С нами в купе двое работников Наркомзема РСФСР. Они работали в составе экспедиции по изучению печорской лошади — нетребовательной и необычайно выносливой. Изучению подвергнуто в разных районах до тысячи аборигенных лошадей. Каждая всесторонне обследована, подробно измерена, и на каждую заполнена подробнейшая научная анкета. Эту работу теперь продолжат силами района по инструкциям Наркомзема.

Экспедиция исследовала возможности изучения местных лугов и пастбищ, анализировала местные естественные корма. Коллекция образцов здешнего сена и другие материалы, составившие крупный груз, сданы в багаж.

Прорабатывается план создания коневодческого совхоза. Заманчивым местом для него является огромный, богатый заливными лугами Лебяжий остров, который заодно удобен для охраны и дает высокую гарантию сохранения табуна от заразных эпизоотий. Потребовались бы небольшие расходы по расчистке островного леса. Подсчитывается за ряд лет высший уровень половодья на Печоре, чтобы предусмотреть опасность наводнения. Из местных лошадей (в Усть-Усинском районе их около 2500) можно подобрать для совхоза прекрасный племенной состав.

Для Печорского края местная порода лошадей действительно незаменима. Здесь до революции почти не знали колес, да и сейчас большинство коми перевозят грузы на санях. Весь период, пока река свободна ото льдов, лошади переплывают реку вслед за хозяйской лодкой, а там, где река широка, недвижно стоят в шаткой лодке, болтающейся на валах воды. Лошадь тянет грузы в санях, одновременно имея на спине невозмутимого седока.

Надо сказать, что отношение коми к лошади недопустимое. Сплошь и рядом лошадь ночует на задворках и в лесу не только летом, но и в самые лютые морозы. Лошадь ложится, ее заносит снегом до ушей, к шерсти намерзают ледяные комья — она выносит все.

Только теперь организации добились того, что лошадь получает право на правильный уход...

В полдень остановка у деревни Захар-Вань. Деревеньку окружают такие плоские, ровные берега, что кажется: подымись Печора на несколько метров — зальет весь край.

Леса вдалеке выглядят мелкими, разорванными. Но это впечатление обманчиво.

Полоса тайги еще не кончилась: десяток пассажиров, идущих к пароходу, одет по-лесному, и у некоторых за плечами вездесущие ружья — „ижевки".

К трапу успевает подъехать человек со свежей тушей медвежьего мяса. На выбор — три рубля килограмм. С другой стороны трапа подана лодка с бочками масла. Этот груз быстро принимают в трюм, на ходу выдают квитанции, и пароход отчаливает, не считаясь с тем, что торговля медвежьим мясом не успела развернуться.

Издали мы с любопытством рассматриваем здешние лодки. Они похожи на древние струги: низкие борта и на метр от воды поднятый нос. Надстройка не лишняя — печорские волны во время ветра часто перехлестывают и эту высоту.

Кое-кто из новых пассажиров одет в оленьи малицы, и снова нам чудится близость настоящей тундры. Но карта говорит о другом. Печора, почти достигнув близ Усть-Усы полярного круга, резко повернула на юго-запад, словно не решаясь войти в полосу вечной мерзлоты. До ее нового поворота на север надо проехать еще триста-четыреста километров...

В наше купе, „в гости" к наркомземовцам, входит товарищ Вокуев, заведующий Усинским райземотделом. Он едет в Нарьян-Мар, столицу Ненецкого (самоедского) округа на конференцию северных районов. Беседа о судьбах северного животноводства возобновляется и при участии тов. Вокуева затягивается еще на час.

Мы узнаем, что печальную участь северной лошади во многих случаях разделяет и единоличная корова. Зимою ее гоняют на водопой к проруби и поят ледяной водой. Без сильных кормов, на подножном лесном корму она дает все же молока до 12—15 (редко—18) центнеров общего удоя при жирности молока в три-четыре процента. От беспризорной коровы большего требовать и нельзя, условия, в которые она поставлена, тяжелы. Северный день короток. Темнеет рано, и часов в шесть вечера пора домой. Корова не успевает наесться, тем более, что хозяева утром рано не встанут. Корова часто ночует в лесу („не пришла",— констатируют хозяева), остается недоенной, и это в свою очередь отражается на удойности...

Для улучшения местной породы надо еще много поработать, а главное обеспечить минимум правильного содержания и ухода. Решен также вопрос о завозе быков-производителей из Холмогорского района.

Но главный путь для развития животноводства лежит через колхозы, уже сейчас охватывающие половину крестьянских трудовых хозяйств. При острейшем недостатке руководящих и организаторских кадров колхозы эти еще далеко не избавились от „детских болезней": излишнее обобществление, проявление перегибов, слабость массовой работы вокруг хозяйственно-политического укрепления колхоза; затрудняют работу косность кержацких (староверческих) элементов, пестрота экономических укладов, многоликость и разновескость промыслов, влияние кулачества. Не удивительно, что в Бабчинском сельсовете до сих пор нет ни одного колхоза, а по некоторым сельсоветам колхозное движение еще в зародыше, и на ряду с ним идет быстрый процесс дробления единоличных хозяйств (нежелание части дворов и семей вступать в колхозы).

Общий для здешних колхозов уклон — животноводческий. Внутри колхозов выделяются бригады рыбаков и охотников, которые работают на правах отходничества и в ряде случаев из своего заработка в колхоз не отчисляют даже законных 3 процентов.

В Новик-Боже (семь километров от Усть-Усы) существует артель мастеров-лодочников, в которую входят 14 единоличников и 12 колхозников.

В этом же поселке обосновалось теперь управление совхоза Оленеводтреста, развернуто строительство жилых домов, организована починочно-пошивочная мастерская (одежда, обувь, переработка утиля на совики, туфли, шапки и т. п.). Для нужд совхозовских рабочих устроена молочная ферма (20 коров), проводятся опыты по созданию крупного огорода.

Большой и еще не разрешенной проблемой стала правильная эксплоатация оленеводческих угодий. Налицо и тут большая „чересполосица". Мы удивляемся такой новости,— ведь просторы тундры кажутся такими огромными, что ни о какой тесноте или режиме использования как-будто нет надобности заботиться. Но дело, оказывается, обстоит иначе. 43 тысячам оленей Новик-Божского совхоза, 50 тысячам — Ненецкого, стадам оленеводческих колхозов „тесно" в Большеземельской тундре не потому, что ограничены ее кормовые ресурсы, а по причине бесплановых передвижения стад, которые не только „зачищают" ягель на своем пути, но и оставляют опасность массовой эпизоотии, когда в составе того или иного стада оказывается больное животное. Из этих болезней самая страшная в оленеводческом хозяйстве — „копытка", способная наносить опустошительные потери стаду в самый короткий срок. Велик падеж оленей и от истощения, когда стадо пасется на уже скормленных площадях.

Вот почему резко поставлен вопрос об установлении правильного оборота кочевий, при котором и совхозные, и колхозные, и единоличные стада не будут кочевать вразброд. Таким образом и тундровое хозяйство требует хорошего плана.

Олень — животное полудомашнее, полудикое. Ему не требуется скапливать запасов корма,— он сам достанет ягель из-под снега, разрыв рогами и копытами любой сугроб (лишь бы снег не обледенел). Оленю не требуются крыша и утепленные стены,— он всю жизнь живет под открытым небом.

И в то же время олень обеспечивает всю жизнь человека тундры, давая ему пищу, одежду, жилище, незаменимый в условиях заполярья транспорт.

Посевов по всему Усть-Усинскому району 450 *га*. Но эта полоса имеет крупные возможности для земледелия, особенно для разведения культур, необходимых животноводству: картофеля, турнепса, кормовой свеклы, силосных культур. Имеется прекрасный сорт местного скороспелого картофеля. Задача советов, партийных организаций и колхозов — завоевать этим культурам почетное место...

Наконец, усинцы рассказывают о своем консервном заводе Старый завод сгорел. На его месте воздвигается и оборудуется новый на 6 миллионов банок в год, но с расчетом доведения его выработки и до 15 — 20 миллионов банок.

„Сырье" завода — дичь. Точнее — куропатки и заяц. Не слишком ли широк проект завода, хватит ли „сырья", чтобы заполнить миллионы консервных банок? Ответ на это дает статистика охотничьих промыслов района. Несколько лет назад в печати появилась статья покойного проф. Дм. Соловьева о Печорском крае. Статья сообщала, что в Усинском районе куропаток заготовляют так много, что их складывают в копны, как сено, и местные коровы мясом куропаток иногда разнообразят свою жвачку.

Что здесь нет преувеличения — вполне вероятно. Шутка ли сказать: в Усть-Усинском районе заготовляют куропаток до 5000 пар на охотника в сезон. На охотника, а не на ружье, потому что куропаток здесь не стреляют, а ловят петлями.

Сотнями исчисляется и количество зайцев, добываемых охотником также без выстрела.

Наконец, интересен вопрос об использовании „отходов", в роде пера. До сих пор было так: вывозные тушки птиц не ощипывались; с той массы куропаток, которая перерабатывалась в районе, собиралась только часть лучшего пера, остальное шло в брос. Нетрудно подсчитать, как много ценного сырья шло до сих пор на ветер или в грязь... Новый завод несомненно покончит и с этой бесхозяйственностью...

Утро 18 сентября встретило пароход тяжелым, сырым туманом. „Сталинец", как и другие пароходы ниже Усы, курсирует круглые сутки, и мы довольны, что темпы нашего продвижения растут. Непогода все чаще напоминает о близости морозов.

Туман кроет Щелья-юр (по-русски: Голова Большой Горы) вперемежку с дождем. Только что рассвело, и перед нами сквозь туманную мглу стала видна громадина села, напоминающего город. Пароход вошел глубоко в залив затона, и здесь мы уже ясно видим длинные ряды складов, ладные дома

большого северного села, деловой перегруженный вид пристани и берега. В одной линии с нашим пароходом оказалась серия буксирных: „Делегат“, „Чердак“, „Свирьстрой“ и еще „Кулойстрой“, происхождение имени которого нам неизвестно (где-то еще растет немаленькая социалистическая стройка). Затон кишит „посудинами“: здесь и дымящиеся трубы пароходов, и баржи, и землечерпалка с могучим хоботом, и строящиеся баржи, и катер какой-то организации, и вереница лодок. Несмотря на мокрое утро, бьется пульс большой для этого края жизни. Народ будто и не замечает грязи, своих мокрых шапок и бород. Малицы, совики с меховыми капюшонами, поддевки, кафтаны, шинели, люди с чемоданами, портфелями, узлами... Возы с пассажирами, мясом и маслом. Толчея. Пассажиры, дождавшиеся парохода, нервничают, ожидая посадки, и выглядят забытыми: мимо их ног, гремя по дебаркадеру, катят бочки с рыбой и маслом, тащат саженные мешки оленьей шерсти, тюки шкур, ящики, части с.-х. машин, какие-то инструменты, багаж... Погрузочно-разгрузочный конвейер движется добрый час.

Вся плоскость берега — в грузах: бочки и ящики, кули, мешки с мукой под брезентом, ведра с краской, чугуны, железная посуда, лопаты, соломорезки, канаты, лесоматериалы... Складов явно нехватает.

В склад превращена и старая баржа, весною поставленная на берег. К ней приделали крышу, прорубили окошки и ворота.

Толпы у пристани почти не убывают. Но вот погрузка кончена. Новые пассажиры, овеянные дождем, спешат в нутро парохода, откуда слышно теплое дыхание машин и кают, и светят огоньки электрических ламп...

Мы отправляемся в село...

ПШЕНИЦА НА НОВОСЕЛЬИ

Огромное (до семисот дворов) село Усть-Цыльма было когда-то центром Печорского уезда. Теперь уездная вывеска валяется на дворе райисполкома. Мебель еще хранит старые марки. Но за старыми стенами вершатся теперь совершенно новые дела. Район в конце 1929 года включен в состав Коми-области. Уже в 1932 году один этот район имел бюджет в 470 тысяч рублей, хотя его основное население достигает едва 14 тысяч человек.

Революция избавила промысловое население не только от кулацкой и торгашеской кабалы, она обеспечила бесперебойное снабжение района продуктами и товарами; она открыла в районе 4 новых школы, свела к минимуму неграмотность; вооружила машинами, подняла промыслы, втянула в колхозы 55 процентов крестьянских хозяйств; она дала Цыльме электрический свет, поставила в районе шиферное производство, развернула разведки на уголь, построила и оборудовала новейшими машинами замшевый завод, дала возможность району поставлять половину всего товарного масла, производимого областью; она перекинула над овражными речками мосты, связала сельсоветы с районным центром телефонными проводами, открыла новые больницы, умножила лесные доходы района, проложила трассу авиолинии Архангельск — Цыльма (уже совершено два рейса)...*

На тысячу других дел и уголков района революция наложила свою неизгладимую печать, и нам, попавшим сюда впервые, трудно представить себе старую Цыльму как центр спекуляции и обирания прежде отсталой народности.

Нынешняя Цыльма, да и весь район во многом поровнялся уже с большими районами центральных областей.

Мы слушаем у пристани митинг новых призывников в Красную армию, еще не переодетых в шинели: грамотная, развитая, веселая молодежь! На пристани шумит работа.

По главной улице Усть-Цыльмы, мимо корпусов новой больницы, мимо кирпичного завода прошли мы с Чемко на

* С зимы 1933 года устанавливаются регулярные воздушные рейсы Архангельск—Усть-Цыльма, Усть-Цыльма—Воркута—Вайгач, Архангельск—Онега, Архангельск—Нарьян-Мар. Кроме пассажиров, воздушным путем будут перебрасываться почта и ценная пушнина.

окраину села и с горы окинули взглядом побережье. Видны стройка ПУРТа, стройка местной электростанции, складов пароходства, крыши новых домов. По горе желтеет поле в скирдах ячменя. Мы шагаем трактом на восток, в сторону „Оби". Тракт приводится в культурный вид. Протянулась линия телеграфных столбов, выпрямилась дорога, на оврагах новые мосты из отборного леса, кромки тракта окаймляются ровными канавами, срезаются кручи...

Шагаем через деревни Чукчи, Коровий Брод, Карпушино. Видим вывески колхозных правлений, косилки под навесами, общественные амбары. Поля отвоеваны у леса, они размещены небольшими квадратами между лесными островами на виду у Печоры. За околицами деревень на огромных долбленых рамах, врытых основанием в землю, сушатся снопы. Глядя на эти грузные рамы, вспоминаем, как богат край лесом, и как дорог местному жителю каждый сноп хлебов. Видим болтающиеся под навесом шкурки диких гусей, озираем древние старообрядческие кладбища.

По обочинам тракта — березняк и можжевельник. В прогалинах, на ковре тускнеющей травы рдеют ягоды брусники — последние плоды лета. Лес желтый-желтый — лишь ненадолго обрываемый зеленью ельника.

Справа показывается кустарный кирпичный завод под низкой крышей с двумя десятками тонких труб, сушильные печи, круг, по которому ровным шагом ходит запряжка лошадей, вращающих ось главного замесного чана. Завод стоит на мощных пластах глины, обнаженных выработками. Рядом — пески. Сырье — на месте, воду подвозят бочками из Печоры... Это завод Кустпромсоюза. Главные „цехи" в подземелье, освещенном лампами. Завод работает круглый год — зимой и летом. 6 тысяч кирпичей в сутки, полтора миллиона в год — вовсе не маленькая цифра для одного заводика дальнего северного района...

С моста над ручьем Закаменским (в дер. Карпушиной) виден длинный вал бревен, сложенный параллельно руслу. Это своеобразная заготовка: летом и зимой подваливают сюда лес для того, чтобы весной по бурным водам ручья сплавить в Печору.

Наконец — глубокий овраг, весь в красках осеннего леса. По противоположной стороне оврага тянется почти на сваях торная дорога.

За гребнем леса видно крышу и шпиль главного дома Печорской опытной сельскохозяйственной станции.

Улица в Усть-Цильме

Отсюда до полярного круга — „рукой подать". Каких-нибудь 100—200 километров на север, и начинается полоса, где на глубине одного аршина земля никогда не оттаивает.

Здешние километры „волк мерял". Гектар тут не имеет постоянной величины, и площадь его зависит от урожая. Так и считают: пять возов сена — гектар.

Весна сюда не спешит. Если что и можно посеять, так только не раньше июня... Кругом тайга, постройки тонут в елях, площади будущих распашек пронизаны, опутаны лесными корнями. Приполярное лето скупо на тепло. Почва холодная, загадочная, ее надо всячески пробовать, чтобы добыть лишний килограмм плодов...

Вот куда занесло опытную сельскохозяйственную станцию Печорского края. Что мы можем тут увидеть? Теплицы, парники, „лабораторные" огороды, диаграммы метеорологических сводок? Трудно надеяться на большее.

Как раз сегодня станция заканчивает уборку огородных культур. Директор выехал в отпуск. Делом заведует прошлогодний студент, комсомолец из Ленинграда. Короткий полевой год на заводе оказался тов. Сажинову достаточным, чтобы освоиться.

Легко перескакивая изгороди, тов. Сажинов ведет нас на овощи. С первого взгляда огород, площадью едва ли больше гектара, кажется запущенным, такая в нем смесь и пестрота. Но этот огород — хорошее „наглядное пособие" тому, кто хочет понять капризы глубокого севера. Вот смежные грядки, отделенные друг от друга одной бороздой. Но какая разница! Капуста: на одной грядке кочан как кочан, а рядом на соседней грядке — бледнозеленый сморчок. Бобы не созрели, зато горох лег на гряды, обремененный тугими стручками...

Применяя навоз, местный торф, мульчирование (покрывание наглухо) борозд, разрабатывая опытным путем свой агроминимум, опытная станция изучает все требования приполярных почв и климата.

В лучших комнатах конторы бережно хранятся образцы освоенных в этих условиях культур. Буйно вырос и созрел горох „мелкосеменной северный кормовой", семена которого доставлены из бывшего Шенкурского уезда. Удались, хотя вызрели частично, горохи ранние: „огородный ростовский", Фольгер, „Тулунский" (из Сибири), горох из Аляски. Нам рассказывают, что в поле соседнего, Карпушинского колхоза достигнут рост горохов до 160—170 сантиметров. Ячмень на поле опытной станции дает 12—16 центнеров с гектара.

Интересны результаты испытаний на продолжительность вызревания в условиях Печоры сортов овса „Золотой дождь" и „Херсонский ранний", высеянных 7 июня. На тяжелом суглинке с навозом первый созрел и снят 16 сентября, второй — уже 30 августа. Семена эти получены с агроучастка ВИРа (Всесоюзный Институт растениеводства) в Ленинграде.

Рожь „Вятка" собрана 9 сентября. Урожай 18—20 центнеров с гектара. За ряд лет репутация лучшего для северных районов сорта ржи подтвердилась и здесь.

Наконец, крайне ценны результаты посева яровизованной пшеницы, семена которой получены из Одесского института. Обычную пшеницу морозы застигли еще зеленой, а яровизованная к 8 сентября достигла восковой спелости...

Этот успех опыта с яровизованной пшеницей лишний раз доказывает исключительное значение того открытия, которое сделал украинский агроном-практик тов. Лысенко. На самом деле: прежде пшеницу мы не могли культивировать севернее теплых „украинских" по климату областей. Агроном Лысенко практическим умом дошел до истины, что период произрастания и вызревания пшеницы будет достаточен и в условиях северных районов, если ее семена заблаговременно, еще в амбарах пустить в рост и здесь же, под крышей подготовить к плодоношению. Надо лишь соблюсти нормы тепла, влажности, света. Для пшеницы простой рецепт: влажность в начале яровизации (досрочного прорастания семян) 55 градусов, в конце—50.

Нужно поддерживать достаточную температуру. Срок яровизации 40 дней. Вот и все. Одесская солнечная пшеница освоена у самого полярного круга!

В советских условиях наука растениеводства шагает, таким образом, через широты.

Когда у проф. Вавилова спросили мнение об открытии тов. Лысенкова, тов. Вавилов ответил:

„Неимоверные успехи. Вы знаете, Лысенко нащупал рычаг, который дает возможность повернуть растительный мир, куда захотим. Больше не будем ждать 50-летнего юбилея дуба, чтобы получить его жолуди. Мы предложим дать их в несколько лет. Яблоня зацветет, когда прикажем" (из воспоминаний тов. Брагина).

Почему же нельзя печорцам питаться пшеничными булками своего собственного производства? Оказывается, можно (Наркомзем СССР поэтому дал директиву о засеве яровизованной пшеницей на 1933 год в разных областях 200 тыс. гектаров).

И это не единственный пример. Осенняя выставка (1932 г.) в Архангельске наглядно показала достижения Северного края в освоении новых культур. К условиям севера приспособлен гибрид ржи и пшеницы, выведенный проф. Майстером. Ячмень „Выдвиженец", новый сорт, на крайнем Севере дает с гектара 25 центнеров зерна и 30 центнеров соломы. Колхоз „Красный Октябрь" вывел сорт капусты, вес кочана которой достигает десяти с половиной килограммов. Тыква весом в 100 фунтов. Брюквы—250 центнеров с гектара. Архангельские арбузы!.. Революция на северных полях начинается.*

Печорская опытная станция, прислушиваясь к наказам партии, проводит опыт содержания кроликов на воле, под северным небом. Весной станция имела 10 маток, сейчас стадо „шиншилей" выросло до 80 штук, падежа почти не было. Несколько кроликов погибло от ястребов. На наших глазах кролики держали себя на участке станции, под ветками елей, „как дома".

В долгие вечера работники станции думают часто над тем, как бы осуществить иные проекты: нельзя ли пустить в силос не только древесные ветки (с которыми заложена в нашем присутствии последняя яма), но также мох-ягель? Как улучшить усвояемость молочным скотом ягеля, богатого клетчаткой?.. Как на кроличий участок станции перенести целиком опыт с Вычегды, где (в Ульяновке) кролики выдержали на открытом воздухе две суровых зимовки?..

В работе Печорской опытной станции немало и недостатков. Но ее успехи не менее значительны. И все-таки выглядит она полузабытой. Усть-цылемское районное руководство сюда не заглядывает и опыта станции не пропагандирует. Гослаборснаб, Сельхозснабжение и трест „Минудобрение" скверно выполняют ее заказы на семена и удобрения. Представителей Наркомзема здесь еще не видели, хотя станция превращена в зональную и должна расчистить путь для создания собственной продовольственной базы на Севере. Опытная станция предлагает создать в Печорском крае ее опорные пункты в Усть-Ухте и на Ижме (по овощеводству),

* На IV сессии ВЦИК XV созыва (декабрь 1933 г.) председатель Северного крайисполкома тов. Прядченко докладывал: «Север является краем самых высших урожаев во всем Союзе Это объясняется обилием влаги и длинными днями в летний период, когда растения аккумулируют солнечную энергию почти в удвоенном размере. Для Северного края такой урожай, как 70—80 пудов с гектара, является обычным урожаем, а при хорошей обработке можно получить 100 пудов и более с гектара».

в Усть-Усе (по животноводству и кормодобыванию). Этот проект остается в Наркомземе РСФСР без ответа.

Наконец, режет работу станции почтово-телеграфная связь. Апрельские посевные директивы получены в августе; семена разных стран, посланные ВИРом из Ленинграда в апреле, доставлены 16 сентября; из райземотдела на станцию (8 километров) почту зачастую двигают 9 суток, а оказиям, даже колхозным, „аккуратная" почта не доверяет; перевод 500 рублей, посланных из Емецка, превратили в 50 рублей (спутали), а обратно доставляли 3 месяца...

Мы задерживаемся на станции до темноты. Мягкий свет большой лампы, блеск посуды, белой клеенки, белого самовара, грибки, редиска в сметане, порция белого хлеба, горячий чай с молоком... В теплых комнатах царит тишина, какой не почувствуешь в селе. Этажерка с книгами, разрозненные комплекты журналов, с.-х. библиотека... Много ли надо человеку, одичавшему в тайге, чтобы не устоять от приглашения заночевать.

И мы остаемся. Впервые за полтора месяца спим в кровати, под чистым бельем, а уходим отсюда, едва загорается заря. Одевшись, на цыпочках пробираемся через кухню, где мамаша семьи уже готовит утренний самовар.

Мы даем ей полномочия благодарить всех и неловко раскланиваемся.

Обратный путь в Усть-Цыльму держим по самому берегу Печоры. Здесь дорога ровная — по плотным пескам и гальке. Видим стаи уток, слышим беспокойный шум Печоры, любуемся лесными красками и живописными избушками, прилепившимися к самому обрыву...

Шагаем молча. Мы думаем о разгаданной тайне той молодой науки, которая называется физиологией развития растений. Эта наука ставит своей задачей заполучить в руки человека власть регулировать длину того периода жизни растений, который называется вегетационным.

Убежденный успехами своих опытов, агроном Лысенко доказал, что мы можем любое растение заставить расти и давать плоды в тех районах, где это растение обычно чахнет.

ВИР, как известно, собрал коллекцию семян пшениц всего мира. Весной 1932 года эта коллекция была яровизована и высеяна в шести пунктах в разных местах Союза. В результате первого же опыта почти во всех районах удалось добиться полного вызревания пшениц мировой коллекции. В Хибинах, на крайнем севере, за полярным кругом уже были

обычным путем испробованы и не удались 179 яровых ячменей мировой коллекции, но после яровизации из 59 сортов той же коллекции, не вызревавших ни в одном пункте европейской части СССР, вызрело 14 сортов!

Если учесть, что яровизация увеличивает урожай зерновых, в среднем, на один центнер с каждого гектара, становится понятным, какой плюс будет иметь хлебный баланс нашей страны, засевающей свыше 120 миллионов гектаров! Яровизация, ускоряющая фазы развития растений, открывает культурным растениям ворота в те районы, которые, казалось, были замкнуты самой природой.

Успехи яровизованной пшеницы под Усть-Цыльмой, близ полярного круга, в тайге заставляют сказать:

— С новосельем тебя, золотая пшеница!

РОДИНА ЗАМШИ В тот же день мы с Чемко идем на переправу. На той стороне реки, в семи километрах от Печоры построен замшевый завод. Лодка ходит редко, через час — полтора, набирая по 10—15 пассажиров. Перевозчик работает с помощником-подростком. Подросток управляет рулем, а в „антрактах" отчерпывает воду из лодки, которая вся в щелях и безобразно протекает. По Печоре буйствуют аршинные волны, тяжелые брызги бьют в лицо, по кромке берега извивается пенистая гряда. Ширина реки в этом месте не меньше километра. Пока мы переправляемся, пассажиры обсуждают слухи и новости: успеют ли завести сюда годовые запасы, какие суда по реке простаивают без дела, не побегут ли отсюда рабочие, верно ли, что ожидается очень суровая зима и т. д.

По пескам, по зыбкой дороге долго бредем низиной, на которой блестят „окна" воды, потом — луговым ивняком вдоль речки Цыльмы. У большого стога, за изгородью „на огнище" чаевничают колхозники. Это вторая бригада Усть-Цылемского колхоза имени тов. Ботмана. Она только что закончила сбор сена, затянувшийся из-за непогоды. Они хвалятся перевыполнением плана на 50 процентов. Бригадир — Ананий Михайлович Чупров, не один раз премированный. Но вот за излучиной реки Цыльмы маячат над лесом водонапорная башня и труба замшевого завода. Сосняк, покрывший холмы, расступается, извилистая дорога ведет к воротам. За ними уже высятся строй цехов и рабочий городок — строй двухэтажных широкооконных домов, еще пахнущих масляной краской. Войдя в контору завода, мы забываем, что находимся у полярного круга — „все, как под Москвой": и обстановка учреждения, и шаги посетителей, и вывески на дверях, и клацанье счетов.

Еще более привычными показались цехи: обилие света, простор, блики на гранях новых машин, запах кож, гуд моторов. Завод не поражает масштабами — здания невысокие, рабочих какая-нибудь сотня, не слышно ни лязга, ни грохота, но здесь, в этих скромных корпусах пущены в обработку десятки тысяч оленьих шкур. Мы следуем за директором из одного цеха в другой, и на наших глазах происходит процесс превращения сырой шкуры в нежную ткань замши. Огромные железо-бетонные чаны отмочного и зольного отделений.

Отделение, где шкуры очищаются от шерсти. Механическая — здесь мнут кожи в мощных барабанах, „пережевывающих“ кожи при помощи шлифованных стальных валов. Очистка от мездры первичная. Сушка. Очистка окончательная. Выглаживание, прокатывание, выбраковка. Процесс механической и ручной обработки. Но это не значит, что завод полукустарный. В цехах Цылемского завода поставлены или ставятся все виды машин, которые до сих пор успела сконструировать замшевая промышленность мира.

Печорский край — родина русской замши. В деревнях, затерянных в ижемских лесах, издавна существовали кустарные примитивнейшие заводики — „на дому“. Начало кустарной выработки замши положено здесь 80 — 90 лет назад. Старая статистика сообщает, что в период 1903 — 1914 гг. на Печоре существовало 40 — 60 таких предприятий с общим числом рабочих от 180 до 254. Таким образом, отдельные предприятия располагали рабочей силой только по 4 — 5 человек. Вся выработка заводов, их оборот оценивались в пределах 110 — 496 тысяч рублей. Эти данные преуменьшены, ибо кулаки-владельцы скрывали истинные размеры доходности от обложений. Накануне войны из Печорского края вывезено 110 тысяч штук замши и 670 тонн шерсти на общую сумму свыше миллиона рублей.

Центром этой промышленности, охватывавшим девять десятых ее объема, был Ижемский район и особенно нынешний Красноборский сельсовет. В Усть-Цыльме работало только одно предприятие с 20 рабочими.

Техника кустарного производства замши была крайне примитивна. Важнейшие процессы обработки велись на-глаз и на ощупь. Работали в удушливой атмосфере изб с подслеповатыми окошками и в помещениях, скорее похожих на сарай. От зари до зари, а то и в ночь — таков был „рабочий день“. Зарплата определялась милостью хозяина. Об охране труда в глуши таежных сел не было и помина. В технике производства господствовали дедовские приемы и дедовское веревочно-деревянное оборудование. Только нечеловеческая выносливость рабочих, покорность и рабская привязанность к своему ремеслу позволяли в этих условиях одолевать проклятое дело ручной обработки кож. Трудно сказать, чего больше было в мягкой замше — жиров или рабочего пота. Длительный процесс обработки замши проходил через те же стадии, что теперь, но условия и мера труда были дикими. Процессы эти следующие:

1. Мочка. Шкуры по сто — сто двадцать штук погружают в чаны с водой и держат в таком виде несколько дней. Затем промокшие шкуры складывают попарно шерстью внутрь в теплом помещении.

2. Бритье. Через сутки шерсть с размокших шкур соскабливают острыми ножами.

3. Золка и известкование производятся в таких же чанах в течение 5—7 дней.

4. Скобление. Произвесткованные шкуры при помощи тупых коротких ножей очищают от соединительных тканей и подшерстного, так называемого рогового слоя.

5. Вторичное известкование и вторичное скобление. Этот процесс называют „биржей".

6. Мялка. Очищенные шкуры выжимаются и закладываются в мялку. Что собой представляла старая мялка-станок? Это неподвижно укрепленный столб с продольным прорезом. В прорез туго закладываются сырые кожи. Вокруг столба, как на оси, вращаются два диска с вертикально укрепленными жердями. Кожи смазывают ворванью, и запряжка лошадей крутит этот допотопный барабан, перетирающий и прокатывающий кожи зубами-жердями. Когда кожи размякнут, их вносят в теплое помещение и снова мнут. Смазка и мятье длятся двенадцать дней! Таковы старые темпы, такова длительность одной только стадии обработки. Теперь это дело выполняют стальные барабаны машин.

7. Цвечение. Промятые, пропитанные ворванью кожи пачками по 10 штук свертывают и кладут в температуру до 30—35°Ц, отчего ворвань окисляется, и кожа, приобретшая желтый цвет, уже зовется замшей. Но этим обработка не заканчивается.

8. Подсад. Замшу очищают, сглаживают скребками и еще раз смачивают в слабом известковом растворе.

9. Сушка. В теплом помещении замшу вытягивают, моют, сортируют, очищают от лишних жиров, подвергают химической окраске...

Эти же стадии проходит оленья шкура и теперь, но если завод вооружен теперь прекрасными новейшими машинами, электроэнергией (должно быть 46 электромоторов), механической подачей грузов и воды, полон света, простора, механически вентилируется, и бетонно-кафельные полы оберегаются от всякой грязи,— то совершенно иную картину можно было наблюдать в старых мастерских-избушках: вонь, грязь, слепой свет, мизерная производительность труда...

В строительство завода уже вложено свыше 200 тысяч рублей. По заводу еще много недоделок, но работы уже развернуты почти во всех отделениях. Сотню тысяч кож обрабатывали прежде на сотнях рассеянных по тайге деревенских мастерских. Теперь полтораста тысяч замш выпустит один усть-цылемский завод, воздвигнутый советской властью. Сюда, в эти цехи, пришли рабогать те же мастера-ижемцы с сыновьями. Их рубашки теперь не замызганы, глаза не горят краснотой грязи и переутомления, волосы приглажены так, как приглаживались они прежде перед уходом в церковь.

Вот старый мастер сортирует обработанную замшу (сейчас ее выпускают до 150—200 штук в день). Она делится на два основных сорта: из оленьих шкур и из нежных шкур оленят — тонкая эластичная кожа. Первая — крупные кожи. Вторая — вывозится за границу как валютная ценность. Из брака выделываются шоферские перчатки, футляры, заказы военного ведомства, разные поделки.

Замша сортируется еще по весу (от 2,4 до 5,6 килограмма в десятке кож) и по числу так называемых свищей, т.-е. дырок в коже, образовавшихся от поражений оленей оводами. Дело в том, что кожный овод приклеивает свои яички к шерсти оленя. Личинки, которые из этих яичек выводятся, пробуравливают кожу и поселяются под ее покровом. Это вызывает воспалительный процесс, нагноения, пораженная точка кожи долго не зарастает. На некоторых кожах находят следы буквально сотен и тысяч свищей. Количество оводов уменьшается лишь в холодное и дождливое лето. Совершенно чистых шкур оказывается немного, остальные делятся по сортам, соответственно количеству свищей на шкуре. Покамест имеется одно средство борьбы с возрастанием вреда от оводов — использование тех районов тундры, где в прошлом году олени, пораженные личинками овода, не паслись, и где, значит, заразы почти нет. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает, насколько важно плановое использование тундровых пространств...

Тихо в заводе, построенном на широком песчаном холме. Холм, увенчанный новыми зданиями, обступили молодые сосны. „Улица" чистая, сухая. Воздух пахнет хвоей, смолой, и этот запах течет в форточки цехов, несется внутрь из вентиляторов. Директор завода провожает нас из одного здания в другое. Отмочное отделение, дубильное, зольное, водонапорная башня, силовая станция, механическая мастерская, склады химикатов, сырья, извести, огнеопасных материалов...

ВОРОТА К МОРЮ

Весь день открыты двери водного, лесного, сельского кооперативов, ларьков, районной столовой больницы, клуба, учреждений. По широкой улице скрипят возы; здесь в ходу колеса. Каблуки прохожих стучат о досчатые тротуары. Базарчик шумит в крытых ларьках. В нардоме собирается совещание председателей колхозов и сельсоветов. Навстречу нам проходит пестрая вереница ребятишек детского сада. Сегодня праздник. Парни, навеселе, терзают лады гармошки. На пристани сортируют грузы. Высоко над селом летят утки.

Помимо замшевого производства, в Пижемском сельсовете открыта и налажена разработка огромных залежей шифера. Кооперация организовала выработку бритвенных брусков, крестьянских брусков, распределительных щитов, заменяющих мраморные, и т. п. В 1932 году выработка дойдет до 450 тысяч рублей.

Развитие коллективизации в районе имеет свои особенности. Вне колхозов остается наиболее косная часть крестьянства — кержаки и др., вне колхозов остаются и те крестьяне, которые постоянно отходничают. Налицо тяга в Ненецкий округ, за полярный круг,— там выше оплачивается труд, выше нормы снабжения и лучше доставка товаров.

Острый недостаток кадров в районе замедляет укрепление колхозов. Однако во многих колхозах, особенно молодых, существующих года два, резко улучшается дело животноводства (цылемский колхоз, леждукский и др.). Они сохранили стада молодняка. В Леждуке, за полярным кругом, построен в колхозе прекрасный на 150 голов скотный двор, правильно распланированный, утепленный, оборудованный кормушками и собственным водоснабжением.

В условиях коллективизации повышают свою доходность местные промыслы. Охотники выходят белковать, имея за пазухой контрактационный договор на продажу добычи по определенным ценам и зная, что их трудовой год обеспечен государственным и кооперативным снабжением.

Районные организации ознакомили рыбаков с японскими неводами, вводят в действие так называемые „мышеловки". Японскими неводами не требуется бороздить воду, таская их вдоль реки. Действуют они, как самоловы. Установленные

у морских берегов, такие невода после отлива оказываются на суше, и люди собирают рыбу, „как малину".

Новые орудия лова прививаются все же очень медленно. И это неудивительно: далекий северный район еще сохранил следы древнего уклада и древнего быта. Здешние кержаки до сих пор, например, агитируют против картофеля:

— Нельзя его садить. Картошка — чортово яблоко...

Сами староверы картошкой, однако, не брезгуют. Та же агитация ведется против овощей, грибов и ягод. Природные грибные и ягодные богатства остаются в районе почти нетронутыми.

„Домовых" называют здесь странным именем „шишко". Сохранился обычай: в крещенский сочельник гоняют вокруг церкви лошадей с вечера до утра, одну загонят — берут другую; так „отгоняют" „шишко". Другой способ выживания „домовых" — забивают в бревна стен древесные наросты. Это — чтобы „шишко" не заходил в дом (свои, мол, шишки есть!).

Сохранились старинные свадебные мотивы песен („опевание"), встречаются костюмы семнадцатого века, в ходу еще и праздничные кокошники.

Лет 20—25 назад, в конце июня — в начале июля, обычно устраивались тут сплошные праздники по случаю приезда чердынских купцов с товарами, и теперь в эту пору цылемцы организуют массовые гулянья, варят брагу и т. п. Побороть древние обычаи нелегко: и людей культурных недостает, и связывает отброшенность от центра страны. Особенно бьет слабость почтово-телеграфной связи. В апреле из Ленинграда в Усть-Цылемскую опытную станцию высланы были семена, полученные из разных стран Европы и Америки, — сюда же семена эти прибыли только в сентябре.

Райком ВКП(б) получает, скажем, 21 сентября телеграмму из краевого центра; „Сегодня же телеграфьте такие-то сведения", телеграмма же отправлена из Архангельска 1 сентября. В привычку вошли анекдотические искажения телеграмм.

В третьем часу дня 22 сентября отчаливаем от пристани на пароходе „Советская Республика". С середины реки открывается бесконечная панорама села, слившегося с группой соседних поселков под общим названием „Высокая гора". Долго видны двухэтажные дома Цыльмы, пристань, окруженная грудами грузов, крылья ветряной мельницы, колокольня и мачты радио.

За селом в поле виднеются веер единоличных полосок и огромные сушильные рамы со снопами.

Опять перед глазами леса и небо в широких, пухлых облаках. Лодки на бечеве, далекие сани-возы, длинные ряды рыбацких „фитилей“ на кольях, ломаный полет чайки, зыбкие цепочки утиных стай, редкие поселки. Размашистая река тиха и зеркальна, пароход идет с хорошей быстротой, перекликается со встречным пароходом „Сталинец“, тянет за собой перекатывающиеся валы воды. Берега здесь высокие и все еще лесистые, хотя где-то мы уже пересекаем условную линию полярного круга. Но уже близка настоящая граница лесной полосы. Всю ночь на какой-то остановке близ леса команда в последний раз берет запас дров, которых должно хватить до моря и на обратный путь. Дровами сейчас заняты все уголки на пароходе. Остались узкие коридорчики между поленниц. Доверху полный дров пароход вступает утром в полосу тундры. Самой тундры еще не видно: полоса вечной мерзлоты отдалена от берегов Печоры, и лес окаймляет реку далеко за полярным кругом.

Утро поднялось туманное, смешав краски земли и неба и стерев горизонты. Из тяжелых туч заморосило, потекло. Команда бродит на палубе, прикрыв головы капюшонами. Дождь прекращается лишь к полудню, когда мы причалили к Ермицкой. Здесь расположено первое отделение местного животноводческого совхоза. Это для него доставлены сюда и сгружены на берег стандартные части построек, соломорезки, колеса, ящики, оконные рамы и т. д. Тов. Егоров забирает свой рюкзак, проверяет фотоаппарат и покидает нас до следующего парохода. Тов. Егоров уходит знакомиться с совхозом.

Пассажиры, пока светло, любуются с палубы берегом, укутанным в огнисто-желтый лес, как в лисью шубу. Местами зияют красивые обрывы и овраги, полные хвойной зелени и осенних красок, — лес будто вышел на прощальный парад.

Но вот берега снизились, река стала еще шире, приближаются острова, за которыми не видно берега, хотя эти острова плоские и часто голые, песчаные.

Предвечернее небо низкое, сырое — серое. Стекло пароходного окна в крупных каплях влаги. Опять моросит дождь. Белогривые валы воды тянутся от парохода к берегам и там разбиваются на едва видимой линии. Пароход спешит к морю, сокращая время стоянок. Близок конец навигации, круче становятся холода, гуще стаи отлетающих птиц.

На палубе у самой кормы бродит пленный медвежонок. На короткой цепи он шастает по связкам канатов, в тысячный раз обходя бочку. Маленькие глаза хищника нето скучны, нето по-звериному озабочены. Не понимая, куда и зачем его везут,

ABONEMENT ... Bibliote...

медвежонок глядит на ближний берег, на лесные острова. Сказывают, что везут его в зоопарк, в Москву. Что ж, будем знакомы. Если ты, Миша, выдержишь скуку, морскую качку и режим вагона, увидимся в Москве. А пока — будь здоров: тебе на непогоду наплевать, а моя шинель отяжелела под дождем.

Берег Великовисочной озираем из окна. Села не видно, но берег шумит народом — вышли встретить пароход и кое-кого проводить. В толпе я вижу старика с такой патриархальной бородой, что он кажется современником путешественника С. Максимова.

„Как теперь вижу,— писал Максимов в книге „На востоке“ (1871 г.),— огромную толпу печорцев, рассевшихся у крыльца моей отводной квартиры в дер. Великовисочной. На все мои просьбы никто не входил в избу, и когда уже я, убежденный в безуспешности дела, садился в сани, чтобы ехать в Пустозерск, все они мгновенно скинули шапки. Когда же сани мои тронулись с места, из толпы вслед за мной полетело наивное замечание какого-то старика:

— Семьдесять годов живу на свете, а начальника с бородой не видывал“...

Сейчас, в 1932 году никто из печорцев шапки без нужды не скинет. Привычным глазом встречают и провожают они суда, получают и сдают грузы, едут в командировки, деловито принимают приезжих, и приезжие быстро сливаются с толпой как свои люди. После максимовских времен многое изменилось. В Великовисочном растет теперь крупный оленеводческий колхоз, крепнут рыбацкие артели. Соревнуется с ним и Пустозерск, известный в истории тем, что сюда был сослан и здесь кончил свой век „вероломный“ протопоп Аввакум.

Великовисочное является воротами к морю, в раздольную дельту Печоры. Река дальше делится на рукава, обнимает десятки километров низменности, рождает большие и малые острова. Берега совсем плоские и в сумерках кажутся несуществующими. Вот-вот разольется Печора...

Остановки редкие, ход „Советской Республики“ ровный, напористый, трепет колес ритмичен и крепок. Часы проходят бессонные, в раздумьи о том, что осталось позади. Скоро море, конец земли, царство ветра и океанских валов...

Наконец в полночь „Советская Республика“ причаливает к пристани Морской. Вышло это необычно. Пароход остановился, но движения пассажиров я долго не слышу. Чемко и Гатилов спят, за стенками купе и в коридорах отдаются

редкие ночные шаги.— Что за остановка?— хочу спросить я, открыв окно, и остаюсь недвижным, с немигающими глазами. Белые, желтые, зеленые огни морского парохода тянут в нашу сторону снопы ослепительного света.

— Пристань Морская!..

Растолкав друзей, я спешу на палубу. Морской красавец-пароход воздел кверху стройные трубы и мачты, блещет иллюминаторами, лесенками, броней бортов, кольцами спасательных кругов, еле видными реями... По берегу и вдоль строек — цепи фонарей, больших и малых, окна дебаркадера, грузные силуэты барж. Все кругом озарено светом большого корабля. Я не сразу вижу небо — сырое, низкое, непричесанное. Ветер дует с разных сторон, и между судов бестолково и ненасытно мечутся горбы тяжелых волн. Это еще не море, но морской пароход уже явился его большим гостем, стройным и гордым перед нашим рабочим речным судном.

Но что это? Белые вспышки широкого света, приглушенного тучами, охватывают полнеба и снова гаснут. Вспышка — тьма, вспышка — тьма... Мигает большое северное небо. Скрытое мраком туч, сказочным веером света мигает северное сияние...

Мы стояли недолго. Без лязгов и гудков „Советская Республика" высадила часть пассажиров в одном месте, ушла для разгрузки в другое. Скрылись за мыс большие огни.

Через час причаливаем на новое место. Трап переброшен на баржу, на другую, на третью и с третьей на дебаркадер. На баржах теснота: они завалены бочками, ящиками, рельсами, мешками... Пристань полна ожидающих пассажиров, она похожа на обычный вокзал. В конторе при свете керосиновых ламп проверяют квитанции и накладные, грузчики получают наряды, а за барьером канцелярии посапывают спящие пассажиры и домовито тикают часы-ходики.

ОЛЕНИ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Четыре имени знает поселок этого берега: пристань Морская, Куя, Белощелье и теперь Нарьян-Мар (Красный город). Новое название не простая перемена. Вместо крохотного поселка-пристани за два года вырос тут советский заполярный город, центр Ненецкого округа. Сейчас Нарьян-Мар — город стука. Куда ни глянь, всюду новые, еще не посеревшие, и строящиеся дома, и всюду слышен хлопотливый стук топоров. На месте какой-нибудь сотни людей в новых двухэтажных домах размещены теперь пять тысяч жителей.*

Говоря строго, это еще не город. У домов еще валяются щепки, стружки, опилки. Свалки стройлеса, досок. Движение по улицам еще напоминает медлительность печорской дельты. Ни единого камня под ногами. Но в серое небо уже вонзились копья радиомачт, на телеграфных столбах повисли провода, улицы распланированы в шахматном порядке, вдоль улиц, подготовлены фонари. Вечером — в одном из домов стучит электростанция, в маленькой типографии печатается газета „Нарьян-Вындер“ („Красный тундровик“). Подняты вывески. У берега все чаще дым и гудки речных и морских пароходов. Все это — первые черты настоящего города.

Улицы еще безымянные, нет ни мостовых, ни тротуаров, ни водопровода, ни витрин, ни театра... Но за ними дело не станет. Нарьян-Мар только начинает свою жизнь.

Осенние облака, холодные, сырые, медленно тянутся над далекими горизонтами, над самым городом. Сквозь облака трепливо продирается к западу солнце. Вдали зеркальным блеском светят озерки. Тундра начинается за крайним домом нового города. Отсюда — от Печоры до Урала, от океана до тайги — на запад, на север и юг стелется она неоглядным материком, пространства которого исчисляются в 200 000 квадратных километров! Это Большеземельская тундра, край ненцев — народа, которому царский строй дал презрительное имя самоедов. Это край многотысячных оленьих стад...

Олень стоит в основе хозяйства тундры, он дает ей жизнь; олень для тундры — все. Ненецкий национальный округ один из тех районов нашего крайнего севера, где туземное население

* К концу 1933 г. здесь насчитывалось уже 7000 жителей

Тип новых домов в Нарьян-Маре

почти все поголовно занимается оленеводством. И в оседлых, и в кочевых хозяйствах ненцев олень является главным объектом забот, главным богатством. Без оленя нескончаемые пространства тундры оставались бы на пустынном положении, в роли мертвого капитала, ибо пищу, одежду, обувь, средства связи в тундре дает он — ветвисторогий олень, нетребовательный к уходу, выносливый, полудомашний „зверь". Ценность этого „зверя" северянин понял тысячу лет назад, и с тех пор олень завоевал прочное место в хозяйстве стран, лежащих у вод Северного Полярного моря. Теперь в Норвегии, Швеции и Финляндии оленеводческие хозяйства имеют около 600 тысяч оленей, европейский и азиатский север СССР — до 2660 тысяч. Наша страна могла бы иметь оленье поголовье втрое больше, если бы не техническая отсталость нашего оленеводства. Об этом красноречиво говорит опыт американской Аляски. До 1891 года домашних оленей там не знали. В указанный год из России завезли туда первый десяток оленей. К 1902 году число их дошло до 1280. А теперь в Аляске их полмиллиона.

Ягельные угодья советского севера позволяют увеличить наше оленье стадо до 20 миллионов голов.

Страна, строящая социализм, не проходит мимо этой проблемы. Советская власть и коммунистическая партия помогают туземному населению от неустойчивого мелкого хозяйства перевести оленеводство на социалистический путь. В известном постановлении Центрального комитета ВКП(б) „о развитии социалистического животноводства" была поставлена задача — довести поголовье оленьих стад к январю 1932 года в оленеводческих совхозах до 200 тысяч голов. Был создан специальный совхозный трест „Оленевод". В 1932 году численность совхозных стад превысила 200 тысяч голов.

Управление одного из этих совхозов находится здесь, в Нарьян-Маре, и ознакомлению с ним мы уделяем первое внимание. Знакомимся, и тундра вырисовывается перед нами не мертвым пятном московской карты, а живым куском народного хозяйства.

И Большеземельская, и Малоземельская тундры — мы видим по карте — во всех направлениях исхожены ветеринарными экспедициями, снаряжавшимся почти ежегодно, начиная с 1888 г. Прежде изучение велось „вообще": писались доклады, печатались ученые труды, и много раз упоминались беспомощность, некультурность, обреченность „самоеда". Проходили десятилетия, а сам обитатель тундры не видел в итоге этих „попечений" о нем ничего, кроме нового обирания, спаивания и урядницко-

чиновничьего самоуправства. В представлениях „инородца", „самоеда" великодержавный правитель так и рисовался в виде божка, которого надо бы чаще бить, но которому приходится поклоняться. Так по данным исследователей (А. В. Журавский) в тундровых чумах среди самодельных „богов", предметов культа видели, например, „болвана" (идол), одетого в заседательский мундир и при шпаге. Урядничий, судейский, чиновничий мундир заслонял собой всю судьбу огромного края, в котором бедняки-кочевники пребывали в полном распоряжении кулаков, спекулянтов и сборщиков налогов.

Другая совхозовская карта Большеземельской тундры, кроме маршрутов экспедиций, отмечает ныне и то, что прямым образом подчинено развитию советского оленеводства: линии оленьих „дорог", пути кочевий, места летовок и зимовок оленьих стад — коми, ненецких, русских и остяцких, места отела и убоя. На третьей карте указаны подсобные промыслы на речках тундры — семужьи, омулевые, районы рыболовства, звероловства. Наконец, отмечены небывалые раньше в тундре объекты — культбазы, школы, точки работы кооператива „Кочевник"... Четвертая карта — кормовые районы, характеризуемые по бонитетам семи различных видов. Пятая карта—пастбищные угодья...

Кабинет директора совхоза, увешанный этими картами,— своеобразный штаб оперативной работы, действующий с учетом всех данных тундры и продолжающий ее изучать. Не изученного, не освоенного, не подчиненного плановому использованию еще много. Ведь совхоз, располагающий десятками тысяч оленей, работает лишь третий год, овладевая делом новым, доселе находившимся в полной власти судьбы и стихии. История оленеводства знает годы, когда сибирка или копытка опустошали тысячные стада, превращая в нищих даже самых богатых кулаков. Зато эта история не принесла никакого опыта планового хозяйства в таких маштабах и не подарила опыта ни государственной, ни коллективной формы оленеводства... Поэтому мы с интересом вникаем в историю совхоза и в методы его работы.

Летом 1929 года, в момент организации, совхоз имел только 500 ездовых оленей, закупленных Севкрайгосторгом главным образом для транспорта. Дальнейший рост поголовья шел за счет покупки оленей, оставшихся после раскулачивания. Деньги получал рик, потому что кулаки отказывались внести недоимки по налогу. Уполномоченные по закупке тут же вербовали пастухов из бывших батраков и бедноты. В это время тундра видела первый разворот ожесточенной классовой борьбы.

Прежде положение батраков в тундре было просто безвыходным. Обследование, произведенное в связи с приполярной переписью в 1926/27 году под руководством А. И. Бабушкина, выяснило, что условия найма ничем не нормировались. Кулак увольнял батрака, как и когда ему, хозяину, заблагорассудится; уволенный батрак оказывался в жутком положении: в глухой, неоглядной тундре его бросали без средств питания и передвижения. Хорошо, если такому батраку удавалось найти невдали стадо другого хозяина,— тогда он мог наняться пасти хоть за прокорм и за доставку к „месту жительства". Перепись зарегистрировала свежий случай, когда богатей-оленевод прогнал батрака с женой и дочерью из чума и сам откочевал дальше. В весеннюю распутицу батрацкая семья пешком едва живой добралась до населенного пункта и лишь случайно не стала жертвой волчьих стай. До революции,— пишут обследователи,— был случай оставления зимой в тундре подростка-батрачки, погребенной тундровыми вьюгами.

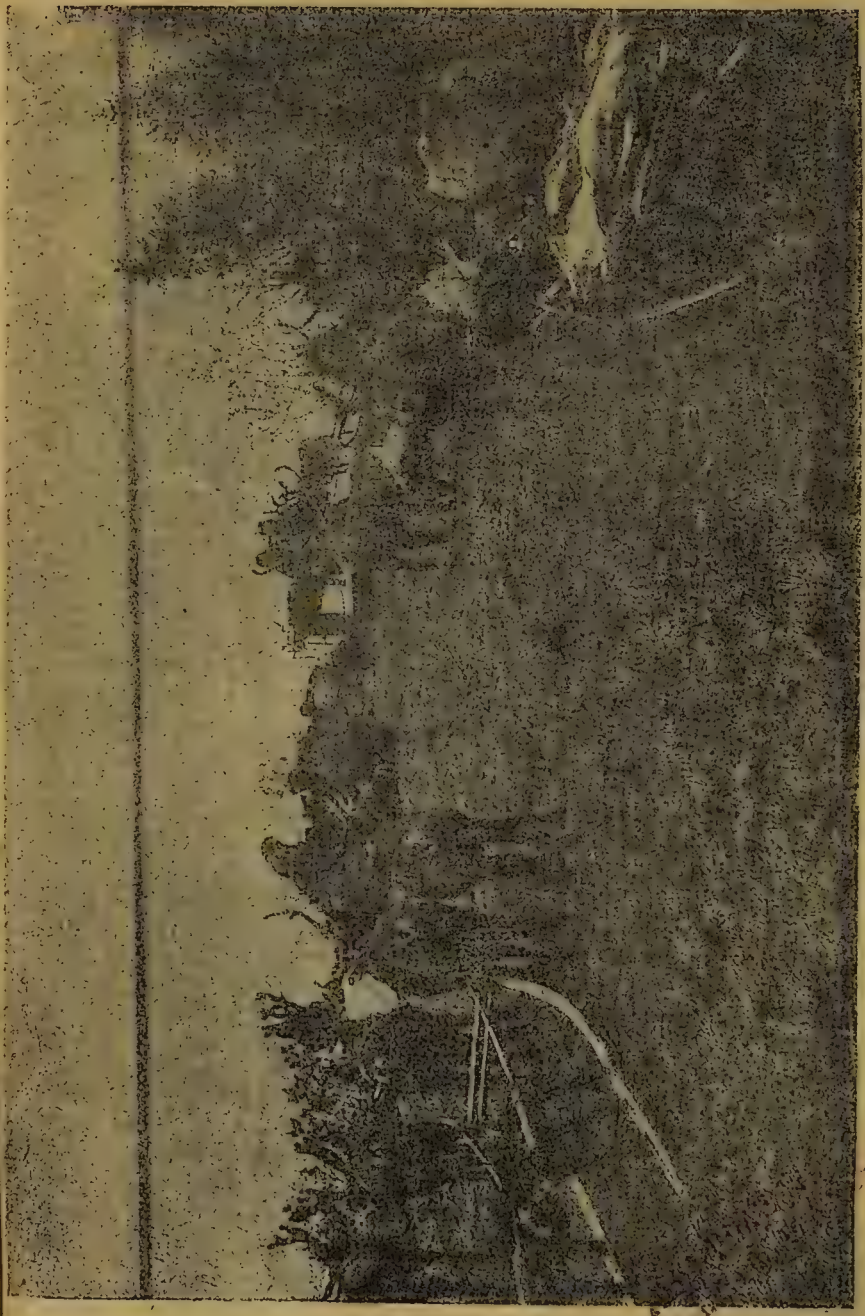
В руках кулаков и зажиточных была главная и подавляющая часть стад. По данным той же переписи, из 141 обследованных ненецких хозяйств бедняцкие хозяйства составляли 51,9%, но им принадлежало лишь 14,3% стада и около 16,2% общего дохода от оленеводства; середняцкие хозяйства — 16,1%, владели 14,7% стада и 14,3% дохода; зажиточные — 27,8%, имели 42,7% стада и 40,8% дохода, и кулацкие — 4,2, имели 28,3% стада и 28,7% общего дохода.

Кулаки выступили против создания совхоза и организации колхозов. Они раздавали свои стада родным и близким единоличникам, укрывали свое поголовье в стадах тех бедняков, которые находились под кулацким влиянием, других запугивали:

— Колхозный олень — это казенный олень, а не твой.

Уводили стада за Урал в самые глухие углы, переманивали туда и бедноту. Агитировали. Пробравшись в колхозы „Полоха" и „Адей-ты" (Новый олень)— 300 километров от Нарьян-Мара — разлагали труддисциплину среди пастухов, настраивали против правлений, уводили стада на худшие ягельники. В колхозе „Адей-ты" шаман Валейский завел стада на выбитые ягельники, покрытые гололедицей, и под крылом сына-председателя колхоза разорил стадо. Этого шамана, рассказывают, боялась вся тундра, и суд над ним был огромным событием в округе.

Наконец, под видом „пармы" (т.-е. совместного выпаса оленей) кулак объединял свои стада с бедняцкими, скрываясь от глаз советского контроля...



Оленьи упряжки

В процессе классовой борьбы совхоз подбирал и готовил кадры пастухов, старших, чумработниц, правленцев. На старшем пастухе, наиболее опытном, лежит вся ответственность за стадо и за хозяйство чума. Старший пастух, по условиям совхоза, должен быть грамотен и знаком с основами науки животноводства, хорошо знать тундру... Покамест работают и неграмотные пастухи, обладающие лишь богатым пастушьим опытом. Всю грамоту такому пастуху заменяет самодельная счетная палочка, на которой крестиками отмечаются прибыль, потери, поражения стада и все, что поддается таким записям. Для подготовки нужных кадров совхоз открывает „школу совхозного ученичества".

Лучшие пастухи выдвигаются на ответственную работу. Ненец Елифер Николаевич Евсюгин работает сейчас заместителем директора совхоза. Неграмотный ненец Гавриил Ледков выдвинут в старшие пастухи. Ненец Иван Петрович Канев—начальник целого производственного участка (совхоз делится на три группы с центрами: в Белощельи, в Усть-Усе (был в Ижме) за 750 километров и в Петруни за 960 километров. Работают в совхозе 42 практика из городских вузов, приезжие. Ведутся „производственно-технические" совещания по вопросам состояния и управления стад, выполнения промфинплана, о мерах снижения процента утрат оленей, об укреплении труддисциплины и пр. Ряд пастухов работает в порядке социалистического соревнования.

Сейчас в стадах совхоза 40 с чем-то тысяч оленей. Несколько тысяч оленей передано в Усинский район. А вот цифры „потерь". В графе так называемых утрат (от зверя, истощенности, при отеле, от механических повреждений и частью от неудачных прививок) в 1930 году, по данным совхоза, значилось 1186 оленей, в 1931 году—6232, в первом полугодии 1932 года—4755. Цифры, явно неблагополучные, свидетельствуют о том, что в совхозе налицо еще и кулацкое вредительство, и бесхозяйственность. Это понятно из анализа слагаемых. Если от копытки, вместо 2,1% в 1930 году и 4,46% в 1931 году, пало за полугодие 1932 года только 0,86%, то „от истощения" вместо 0,3% за весь 1930 год теперь за полугодие погибло 1,15. Дело не в одной гололедице. Возросло с 1,2 до 1,83% (за полгода) число оленей, „зарезанных волками". „В пищу пастухам" за полгода ушло 562 головы. „От невыясненных причин" ежегодно погибает от 2,4 до 2,76%... Общий отход по совхозу в 1930/31 году достигал по взрослым оленям 8,2%, а по молодняку—целых 22,7%.

Товарная продукция совхоза по главным статьям увеличивается в следующих размерах:

	1930 г.	1931 г.	План 1932 г.
Мясо	62,6 тонны	115,9 тонн	300 тонн
Мехсырье	705 штук	2139 штук	2000 штук
Кожи	3172 »	2925 »	9500 »

В таком большом хозяйстве несомненно скопляются огромные массы отходов. Совхоз учел это и создает серию подсобных мастерских для использования утиля. Налаживается работа мастерской по шитью шапок, рукавиц, туфлей из камусов (шкурки с нижней части оленьих ног). Оленеводтресту сделан перевод денег на высылку машин для скорняжной, швейной и сапожной мастерских. Работают сапожная мастерская, кузница, столярная. Готовятся поставить клееварное производство, коптильное, колбасное.

— Совхоз самолично или через трест без лишних посредников должен выходить на советский рынок.

— Мы,—рассказывает о своих планах тов. Бабошин, директор совхоза,—должны хоть половину замшевого сырья превращать в изделия на месте. Договоримся с Москвой и поставим выделку и перчаток дамских, и рукавиц шоферских, и туфлей, и пимов, и шапок... Вот не угодно ли взглянуть. Получили недавно партию приклада и пошили из молодых шкурок шапки...

Бабошин достает из шкафа и ставит на стол пушистые, чистенькие, тщательной выделки шапки-ушанки, какие мы видели в витринах лучших столичных магазинов.

— Эти образцы — ящик — везу с собой в Москву.

Бабошину предстоит выехать по делам в Архангельск и в правление треста — в Москву. Там надо доложить о ходе строительства морозилок, сушилок, домов, изб, коралей (загонов для оленей), подтянуть доставку материалов, уточнить планы на новый год, разрешить вопросы о мастерских...

Мы расстаемся, условившись только, что выедем в Архангельск одним пароходом, который ожидается через три дня.

На этот срок Чемко выезжает с фотоаппаратом в стада. На моторке его провезут 20—30 километров вниз по Печоре и высадят в том месте, откуда путь до стада окажется кратчайшим, этот путь придется проделать пешком.

— Может семь, а может двадцать километров останется,— утешают его совхозники, знающие тундру.

Утром 27 сентября в кабинет директора вошли двое коми и ненец.

Бабошин увидел их еще в окно:

— Старшие пастухи идут,—сказал он мне и шепнул помощнику насчет самовара.

Захлопнув дверь, все трое пришедших откинули назад капюшоны. Бабошин пожимает всем руки:

— Филипп Степанович, здравствуй!

— Михаил Иванович!..

— Гавриил Харитонович...

Улыбки на бородатых лицах кажутся особенно широкими. Словно это большие друзья, которые давно не видались.

Минуты две Бабошин говорит с ними по-ненецки и подвигает стулья.

— И когда он успел научиться, — думается мне, — будучи партизаном, что ли?

Кочевники тундры отодвигают стулья в сторону, садятся на пол, достают из-за пазухи „почту", завязанную в газету „Нарьян-Вындер". Это письма от пастухов и работниц чумов в рабочком, акты об утратах, дежурные книги о заболевших оленях, акты о приеме новых голов...

На русском языке пастухи рассказывают о том, далеко ли от коралей находятся стада, тундровые новости, передают устные поручения из тундры.

Прежде чем дать справку об утрате и приросте стад, каждый тянет из-за пазухи счетную палочку, похожую на грубо сделанную короткую линейку. Отметки на широкой грани ее касаются важенок, на узкой — телят, на обратной стороне — быков. Десятки обозначены крестиками, единицы — вертикальными черточками. Римские цифры, но без пятерок.

— Как называется? — киваю я на „счетную линейку".

— Чуба-да-пу...

— А если потеряешь?

— Так помню. В голова еще календарь.

В беседу с Батмановым, Хозиновым (коми) и Выучейским (ненец) директор уходит целиком. В 16-м стаде копытка больны до 10% оленей. Колхоз „Нарьян-ты" (Соймский район) выполняет взятое на себя в июле обязательство — дать совхозу достойных пастухов, двое выдвинутых колхозников уже приступили к работе. Один рабочий прибыл в стада из колхоза „Пнок", один — из „Красной коммуны". Колхозы совместно с совхозом организовали ветеринарные отряды для проведения прививок; препараты и специалистов поставляет совхоз.

И в Большеземельской тундре, и в Малой Земле, где еще недавно царили шаман и водка, развертывается подлинная

революция, в корне меняющая быт северянина-кочевника. В большинстве чумов вводятся железные печки. „Красные чумы" ведут борьбу с неграмотностью; это своеобразные очаги новой культуры в тундре; на вершине чума заезжий видит красный флажок, а внутри тесовый пол, чистые постели и полога, опрятность, книгу, газету, радио; отсюда рождаются волны нового колхозного прилива, несется слава о лучших колхозах. Таким колхозом в тундре является, например, артель „Харп".

В хозяйстве этой артели 6000 оленей. Вместо чумов артель строит уже дома. 28 семейств артели (175 чел.) перешло на полукочевой образ жизни. Очаги в чумах заменяются железными печками. Колхоз покупает граммофон. Кандидатская группа выпускает свою стенгазету „Луч тундры". 13 парней-ненцев вступили в комсомольскую ячейку. Специальный работник обучает ненцев грамоте на родном языке, колхозники охотно изучают и русский язык.

Весною в Малоземельской тундре начали работу парткурсы, проведен окружной слет колхозников, открыта культбаза, и шесть красных чумов кочуют вместе с ненцами... Лицо тундры меняется по мере того, как ширится работа совхоза и усиливается рост колхоза. Это обновление тундры год от году будет ускоряться, в ней уже строится зональная научно-исследовательская станция оленеводства, намечается на важнейших оленьих путях перекинуть через реки широкие мосты, завозят новые комплекты радиооборудования, кооперация доставляет предметы культурного быта и новые орудия труда.

Директор по обычаю тундры ведет пастухов на свою квартиру, где уже приготовлены, чай, сласти, обильное мясное варево. Пастухи раздеваются и, уважая обычаи города, садятся на табуреты. Речь с русского языка переходит на ненецкий, с ненецкого—на коми. Водители стад ведут разговор „по душам".

В колхозное стадо Большой Земли вошли к нынешней осени олени 24 процентов ненецких оленеводческих хозяйств. Поголовье обобществленного стада выросло за год с 11 092 до 37 000 голов. Рост коллективизации в тундре шел болезненно. „Левацкие" загибы выразились в том, что организаторы шагали через первичные формы коллективизации, создавая сразу смешанные промыслово-оленеводческие артели, и немедленно обобществляли всех оленей, а кое-где даже чумы, собак, ружья и другое имущество.

Теперь с этими перегибами в основном покончено. Немногочисленная окружная парторганизация ведет борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Основной

формой коллективизации в тундре должно быть товарищество по совместному выпасу оленей (ТСВО). Колхозы, не подготовленные по существу своей работы к артельной форме, переводятся на устав товарищества. В колхозах, на основе массовой работы начата передача части оленей в личное пользование колхозников, покупаются олени для бывших батраков и бедняков. Начата чистка колхозов от чуждых, кулацких элементов, на шумных собраниях организуется дружный отпор кулацкой агитации, разъясняется политика партии и вырабатываются меры к всемерному укреплению колхозов. Началась борьба за качество оленеводства, за ликвидацию лишних потерь, за скорейший и правильный рост социалистического стада...

Заметно укоротилось светлое время: пасмурное небо рождает ранние сумерки. Я выхожу на вышку печорского берега, окидываю взглядом Нарьян-Мар. У пристани стоят баржи, среди прочих грузов доставившие... рельсы и второй паровоз для строительства дороги Воркута — Югорский Шар! Позади, за крайними домами города, вижу чумы, поставленные приехавшими пастухами, и несколько оленей поблизости. Дальше стелется тундра — далекая, тихая, бездорожная. Где-то там за сотни верст от видимого горизонта, через год-другой загремит по рельсам первый поезд, удивляя обитателей тундры и расстилая по ее кустарникам и мхам неуловимые кудри дыма.

Восьмилетний ненец

БЕЗ СПЕКУЛЯНТОВ И СПИРТОНОСОВ

С утра подул северный ветер, и небо стало похоже на серое полотно Печоры. У водницкого ларька под этим ветром стала очередь: ночью какой-то пароход привез свежий запас продуктов. Открыли магазин Рыбтреста, Союзпушнины, Оленеводтреста, кооператива „Кочевник". Мне уже известно, что кочевое население тундры снабжается в первую очередь, и что торговые пункты расположены у тундровых речек в тех местах, где чаще скрещиваются оленьи „дороги". Других дорог тундра не знает.

В 1926-27 гг. торговые пункты существовали по речке Колве (большеземельской): Конко-вёр, Харей-вёр, и в с. Колве (в устье), по речке Адзьве: Хоседа-хард, Егор-Ван, Нера-ю, по р. Роговой в Сяфте, по р. Усе: с. Петрунь, Ошвор, Елец-Сандыр, на Югорском Шаре, который здесь называется просто Юшар, на о. Вайгаче и в устьях речек Дресвянки и Варандея.

Недостаток этого размещения торговых точек был в том, что почти все они лежали в притундровой полосе или на морском побережьи. В глубине тундры их было слишком мало. Поэтому работники по переписи уже тогда предлагали основать торговые пункты в „глубинах": в устье р. Кары, в Елец-Сандыре, в устье р. Каратаихи, у р. Хайпудыра, у Песчанки—Варандея и в устье р. Пай-яга (Черная).

Ненецкий Интегралсоюз кооперации руководит и колхозным движением в тундре. Из 815 оленеводческих хозяйств 237 состоят теперь в колхозах (в прошлом году было 71). Обобществленное стадо с 11 092 оленей возросло до 37 611. Колхозов было 6, стало 14. На один колхоз, в среднем, приходится 2682 головы. В наибольшей („харп")—5982 головы, в меньшем („Вой-ты")—493. На одно хозяйство в колхозе падает 158 голов (наибольшее количество в колхозе „Хара-Харбей"—288 голов, наименьшее в колхозе „Вой-ты"—70 голов на хозяйство).

Цифры социального состава дают перевес беднякам: их хозяйств в колхозе 142, батрацких — 24, средняцких — 70.

Общее поголовье в округе исчислялось в 1932 году в 170 000 оленей, из них в кулацких стадах оставалось еще 48 000.

Чистка колхозов от чуждых элементов далеко не закончена, руководство недостаточно укреплено, и потому потери пого-

ловья и процент яловости важенок в колхозных стадах остаются недопустимо большими. Наименьший процент общей утраты — в колхозе „Северная-Нумче“ составляет 6%, и до этой нормы должны быть снижены потери во всех колхозных стадах.

Засоренность колхозов враждебными элементами и кулацкая агитация в колхозах еще значительны. Острый недостаток кадров, распыленность, кочевое положение населения, бездорожье, крайняя удаленность пастбищ от центров руководства — все это позволяет кулачеству небезуспешно продолжать свою работу, еще сохраняя в своих руках тысячные стада оленей.

Кулаки убеждают бедноту:

— И вы и олени ваши в колхозе — казенные.

— Кусок мяса будут отпускать по норме.

— Не ездите в гости в колхозы, обратно отпустят на двух оленях, остальных отберут.

Этот выпад кулачества направлен против кооперации, которая „на гостей“ отпускает колхозам в кредит продукты и товары.

Наконец, кулаки, играя на религиозных чувствах бедноты, пустили в ход письмо, якобы полученное „от самой богородицы“:

— Богородица запрещает вступать в колхозы...

Но уже первые оздоровительные мероприятия выбивают почву из-под кулацкой агитации. Ликвидация „левацких“ загибов, возврат незаконно обобществленного имущества, передача значительной части стада в личное пользование колхозников, покупка оленей для неимущих, борьба с обезличкой, уравниловкой, собезовщиной в колхозах — служат лучшим средством против классово-враждебного влияния.

Снабжение тундры производится через интегральные кооперативы. Их четыре: „Яран“, „Кочевник“, „Тундра“ и „Оленевод“. Все это многолавочные кооперативы, располагающие 30 торговыми точками.

Зимой, кроме того, в ходу 8 разъездных, кочевых лавок (нетпой). Разъездные лавки передвигаются по предварительной договоренности с ненцами о провозе на своеобразных „перекладных“. Завоз товаров кооперативом „Яран“ (к Уралу) осуществляется по речкам мелким и порожистым — на лодках. Это сравнительно легко проделать по вешней воде, но стоит опоздать — лодки и товары приходится мимо порогов переносить по берегу, иногда подвергая товары порче.

„Кочевник“ обслуживает Малую Землю (120 хозяйств), Большую (257 хозяйств). Основные торговые пункты для малоземельцев находятся в Оксуни и Андиге. Кроме того по

обслуживанию рыбаков работают пункты в Хуновее и Кузницкой. Нарьян-марский пункт „Кочевника" обслуживает ненцев, проезжающих из обеих земель. По Большой Земле „Кочевник" основал торговые пункты на побережье — в Дресвянке, Варандее, Юшаре и сезонный в глубинке (Просондуй). Завоз в эти пункты производится на единственном 25-сильном моторном боте „Кочевник". Однако, часто товары на места забрасываются несвоевременно, и в снабжении бывают перебои. Так, сейчас по плану из 3983 тонн должно быть уже завезено 35% товарных запасов, а в действительности завезено лишь несколько процентов.

„Оленевод" и „Тундра" обслуживают Канинскую тундру. Тиманская же снабжается непосредственно из Архангельска без завоза в Нарьян-Мар.

Все тундровые пункты кооператива остро нуждаются в складских помещениях. Самые лавки еще плохо оборудованы, и товары сваливают в кучу. Нет особых отделений для сырья. Требуются новые кредиты, которых за последний год выдано на 140 000 руб.

В Нарьян-Маре Интегралсоюз имеет склады тонн на 2000, пекарню, построил жилой дом и 4 избы и готовы срубы еще для двух домов и конторы (правление ютится сейчас в старой пятистенной избе).

Любопытен ассортимент тундрового обихода, составляемый на основе учета спроса. Вот, например, выписка из заявки на товары: брезентов для чумов — 10 000, железо, проволока печная, цепей для собак и скота — 8500 *кг*, ковшей, керосиновых банок, 1100 *кг*, кольев для хореев — 550 шт., колокольчиков и бубенчиков — 4000 шт., компасов — 400 шт., чайников медных — 400 шт., примусов — 350 шт., игл — 22 000 шт. и т. д. Дан твердый план снабжения нартами, упряжью и пр. Особенно настойчив спрос на чайники, капканы и пр., но снабжение тундры металлом урезано.

В оленеводческие хозяйства интегральная кооперация вложила в этом году 660 тыс. рублей, в охотничье — 15 тыс. Лавочная сеть с 31 единицы возросла до 68 (по 307 чел., в среднем, на каждую). Товарооборот с 2 165 354 руб. за 1930 год возрос в 1931 году до 6 434 175 руб. На душу населения товаров продано, в среднем, на 386 р. 20 к. Товаров было в наличности на 8 081 069 руб., план продажи (5 700 000 руб.) перевыполнен.

Рост кооперирования — 9867 чел., вместо 5398.

Следующие цифры показывают размах работ на промыслах — охотничьем и рыболовном. План заготовки мехсырья выполнен

на 150%, заячьих тушек — 99%, „постелей" (19 400) — 84,4% дичи — 94 000 пар. Законтрактовано — 47 500 пар, дичи водоплавающей — 6105 пар, заячьих тушек — 2600.

План рыбопутины: — рыбы — 7765 *ц*, морского зверя — 1425 *ц*. План контрактации перевыполнен. Для добычи морского зверя „Кочевник" организует артели для посылки на острова, на остров Матвеев, Долгий, на Юшар и Варандей. Рыбаков уже законтрактовано 280 чел., из них в 12 бригад вошли 101 колхозников; сетеснасти подготовлены...

Организована в округе молочная ферма; столовых было две, стало пять; открыто семь новых торговых точек; оборот колхозных базаров дошел до 10—12 тысяч рублей в день. В тундру завозятся целые постройки...

Вся эта работа развертывается вокруг оленеводства как осевой отрасли северного хозяйства. Но и само оленеводство в будущем должно родить в тундре целый ряд производств по использованию его продуктов и отходов: мяса, шерсти, рогов и копыт, кости, молока, кишек, крови и т. д., которыми тундра располагает в грандиозных количествах и значительная часть которых идет сейчас вброс. Должны развиться комбинаты производства, подготовки кадров, новых объектов питания (огородное хозяйства), получат развитие пути сообщения и связь (телефон, телеграф, радио), новые базы рыбных и пушных промыслов...

Но об этом — ниже.

ТУНДРА ЗАВТРАШНЯЯ

1 октября наша компания снова в сборе. На Архангельск в Москву поспешил один Н. И. Гатилов. Ночью вернулся ездивший в стада Чемко. На переправе через Печору он попал в шторм, который внезапно опрокинул лодку со всеми четырьмя пассажирами. К счастью, берег был недалеко, и всем удалось спастись.

В тот же шторм попал буксир „Делегат", на котором возвращался из животноводческого совхоза Егоров. „Делегат" тянул за собой пять пустых барж. Шторм выбросил три баржи на прибрежные пески и отмели. Начались такие качка и ветровороть, что команда растерялась, бестолково, вереницей бегала по палубе, не слушая распоряжений. К тому же грудой дров завалило на палубе трос управления,—и буксир завернуло в обратную сторону, струной натянув канат между пароходом и баржами. Не растерявшийся старик-матрос перерубил канат и спас буксир от опасности опрокинуться. В эти минуты капитан, бледный и растерявшийся, направил буксир прямо к берегу, на полном ходу крича: „Отдай якорь",—и буксир, наскочив на собственный якорь, получил пробоину.

В океане в эту ночь шторм, говорят, достигал 12 баллов... Покачало же пассажиров на пароходах „Ямал" и „Вологда", которые накануне вышли в море!

В эту ночь я читал при керосиновой лампе у окна совхозовского общежития. Бурный ветер свистел в плохо закрытое окно (рамы разбухли от сырости), стучал по стеклам, и мутно светились окна домов на той стороне улицы. В комнате с горячей печью было холодно...

Но вот кончилась штормовая ночь. Рассвело. Утихло. Город оказался в снегу. Крыши, улицы белы, только в тундре на островах кустарника светятся мутные краски листвы. Каплет с крыш, мокрый снег ползет по стеклам окна. Снег, очевидно, стает, но он скоро вернется. Небо свинцовое, тучи бегут быстро-быстро, на горизонте мрачно. Скоро зима, ранняя полярная зима.

Компания в сборе, теперь дело за пароходом. Даешь Архангельск!

Но нам сообщают, что „Умба", стоящая в порту, выйдет лишь 3 октября, и это будет предпоследний рейс из Печоры в Архангельск.

Егоров рассказывает нам о „совхозе № 2“ в Новом-Бору. Этот совхоз возник в 1931 году по инициативе коми организаций. В августе того года там приступили к постройкам и началась закупка скота по деревням. К 1 января 1932 года в совхоз поступило 285 лошадей и до 1500 голов скота местной породы — с Вычегды и Печоры. Хозяйство разбили на два совхоза: „Полярный“ и Новоборский (с 1 апреля 1932 г.). К этому времени стадо телят у совхоза со 106 голов возросло (считая и приплод) до 1069 голов. Но в мае от бескормицы и частью от недостатка помещений начался падеж. Сейчас совхоз оборудовал скотные дворы на 1000 голов, в стройке 4 двора на 500 и два на 250 голов. Готовятся 7 домов для 120 рабочих совхоза. Работает временный маслозавод. Строятся ветеринарная и медицинская амбулатории, пекарня, столовая, кооперативный магазин. Высится насосная станция, построен склад...

Все это строительство ведется как раз в полосе полярного круга, на притоке Печоры — речке Шапкиной. На левом берегу этой речки еще высятся острова тайги, по правому начинается равнина тундры.

На новый год совхоз приготовил кормов до 3500 тонн. Сено возили (санями и в лодках) иногда за полторы сотни километров. Но этого количества все еще недостаточно, накануне зимы идет горячка с пополнением запасов, наполняются 4 силосные башни... Нехватает рабсилы.

Сотни рабочих, собравшихся сюда, образовали целый новый поселок. Стучат, работая на заготовке силоса, моторы трех тракторов. Под навесом и „на воле“ выстроились в ряд 50 косилок. Организовалась ячейка ВКП(б). На заготовке кормов соревнуются комсомольцы-ударники, на эту работу брошена и часть служащих...

Интересны первые достижения крупного хозяйства у полярного круга. Скот гнали сюда издалека, часть голов прошла до тысячи километров. Скот после таких переходов отощал, удои не превышали полутора литра, так что молока нехватало даже телятам. Совхоз взялся „восстанавливать силы“, и к марту удои были доведены до 4,6 литра. Но к „весне“, которая здесь открывает пастбища очень поздно, скот от бескормицы отощал, наладить суррогатную кормежку не сумели, и удои вернулись к голодной норме. Сейчас, к октябрю средний удой — 4 литра, часть коров дает до 10 литров, а 2% их дают рекордную для севера цифру — 20 литров. Жирность молока 4%

За последнюю декаду сверх необходимого расхода собрано молока 23 тонны, завод выработал за тот же срок 2376 *кг* масла, 510 *кг* казеина, 185 *кг* творога, 18 910 литров обрата, 1500 литров отходов — пахты.

Цифры эти очень невелики, но они получены, когда организационный период огромного хозяйства еще далеко не завершен, опыт работы крайне мал, кадры не проверены и имеется уйма упущений.

Совхоз развивается в районе, на глухих берегах таежно-тундровой речки, где зайцев стреляют прямо на огородах, где зимой стаи куропаток и тетеревов и даже дикие олени подходят почти к самым стройкам, а медведи — были случаи — не дают ночевать на берегу, если не будешь поддерживать большого, яркого костра. Недавно рабочие совхоза заготовили на берегу кучи свежего хворосту. Вернувшись утром за хворостом, они нашли на нем отдыхающего медведя...

— Ну, а ты что видал? — обращаемся мы к Чемко, который лежит полураздетый, так как одежда еще не высохла.

Чемко рассказывает, что ненцы в чумах произвели на него впечатление весьма гостеприимных, честных и любознательных людей. Долгую беседу в их кругу он вел в „Красном чуме", где ненцы по радио слушали далекую московскую музыку. Беседа затянулась почти на всю ночь, так как с вечера внимание кочевников почти целиком было поглощено передачей.

С мысли о чудесном радио и завязались речи.

— Ты образованный, — по-русски говорил старший пастух, тронув гостя за рукав. — Ты образованный. Скажи вот: на сколько ж в землю русский смотрел, чего нашел? Как это музыка по воздуху? И что там в земле разыскали?..

Объяснил, как мог.

— Теперь я скажу, — заявил ненец, помолчав. — Потому русские лучше нас, что они грамотные.

— Не все хорошие, — сказал другой. — Сколько мы видали у нас экспедиций, а не все с толком ездят, иные только зря оленей гоняют, ради своего интереса. Ездят, а сами понимают плохо; мы уже видим в стаде заразу, а они ищут и мимо проходят. Мы сами лучше таких ветеринаров разбираемся.

За пологом чума свистела дождливая ночь, в щелки входа струился холод.

Кто-то вспомнил о зимних волках:

— Волк умный, и дикий олень умный. Волк — он, чтобы его пастух не видел, крадется в самую середину стада и там режет. А дикий олень — тому видно скучно, бежит к стаду,

думает — свои, но, только собак завидит, утекает обратно... Конечно, скучает, а может иной раз и заблудится этот дикий олень-то...

— И человек, и зверь блудит...

Чемко рассказывал пастухам о русских степях и об их широте, зимней пустынности, бесприютности. Но в этих степях легче ориентироваться, там есть балки, есть большие холмы, есть некоторое разнообразие, свои приметы. Тундра хуже, все холмишки тут как-то похожи друг на друга, всюду однотипная смесь красок, а под ногами бесконечные ямы и кочки, которые скоро выматывают, притупляют память, сбивают со взятого направления. В тундре заблудишься скорее, чем в степи.

Ненцы этого видимо не поняли. Они заговорили о кочевой жизни. А когда услышали, что лучше перейти на оседлость, поддакнули:

— Понимаем. Незачем таскать за собой всю требуху с чумом. Можно иметь жительство. Все равно к убою и на отел пригоняешь стадо на прежнее место, оно и со снабжением будет верней.

Потом, когда вернулись к речам о грамотности, старший пожаловался:

— А плохо, что нас не берут в Красную армию. На севере только служить бы, потому что в домах душно, мы без чума не можем. Стрелять умеем... Хорошо в Красную армию! Вернулись бы грамотные, сколько бы грамотных у нас получилось...

Рассказ Чемко напомнил мне случай, описанный Максимовым в книге „Год на севере". В Пустозерье после сбыта добычи „самоеды" пьянствовали, смелели, обивали пороги начальников со своими прошениями и вызвали в собеседнике Максимова такой отзыв:

— Просьбы подают и завсегда пьяными. Сердятся же начальники-то.—А тоже, ведь, вот война-то была, — спрашивали мы их: пойдете мол? А пошто-де нас не обрядят: стрельнули бы дородно!..

Теперь, как мы видим, тяга в Красную армию имеет под собой другие основания. Красная армия для ненца прежде всего — олицетворение культуры.

Городские же дома не тянут к себе из-за вековой привычки к тундре и чуму.

Тот же пустозерец высказывался по случаю того, что христиане-ненцы мало молились богу:

— Придут когда, всю службу не выстаивают, не могут: либо вон выходят, либо возьмут да и лягут на пол. В чумах-то что ли они привыкли все лежать да лежать, а либо что... кто их знает!

А то не горазды они стоять, не свычны: в избу к нам заходят, так и сажай скорей, а то ляжет, беспременно ляжет. Тепла опять они не любят, наших изб не любят: так и норовят скорее выйти. Вон старшина ихний живет у нас на селе, так и в избе не спит, а все в сенях, и все больше по улице ходит и избу дня по три не топит. Так уж привыкли! Совсем, ведь, они глупой народ!

— Чем же особенно?

— Спроси ты, сколько ему лет, любой спроси: не знает"...

Что ж, можем ответить мы, ненец не считает и не помнит своего возраста. Зато прекрасный счет ведет он стаду и способен лучше многих держать в головном „календаре" цифры этого счета.

Советские работники тундры дивятся этой способности бывшего „самоеда". В соединении с природной изумительной честностью (тундра не знает замков) это качество ненца-труженика крепко пригодится нам в борьбе за социалистическую тундру. Эта борьба уже развернута, и перспективы огромны.

В газете „Нарьян-Вындер" мы читаем извещение:

ОКРУЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОБСУЖДЕНИЮ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

открывается 25 сентября

Повестка дня:

1. Вторая пятилетка Северного края... Докладчик...
2. Ненецкий округ во второй пятилетке...

Содоклады: о развитии оленеводства, сельского хозяйства и землеводустройства, социально-культурного строительства и здравоохранения...

Открывается конференция в 6 час. вечера в помещении клуба лесозавода № 51...

Подумалось: совсем как под Москвой! Я отправляюсь в окружком партии, в окрисполком, в окрплан, встречаю докладчиков, делегатов и выясняю, как им рисуется лицо тундры по плану второй пятилетки. Делегаты в шубах, шинелях, малицах, пальто спорили, защищая интересы „своих" районов, и в своем решении вывели длинную цепочку цифр, за рядами которых проглядывает завтрашний день тундрового округа.

— Превратить из отсталого в передовой... Культурный подъем до уровня передовых... Реконструкция отраслей хозяйства... Обеспечить перевод на полуоседлый и оседлый образ жизни...

Таковы задачи, которые подчеркнула в своих решениях заполярная конференция. В этих решениях все подсчитано, обусловлено. Цифры конца второй пятилетки сопоставляются с цифрами, которые будут реализованы к концу пятилетки второй.

Оленеводство. Поголовье с 211 000 довести до 395 000. Удельный вес совхозов должен составить 40%. Убойный вес с 42 *кг* до 55 по взрослым оленям, с 20 до 32 по молодняку. Рост товарной продукции до 2573 тонн. Дополнительная разработка зооветминимума, организация учебного оленеводческого комбината, расширение периферии зональной станции...

Рыбопутина. Добычу довести до 900 тысяч центнеров, всего за вторую пятилетку — 2,5 миллиона тонн. Механизация, глубьевой лов, „комбайны", тралы, портоубежище на Индиге, капиталовложений (без Интегралсоюза) минимум 27 млн. руб. Изучение водоемов и морского побережья и внутренних водоемов, рыбстанция, специальное учебное заведение.

Охотхозяйство остается как хозяйство „валютное". Охотустройство округа, освоение побережья, реки Кары и предгорий Урала, завоз кроликов и ондатры с доведением до 250 охотхозяйств. Вложений — до 2 млн. рублей, продукции — до 45 млн. рублей.

Сельское хозяйство. Удовлетворить округ такими продуктами собственного производства, как огородные культуры, овощи, жиры. Рост пашни с 4 гектаров до 500, сенокоса с 13 тыс. до 16 тыс. гектаров, поголовья рабочего скота с 1500 до 2500, крупного рогатого — с 3400 до 6800, свиней с 30 голов до 4000; организовать в пределах округа молочно-масляный совхоз, МТФ, укрупнить существующие.

Промышленное строительство. На собственной сырьевой базе (рыба и мясо) — консервные заводы на Индиге и в Нарьян-Маре. Расширение лесозавода с 4 рам до 3. Разработка угля Печорского бассейна, залегания которого простираются и в пределах округа. Строительство электростанций в Нарьян-Маре, Юшаре, Воркуте.

Транспорт. Сейчас уже начато строительство (стоимостью в 10 млн. руб.) Печорского морского порта с доведением грузооборота с 119 тыс. тонн до 3795 тыс. тонн в 1937 году. Основные грузы: уголь и нефть. Постройка железной дороги

Юшар — Воркута. Строительство 1637 *км* грунтовых дорог, вложения в водный транспорт до 44 млн. руб., а в гужевой — 3288 тыс. рублей. Строительство судоремонтной мастерской. 5 октября 1933 году уже пройдет первый поезд по новой ж.-д. ветке от Воркутинских углей к реке Усе.

Воздушная связь. Продолжение постоянной линии Архангельск — Цыльма (сейчас работающей изредка) до Нарьян-Мара в 1933 году, с дальнейшим продолжением до Югорского Шара. Линия: Нарьян-Мар—Цыльма—Обдорск—Свердловск. Линия: Архангельск — Печорские угли — порт (сейчас эти линии частично уже работают).

Другие задачи. Умножение радиоточек в тундре: точки радио на путине—с 4 до 13. Телеграфная линия: Архангельск—Мезень — Несь — Нарьян-Мар — Воркута — Юшар, провод Нарьян-Мар—Болванская губа—Носово. 2,5 млн. руб. на связь, 2,5 млн. руб. на школьное строительство. Подготовка кадров...

Население Нарьян-Мара — до 13 000 чел., водопровод, бани, прачечная, парниково-тепличное производство овощей, дом ненца. Введение всеобуча не ниже пятилетки на родном языке, стопроцентный охват родильной и госпитальной помощью и лечением заразных болезней, ликвидация неизученных белых пятен окружной карты... И прочее.

Вторая пятилетка развернет в тундровом краю подлинную революцию. В корне изменится его лицо, и на этих, ныне еще бедных, пространствах выделяются три „экономических комплекса“:

1. Канинско-Чешский — развитие рыбо-звериных промыслов, рыбо-мясоконсервное производство, оленеводство, животноводство и пушное хозяйство.

2. Пустозерский — транспортно-промышленный узел округа с развитием животноводства в дельте Печоры.

3. Большеземельский — развитие оленеводства, пушного хозяйства, рыбопромыслов, а также каменноугольной промышленности (по Воркуте) и как транспортный узел (Юшар)...

Таков чертеж тундры завтрашней.

ПРОБЛЕМЫ СКОРОСТИ

С утра 2 октября, перелистывая путевые блок-ноты, привожу в порядок свои впечатления. Тайга, оставшаяся по ту сторону полярного круга, теперь не мешает мысленно охватить главное — ту ось, вокруг которой развертывается жизнь далекой и огромной окраины СССР. Теперь встают в памяти комнаты сельсоветов, украшенные плакатами и портретами вождей революции; лица неутомимых изыскателей, колхозников, первых шахтеров; новые стройки и просеки в тайге, расчищенные для новых телеграфных линий; нефтебуровые вышки, взрытые угольные пласты, весточки с Ухты и Воркуты, новые совхозы и поселки, караваны судов, кабинеты опытной станции, радиомачты, первые рельсы у берегов тундры; рыбацкие невода, колхозные склады, широкие окна больниц, школ, общественных учреждений; гуд разговоров на пароходах о том, что есть и что будет...

Северный край, крепость лесного экспорта, зовут здесь валютным цехом Советского Союза. Коми-область, отгороженная от центров морем тайги и бездорожьем, пользуясь только водными дорогами Печоры и Вычегды, могла быть только одной из частей этого цеха лесной промышленности. Статья лесозаготовок была главной задачей первой Коми пятилетки. И за эту пятилеку Коми-область заготовила на экспорт 15 миллионов кубометров леса, перевыполнение наметки пятилетки на 14 процентов. Довоенный размер лесозаготовок увеличен в шесть раз. Пусть кричат зарубежные враги о принудительном труде в советских лесах,— здесь каждый коми знает, какие чудеса показывали лесорубы, работавшие в порядке социалистического соревнования. Только героизм в борьбе за выполнение пятилетки позволил многим из этих лесорубов заготовлять до 10 — 12 кубометров в день на человека. Классовому врагу не удалось сорвать это „дело чести" автономной области СССР. Разворот лесных работ оживил и развитие промышленности в области: кроме существующего лесозавода начата стройка лесокомбината (восемь рам, четыре цеха). На Печоре строятся четырехрамный Усть-Кожвинский лесозавод, фабрика точильного камня, достраивается замшевый завод, а в Усть-Усе — консервный.

Это — начало, положенное первой пятилеткой Завтра, во второй пятилетке, строительство в крае получит новый размах.

Печора уже увидела электрические огни, паровые машины, станки Крелиуса, тракторы, грузовые автомобили, моторные боты... Революция шагнула и в сторону — на доселе безвестную речку Ухту. Путь сюда указала наука. При царизме нефть нашли только потому, что ее запахи и краски проникали в речушки. Но сколько бурильных станков поломали, бросили Гансберги и Сидоровы, сколько попыток делали прикарманить недра, сочившиеся „черным золотом". Сдались, бросили, ибо рабская техника не выдержала, расстояния поглотили, конкуренция погубила, и действовали изыскатели вслепую. Только с вершин советской науки и техники была вскрыта и стала доступной Ухта. На основе учета геологических процессов и научного прогноза академик А. Е. Ферсман писал:

„Совершенно исключительное внимание должен привлечь район бассейна Печоры ...Этот обломок медленно колыхался, подобно другим краевым частям щитов, в течение значительного промежутка времени, откуда и замечательная его минерализация с накоплением различных осадочных свит, прежде всего угленосных пород Печорского бассейна!.. Но самый интересный процесс наблюдается там, где на свиту древних осадков действовали колебания обоих складочных поясов — Тимана и Урала со скрытыми в них на глубинах магматическими очагами. Здесь мы ждем не только на склонах Тимана, но и в западных предгорьях Урала выходов нефти, углеводородных газов, где аналогично Ухте вместе с благородными элементами можно ожидать рассолов с запасами иода, брома, бора и радия. Печорский клин по ряду еще не разгаданных явлений намечается как один из серьезнейших районов Союза не только по своей топливной базе, которая должна иметь решающее значение для всей промышленности Севера, но и по своеобразию целого комплекса полезных ископаемых... к которым надо прибавить руды свинца, асфальтита, * битуминозные сланцы и прочее".

Последующими изысканиями в бассейне Печоры найдено „все": уголь, нефть, торф, железные руды, серный колчедан, горючие сланцы, красочные гипсы, фосфориты и многое другое вплоть до радия.

Вот сегодня в комнату Ненецкого окрплана ввалились трое исследователей из группы, обследовавшей в тундре районы

* Качество печорского асфальтита, применяемого для электроизоляции и в лакокрасочной промышленности, оказалось выше импортного.

речек Дикой, Волонги, Пеши, Великой, берег Чешской губы, Болванскую сопку... Найдены породы, содержащие радиоактивные газы, найдены железные руды, медные руды, новые пласты угля, минеральные краски, цементные мергеля, ценные глины, мрамор, шифер, точильный камень... И все это прощупано за одно короткое полярное лето в тяжелых условиях тундры

Наши соседи по пароходным каютам, побывавшие на Ухте, в восторге от света и блеска изумительной лаборатории в Усть-Ухте, от быстрого роста ее городка, от темпов разведок и первой добычи, от героического задора рабочих.

А богатые рыбопромысла? А перспективы оленеводства, а неисчерпаемые ресурсы для развития всевозможных отраслей индустрии?.. Все дано краю в изобилии, в миллионных и миллиардных цифрах.

За первую пятилетку Коми-область заготовила на экспорт 15 млн. кубометров леса, увеличила свои стада, подняла развитие промыслов, умножила число школ, техникумов и курсов, ввела всеобщее начальное обучение, покрылась сетью культурных учреждений, кинопередвижек, радиоприемников, больниц и амбулаторий, открыла свои газетные и книжные издательства, развернула изучение природных богатств края... Капиталовложения в промышленность области с 1760 тыс. руб. возросли до 42 млн. рублей...

Сквозь трудности, нехватки культурных сил завоевывает Коми-область дары природы, а заодно повышает свой хозяйственный, политический и культурный рост. Но темпы еще недостаточны, ибо шагать приходится от уровня „первобытности".

Главная беда края — оторванность. Нужны рельсовые дороги, моторные суда, новые телеграфные линии, шоссе... Именно они решают проблему темпов, проблему скорости развития.

Строй пролетарской диктатуры, изучая и вскрывая богатства края, учел это и уже прокладывает в его глубь новые пути. Десятками пароходов и непаровых судов пополняется печорский флот, уже сейчас перебрасывающий туда и обратно десятки тысяч тонн; установлены регулярные морские рейсы Архангельск — Печора. Приступлено к строительству оборудованных портов в устье Печоры на Юшаре и в перспективе — на Индиге, в не замерзающей многие месяцы бухте. Прибыли и укладываются первые партии рельсов железнодорожного пути на Воркуте.

Два года назад на Ухту из Сыктывкара, центра области, можно было попасть лишь кружным путем, по Вычегде и Северной Двине через Архангельск, Северное Полярное море,

Печору, до устья Ижмы. Отсюда тащились в грузных плоскодонках вверх по порожистой Ижме — 300 километров до Чибью. Путешествие в лучшем случае отнимало две недели, а весной и осенью в распутицу туда совсем нельзя было добраться.

Теперь это — уже „наезженный факт". Сыктывкар — Усть-Вымь — на пароходе, а от Усть-Выми до самой Ухты тайгу прорезала 65-метровая просека, выкорчеваны пни, построены сотни мостов, выровнен грунт, устлан щебнем, начинен зернистым гравием, глазирован чистым песком и плотно укатан,— протянулось образцовое шоссе, по которому грузовые автомобили доставляют людей и грузы в течение 15 — 18 часов... Тракт этот будет продлен на юг до Сыктывкара, на север — до Усть-Цыльмы. Побывавшие на Ухте видели там полтора десятка нефтяных вышек, радиостанцию, профтехникум,* типографию, баржестрой, больницу, клуб, школу, ясли, а на водах речки Ухты — первые гидропланы. Культура шагнула сюда вслед за буровыми машинами и станками. Цепочка вышек удаляется на другие речки — Большую и Малую Кожвы, к Шугору, к самым берегам Печоры. Так указала наука. Мы работаем уже не вслепую и в новом году получаем здесь не сотни, а до 10 тысяч тонн ухтинско-печорской нефти. По указаниям академика И. М. Губкина, по Чибью, притоку Ухты, найдены районы, где нефть залегает на такой незначительной глубине, что себестоимость ее будет чрезвычайно низкая. Уголь и нефть преобразят край, ибо их окружат металлорудники, металло- и химзаводы, новые поселки и городки, новые пути сообщения, культурные учреждения, пищевые базы и т. д.

Итак: большая водная дорога, суда на собственном топливе, первые рельсы в тундре, шоссейный тракт с Вычегды на Ухту... А сейчас от Котласской ж. д. со станции Пинюг проложена новая просека — на Сыктывкар. Также выкорчевали пни, взрыли выемки, воздвигают мосты, тянут ровную на 240 километров прочную насыпь, — здесь строится железная дорога, продолжением которой в последующем будет линия дальше — к недрам и лесным богатствам. Дорога Пинюг — Сыктывкар позволит включить в эксплоатацию новые 13 млн. гектаров леса и его недра, ускорит и усилит снабжение края товарами, оборудованием. На картах краевой плановой комиссии прочерчены новые пунктирные линии будущих магистралей, новых заводов, электростанций, рудников, но до них еще

* За последние 3 года открыто 8 новых техникумов, 8 школ ФЗУ, пединститут, 2 рабфака и т. д.

дело не дошло, их мы построим тем скорее, чем скорее начнем реализацию природных богатств. Край сам начнет агитировать за свою индустриализацию горами угля и эшелонами леса, металла, нефти, сырья, пушнины, мяса, рыбы... Наконец скорость советских самолетов от Харькова до Нарьян-Мара — 18 летных часов!*

Фритьоф Нансен называл далекий Север „страной будущего". В границах Советского Союза, где строится социализм, эта „страна будущего" уже превращается в страну настоящего.

Перелистывая путевые блокноты, я улыбаюсь первым нашим восторгам перед дикой, обросшей мхом тайгой, перед ее непроходимостью и нетронутостью. Мы забывали тогда об отупляющей безлюдности, о миллионах корней перестойного, сваленного временем и гниющего леса, наивно любовались запустением леса там, где он уже сам глушит себя и вытесняет птичьи голоса и звериные тропы. Мы забывали тогда, что этот замшелый океан леса бесполезен, пока в его глубине не гремит человеческий труд. Мы будто не замечали, что тайга красива лишь издалека, отраженная в зеркале Печоры... Красота беспризорности, беспорядка, бесполезности — не есть красота.

Наши подмосковные леса и парки чаруют ароматом смолы и трав, статностью деревьев, культурностью дорожек, освоенных покосов, озерами полей, врезавшихся в зелень рощ. Там больше и глубже думается, приятней отдых, острее чувство красоты, бодрее труд... Дикость печорской тайги тянется, как растрата, до тех участков, где человек уже строит, чистит, кладет правильные черты на полотно пейзажа.

Именно поэтому люди на палубе парохода восторгаются тайгой больше, чем находясь в ее глуши.

Настоящая красота Печоры — в будущем, лик которого определяется сейчас только первыми контурами. Мы, современники перерождения Печоры, и наша кипучая молодежь должны сделать все, чтобы превратить так называемые девственные окраины Союза в районы, где будет царить производительный, всеукрашающий труд.

---

* 13 февраля 1933 г. в Нарьян-Мар прилетел из Харькова первый в этой тундре самолет. Ненцы — пастухи оленсовхоза бросили свое производственное совещание, окружили самолет и кричали: «Саво! саво!» (хорошо, прекрасно).

СЕВЕРНОЕ ПОЛЯРНОЕ

3 октября. Мы в каюте морского парохода „Умба“ (3300 тонн). Пароход невысокий и, говорят, быстроходный, устойчивый. Несколько часов идет погрузка. Наверху тяжело бряцают цепи лебедок, гремят, прокатываясь по палубе к пасти трюма, тяжелые бочки. Из кают-компании слышны звуки пианино, на кухне звенят тарелки и ложки. Комнатная муха, прибывшая в нашем купе может быть из Архангельска, чистит лапки на оконном стекле. За окном шлепаются о дебаркадер мутные волны Печоры...

Потом гремят по коридору шаги запоздавших пассажиров, — гудит сирена, мы отчаливаем, и „Умба“, набрав скорость, стремится мимо последних печорских островов.

К вечеру ветер усиливает встречные волны, ерошит их гривы, гудит в тросах. На Куйском перекате „Умба“ делает остановку, и к борту парохода подходят две огромные лодки с полсотней бочек рыбы. Промокшие от брызг разыгравшихся волн, рыбаки-ненцы больше часа подваливают бочки в лапы подъемника. Трюм „Умбы“ поглотил этот груз, а еще через 10 километров принял новую партию рыбы. Волны швыряли лодку вверх и вниз, а ненцы, невозмутимо спокойные, не прерывали погрузки ни на минуту.

Всю ночь „Умба“ шла по разливам Печорской дельты и ее губы и только сегодня утром взяла курс на запад, пройдя Русский Заворот.

С утра была тихая погода, и даже показывалось солнце. Но вот скрылся берег, посинела даль, мелькнул позади последний горизонт Печорской губы, и открылось море. Ветер в лоб и уже не волны, а валы гонит нам навстречу. „Умба“ начинает делать отчаянные нырки и, кажется, вот-вот застрянет головой в пучине. Началась носовая качка. Валы нарастают с часу на час и по временам с такой силой ударяются в нос парохода, что пудовые брызги хлещут по всей палубе, грозя выбить стекла кают-компании. Звуки этих брызг похожи на удары тяжелой метлы в окно. „Любители“ вышли на нос парохода и хохочут, когда их то вздымает на две-три сажени, то бросает вместе с перилами и полом вниз на такую же глубину. Смех, однако, скоро стынет, — еще несколько ударов воды — и „любители“ бегут, хватаясь за перила, в утробу „Умбы“.

Потом наступает ночь, и брызги против света из верхних окон играют зелеными и синими огнями. Похоже, будто рвутся огромные [illegible]угасы-фейерверки. Но число „наблюдателей" убывает по мере того, как возрастает качка. Самые „впечатлительные" довно убрались на свои полки. 20—30 пассажиров уселись в салоне и пробуют наладить веселье. Но качка глушит смех, гремит падающей посудой и каблуками уходящих „восвояси". Только раз блеснул маяк влево на каком-то береговом мысу, врезавшемся в Баренцовы воды. Потом „Умбу" опять поглотила безгоризонтная шумная ширина. Морские валы начали болтать судно, как неуклюжую игрушку. Качка все усиливается, начался настоящий шторм. Круг пассажиров, собравшихся в столовой, тает. Побледнев, согнувшись, один за другим уходят все, кого укачало. И каждого провожает отзыв:

— Готов!

Какая-то девушка, впервые попавшая в море, держалась все время с завидным равнодушием, только молчала. Но вот побледнела и она. Побледнела, пытаясь подняться, но не выдержала: сунула лицо в шапку, и там же в шапке в один миг оказался вчерашний обед.

Шторму и ночи не видно конца. Меня мутит давно, я выхожу на палубу, чтобы подышать свежим воздухом и не глядеть, как „разлагаются"; но воздух и муть ночи, в которой не на чем задержаться глазу, еще больше закружили голову,— и я спускаюсь в каюту, где давно отлеживается Егоров.

Всю ночь хлопали двери кают и уборных, и что-то перекатывалось, гремело вверху. Кто-то, однако, неумолчно играл на пианино... Чемко вернулся в каюту далеко заполночь— бледный, но „выдержавший". В больной духоте, истошных выкриках, грохоте шагов и дверей прошла ночь, а утром несколько часов под ряд терпеливо работали ко всему привыкшие уборщицы. К чаю вышла десятая часть вчерашних гостей. Качка стала спокойнее, но люди вповалку оставались на своих полках, ослабевшие, „потерявшие интерес к жизни".

Несколько стульев, привинченных к полу кают-компании, выдрано с корнем. Многие из тех, кто слишком засиделся вчера, „со всех ног" откидывались на зад и вышибали их без всякого сожаления. Хватило работы мастеру.

Но вот ликвидированы следы „погрома", снова в океанскую синь звенит пианино, и за общим столом — чай и смех, рассказы о прежних авариях в этом океане, потом песни и чтение юмористических стихов, сочиненных кем-то под впечатлением ночи...

Ночь для многих действительно была полна острых ощущений. Капитан сообщил, что шторм доходил до 9 баллов, что был момент, когда „Умба“ накренилась на 38 градусов, и что риск опрокинуться был очень велик. Недаром кое-кто спросонья выскакивал из кают и метался по судну со спасательным кругом в руках.

В полдень 5 октября далеко в стороне показался горный гребень острова Колгуева в снеговых пятнах. Остров кажется мертвой, угрюмой глыбой, брошенной в океан. Но и там есть жизнь, и туда еще в глубокой древности переплыли на своих карбасиках непоседливые оленеводы и звероловы-„самояди“. Ягельные угодья, морской и пушной зверь, рыба, летние птичьи базары привлекали человека к этому острову. Много веков пробовали обжить этот остров ненцы, из года в год, изо дня в день ведя борьбу с ледяной природой, но осели там не скоро... Остров виден с парохода вот уже третий час. Движение „Умбы“ кажется перед этим островом слишком медленным. Мы любуемся его незатейливыми красками и слушаем бывалых людей.

Нето полтораста, нето двести верст отделяют Колгуев от материка, но с попутным ветром на веслах проплывают этот путь в одни сутки. Каждую весну с юга приносятся сюда шумные караваны гусей, и люди Колгуева, кочующие около пресноводных речек и вдоль берегов острова, начинают добычливую охоту. К этому времени зимние запасы иссякают, в чумах больше ослабевших, податливых на болезни, и прилет пернатых гостей является праздником. Охотой особенно усердно занимаются переселенцы с Мезени, заготовляющие до 20.000 гусей в запас на зиму.

Жаркая охота, похожая на побоище, происходит в июле, когда гуси линяют, не могут по-настоящему летать, становятся почти „ручными“ и беззащитными. В это время их добывают без выстрела, загоняя в сети. Тем же способом ловят разжиревших турпанов, пух которых, как и гагачий, имеет за границей неограниченный спрос.

Печорцы добывали здесь песцов и волков и по ягельным склонам гор гоняли небольшие оленьи стада. Ненцы стреляли нерпу, морских зайцев и моржей, неводом ловили белуг, а на островных речках — сигов, омулей и форелей. Морошка, клюква, щавель и дикий лук — здешние растительные богатства. Топливо ежегодно доставляют морские волны.

И все же бедность не покидала пределов острова с его суровым климатом. Первобытные орудия лова и промысла,

отсутствие всякой помощи с берега, судьба забытых — обрекала жителей Колгуева на жалкое существование, и население острова не увеличивалось. Полтораста лет назад предприимчивый архангельский купец-раскольник Бармин переселил на Колгуев сорок мужчин и женщин, желавших будто бы основать скит. Но все эти переселенцы вымерли в один год, спаслось лишь четверо... Лет сто назад на острове насчитывалась сотня самоедов, имевших и детей, но нищета и отсутствие всяких средств борьбы с эпидемиями все же оставляли огромный остров почти безлюдным, и накануне революции эти люди жили здесь так же, как и сто лет назад—маленьким полукочевым племенем... В 1902 году здесь на 3500 кв. метров тундры жили только 92 ненца обоего пола. Теперь на помощь им пришли люди большевистского века и ведут борьбу за большое плановое хозяйство, за культурный быт. Уже сейчас здесь учатся все дети школьного возраста. Чтению и письму обучена половина взрослого населения. Созданы красный чум, больница, школа, построена радиостанция...

Об изобилии дичи и об охоте „по-колгуевски" рассказывает мне тов. Шергин, побывавший с партией изыскателей в тундре, на верховьях речки Шапкиной на Большой Земле. В конце июля — начале августа линяющие гусиные выводки полуголые бродят неуклюжими стадами по открытым берегам речки. Экспедиция, нуждаясь в мясе, где-либо на повороте речки забегала впереди стада, отхватывала от воды и убивала нужное количество гусей самым примитивным способом. Бывало, сгоняли вместе несколько выводков гусей, можно было набить их любое количество. Речка Шапкина безлюдная. На всем ее протяжении — один житель, ижемец с семьей.

Такая же обстановка на речке Хвостовой (приток Соймы, впадающий в Сулу). Двое ижемцев на глазах экспедиции в один поход с собаками набили по 130 гусей...

В кают-компании оказалась еще одна экспедиция НКЗдрава и Комитета Севера—четверо женщин-врачей из Москвы, под руководством тов. Подъяпольской, отправившихся в тундру еще в конце июня... Они изучали глистные заболевания у ненцев и коми, жителей тундры. Эти болезни распространены здесь в виду того, что население употребляет в пищу сырое мясо и сырую рыбу. Больных такого рода до 10% („рыбный ленточник"). Болезнь, говорят, не опасная, но она понижает трудоспособность. Лекцию об этом слушатели парткурсов в Нарьян-Маре восприняли с огромным вниманием. Обратившихся за лечением глистобольных зарегистрировано до 100.

Врачи рассказывают, что на острове Долгом, в дельте Печоры, они были во всех трех чумах ненцев, нашли 4 больных. Чистота в этих чумах поддерживается довольно легко — на острове преобладают каменисто-песчаные почвы, близка вода. В тундровых чумах грязнее, стирают в холодной воде.

Вдоль реки Песчанки (Большая Земля) расположены четыре безоленных чума. Семьи многодетные. В дальнем чуме дать детей на осмотр отказались, хотя врач явился со знакомым ненцу фельдшером. Из десяти детей в остальных чумах семеро оказались больны скарлатиной, но их ничем не лечили. Детям оказана помощь

В Лодейском чуме, там же, отказывались от осмотра, заявляя, что все здоровы. Подействовали разъяснения об опасности заразы и об ответственности за укрытие заразнобольных.

В Варандее врачи организовали временный барак на 18 человек, и вскоре ненцы сами понесли детей на лечение. В няньки для барака завербованы работницы из отделения „Кочевника". На острове Матвееве и Юшаре больных не оказалось. Здешнее благополучие, как и на острове Долгом, объясняется тем, что ненцы правильно устраивают очаг, настилают досчатый пол и больше внимания уделяют смене одежды...

Обычная качка на „Умбе" вошла в привычку. Лучше чувствуют себя и вчерашние пострадавшие. Кают-компания полна. Завязывается разговор с ленинградской путешественницей Н. К. Драницыной, также возвращающейся с печорских островов. Наталья Константиновна путешествует ежегодно, начиная с 1923 года, это непоседливый человек, вырывающийся из города каждый раз, как наступает лето.

— Каждый новый год я встречаю как находку,— рассказывает она.

Удивляет уже один перечень ее маршрутов за десять лет: Крымское побережье, Кавказ и Черноморское побережье, верхняя и средняя Волга — Кавказ, Туркестан, Новгородско-Керженский край, Горнозаводский Урал, Байкал, Дальний Восток, Японское море, Мурман и мурманское побережье, печорская тундра и печорские острова...

На будущий год тов. Драницына собирается отправиться во Владивосток („хорошо бы морем!"), на Камчатку и т. д. Работает тов. Драницына в детских учреждениях и на путешествия расходует все каникулы. Там, где нехватает средств, поступает на пароход на различную работу...

В полдень вдали показался берег Канинского полуострова. Он далеко врезается в северные воды, на сотни верст удли-

няя путь судов, идущих из Белого моря к востоку. В связи с этим специальная экспедиция обследовала его, чтобы выяснить возможность устройства канала между Чешской губой и Мезенской. Экспедиция установила, что такой мелководный путь по речушкам имеется, и по этому пути ей удалось совершить пробный провод лодок. Этим путем нередко пользуются и местные жители. Экспедиция произвела необходимые съемки. Проведение судоходного канала в будущем сократит путь из Архангельска на Печору на целых 400 километров...

На четвертый день „Умба" вошла в воды Белого моря, держась невдалеке от берега. Долгий час любовались мы не передаваемыми красками медленного солнечного восхода. Потом из легких белых тучек мелкой крупой посыпался снег, тонко звеня по стеклам пароходных окон. Побелела палуба, помутнела даль, а к полудню по овражкам берега забелели гряды нестаявшего снега. Море утихло, качки нет, вышло солнце, большое и невысокое, палуба наполнилась народом. Сегодня будем в Архангельске

Навстречу „Умбе" уже плывут потерянные Двиной бревна, и по тому, как скоро они удаляются, мы замечаем большую скорость парохода. Кажется, судно больше, чем вчера, спешит в порт. Через несколько часов мы вступим в устье Северной Двины.

АРХАНГЕЛЬСК

Размашистое и глубокое русло Северной Двины не знает покоя, и, кажется, здесь не найдешь уголка, где бы речная гладь не колыхалась, волнуемая винтами судовых двигателей.

Мы ожидали увидеть берега серыми, болотистыми, суровыми. Но берегов нет. На протяжении многих километров они превращены в сплошной настил ровно струганого дерева, в сплошные деловые набережные, где царит гордая, полная порядка теснота. Набережные буквально заросли стройными штабелями леса. Несчетные скопища досок, брусьев, тесин, тщательно рассортированных, уложены в штабели — ровные, прямые, стандартизованные. Между штабелями там и сям, словно украшения, подняты постовые будки, домики, мосты переходов, бывшие берега стали сплошной пристанью. Северная Двина заключена здесь в прекрасную, мощную раму. Северная Двина выглядит колоссальным проспектом советского экспортного леса. Десятки пароходов, буксиров, лесовозов бороздят холодную глубь реки, и на волнах мечутся их отражения, перечеркиваемые мелкими судами и лодками.

Иностранные лесовозы уходят из порта, доверху нагруженные свежим лесом, который точно отсчитан и образцово уложен. Под флагами разных стран плывет наш лес, продаваемый по золотому счету. Не видно, где начинается и где кончается этот парад готовой лесной продукции. Тянется он, как бесконечная выставка под открытым небом. Выставка эта рисует лицо нашей лесопромышленности, мощный рост ее механизации, решительные шаги к освоению лесных богатств.

Известно, какое внимание уделяют наша партия и советское правительство техническому вооружению Севера. В Северном крае построены образцовые предприятия по лесопилению. Воздвигнуты такие гиганты, как 24 рамный завод имени Молотова в Архангельске, группа Цигломенских заводов и др. По своим размерам эти заводы — крупнейшие в Европе. Старые заводы, оставшиеся от капиталистов, реконструированы и оборудованы новейшими механизмами. Подъем лесной промышленности вызвал рост судоходства, вовлек в орбиту хозяйственного и культурного роста многие районы края, доселе именовавшиеся глухими. Недалеко то время, когда шум лесозаводов захлестнет и далекий Печорский край.

Уже в 1929/30 году валовая продукция лесов Северного края составляла 250 миллионов рублей. Из года в год эта продукция увеличивает свой объем, и в конце пятилетки уровень лесного экспорта подошел к цифре в полмиллиарда рублей. Край по праву называют „валютным цехом" страны. Древесина всех видов, целлюлоза, бумага, искусственный шелк, канифоль, скипидар, терпентин, искусственная камфора, смола, деготь, древесный спирт, уксусная кислота, уголь, глюкоза — это неполный перечень того, какие виды промышленных производств мы развертываем на базе леса. Перспективы их развития — неизмеримы. Достаточно сказать, что в крае почти семьдесят миллионов квадратных гектаров леса. Больше половины этих богатств падает на бывший Архангельский округ и Коми-область. Но даже сейчас из ежегодного прироста лесов по краю используется едва 60%, в Коми-области — менее 40%, а в это время бескрайные материки лесов, имеющих возраст в 120—180 лет, в большинстве остаются нетронутыми, и почти половина лесов еще не видела лесоустроителя...

Если учесть еще колоссальные богатства северных морей (рыба, морской зверь и др.), богатства недр, промысловые богатства лесов и тундры (охота, животноводство, олени и пр.), станет понятным, почему в мучительные годы гражданской войны капиталистический мир и в первую голову Англия со звериной жадностью набросились на наш север...

... А вот и самый разворот Архангельского порта. Вот и новый Архангельск. Разлив Двины ощетинился мачтами пароходов, плещет полотнищами флагов, окружен бетоном и камнем домов и складов. Порт слился с вокзальной территорией. В черной сетке рельсов, канатов, транспортеров, тросов, кранов бьется полнокровный пульс деловой жизни порта и города.

Перекликаются гудки пароходов и паровозов. Конвейер грузов тянется в десятки ворот и трюмов. Разноголосо шумят бесконечная пристань и рельсовый узел. Отпускники из Крыма встречаются с экспедициями, прибывающими из тайги, тундры и с холодных островов Полярного моря.

В киоске мы купили свежую газету, богато иллюстрированную, призывную. Волнующая радостная весть горит в ровных газетных строчках — *построен Днепрогэс*. Колонки цифр отмечают успехи Кузнецких домен, Магнитогорска, шахт Донбасса, заводов Москвы, Ленинграда, Урала...

Социализм растет, социализм побеждает...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Дорога в первобытность (от автора)	5
Хмель и бетон	7
По следам Ермака	10
„Чудо на болоте"	14
В чем соль	20
Над пылью летописей	25
Окошко Клима Ворошилова	32
Печорский волок	39
Последний „разбойник"	43
О дичи и дикости	50
Новое в тайге	53
Край нетронутого изобилия	56
У подножья Белой скалы	64
На буксире „Социализма"	71
Оживающая карта	79
На пороге вечной мерзлоты	85
Пшеница на новоселье	91
Родина замши	99
Ворота к морю	103
Олени Большой Земли	108
Без спекулянтов и спиртоносов	120
Тундра завтрашняя	124
Проблемы скорости	131
Северное Полярное	136
Архангельск	142

А. ПОЛИКАШИН — Советская Печора. Путевые очерки. Севкрайгиз. Архангельск. Ред. С. Н. Анисимов. Техреды А. А. Веселовская и М. А. Смирнов. Обложка В. Добровольского. Фотоснимки В. П. Чемко и А. В. Егорова. Бум. ф-ки „Сокол". Ст. ф. б. 82×111, 1/32. Тираж 5000 экз. 4 1/2 п. л. 159616 зн. в б. л. Отиз № 421 — III — X 1в. Сдано в набор 8/XII 1933 г. Подписано к печати 1/II 1934 г. Уполн. Севкрайлита № 2530 — 28/XI 1933 г. Заказ № 3331.

№ 16056

Принимается не менее чем на полгода и только с 1/VII и 1/I

Принимается не менее чем на полгода и только с 1/VII и 1/I.

ЕТСЯ
А...Р
СОВЕТСКИХ
И Р С Ф С Р

РНАЯ
ТА

... БОЛОТНИКОВА,
...ИНА, А. СЕЛИВА-
...КОГО, М. СУБОЦ-
...ГО, М. ЧАРНОГО,

...РЕЗ ДЕНЬ,
... В МЕСЯЦ

...ТА

...ойку литератур-
...а основе реше-

...ГА

... творческие во-
...литературы. По-
...тдвижению — одна
... газеты. Большой
...библиографии. По-
...ия о литературной
...инграда и перифе-
...ел „За рубежом".
...пись. В газете со-
...сновные кадры со-

...мес. — 15 руб., 3 мес. —

...ЕД...ЕНИЕ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

РОСТ ПЕЧАТАЕТ

лучшие рассказы, очерки и стихотворения молодых писателей. Систематически рецензирует лучшие произведения советской литературы. Знакомит своих читателей с лучшими образцами революционной литературы Запада. Помещает историко-литературные статьи о творческой работе классиков мировой литературы.

РОСТ НЕОБХОДИМ

каждому рабочему читателю, интересующемуся ростом советской литературы, каждому молодому писателю и литкружковцу, каждому библиотекарю и культактивисту.

В ЖУРНАЛЕ РОСТ

печатаются обзоры литстраниц, статьи по литературной учебе, статьи, освещающие опыт работы лучших литературных кружков.

РОСТ ИЛЛЮСТРИРОВАН

рисунками крупных советских художников.

●

В 1934 г. „РОСТ" выходит два раза в месяц в удвоенном объеме, книжками по 64 страницы.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 12 руб., 6 мес. — 6 руб., 3 мес. — 3 р.

ЦЕНА НОМЕРА 60 коп.

...АЕТСЯ ПОДПИСКА НА

...ТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

...Е НАСЛЕДСТВО

...задачей систематическую и планомерную разработку материалов по истории ...бщественной мысли и журналистики как русской, так и зарубежной. Особое ...яется разработке литературоведческого и искусствоведческого наследия ...ксизма.

...Е НАСЛЕДСТВО

...едующих отделов: 1. Исследования и статьи. 2. Публикация неизданных ...документов. 3. Обзоры. 4. Трибуна. 5. Критика и библиография.

...Е НАСЛЕДСТВО

...ировано снимками с рукописей, фотографиями, рисунками, карикатурами и т. д.

...ЦЕНА: 12 мес. — 42 руб., 6 мес. — 21 ...